

interaction
интеракция

interview
интервью

interpretation
интерпретация

INTER

4' 2021

Арт-объект графического дизайнера и художника Эбона Хита (Ebon Heath)

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

Интеракция. Интервью. Интерпретация
2021. Том 13. № 4
Interaction. Interview. Interpretation
2021. Volume 13. No. 4

ISSN (Print) 2307-2075
ISSN (Online) 2687-0401

РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2002 г.

Выходит 4 раза в год

2021. Том 13. № 4

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4

Учредители	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН) Российское общество социологов (РОС)
Издатель	Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Главный редактор	В. В. Семенова
Редакция	Е. Ю. Рождественская А. В. Стрельникова И. Н. Тартаковская
Ответственный секретарь	П. Е. Сушко
Технический редактор	А. Д. Говорова
Компьютерная верстка	В. Е. Кудымов
Корректор	А. Н. Кокарева

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International Public License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе
на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.inter-fnisc.ru/>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
14 сентября 2018 г.

© Интеракция. Интервью. Интерпретация, 2021
© Interaction. Interview. Interpretation, 2021

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; руководитель сектора, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Ответственный секретарь

СУШКО Павел Евгеньевич — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkore@mail.ru

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДРОБИЖЕВА Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; руководитель центра, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), drobizheva@yandex.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenkoe@mail.ru

ЧЕРНОВА Жанна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru

ЧЕРНЫШ Михаил Федорович — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, врио директора, ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru

ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru

ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

Victoria V. SEMENOVA — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; Head of the sector, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Executive Secretary

Pavel E. SUSHKO — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

Editorial Board

Roman N. ABRAMOV — Doctor of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

Roswitha BRECKNER — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

Zhanna V. CHERNOVA — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

Tatiana I. CHERNYAEVA — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

Michael F. CHERNYSH — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Deputy Director, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfche@yandex.ru

Kathy DAVIS — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

Leocadia M. DROBIZHEVA — Doctor of Historical Sciences, Professor, National Research University Higher School of Economics; Head of the Center, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), drobizheva@yandex.ru

Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiaraskaia@hse.ru

Lena INOWLOCKI — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

Krzysztof KOSELA — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

Irina M. KOZINA — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

Elena L. OMELCHENKO — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenkoe@mail.ru

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	7
Исследовательская рефлексия	9
<i>Бэки Сэлф</i> Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19	9
Полевые исследования	28
<i>Дарья Хлевнюк, Алиса Максимова</i> Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях	28
<i>Юлия Честных</i> Образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей	47
<i>Анна Сокол</i> Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии.....	68
Визуальная социология	92
<i>Сергей Старцев, Андреа Пето, Наталия Веселкова,</i> <i>Роман Абрамов, Оксана Запорожец</i> «Кристалльная Стена плача» Марины Абрамович: аналитическая дискуссия	92
ИНТЕР-энциклопедия качественных методов	114
<i>Иван Климов</i> ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью	114

Contents

Editor's Letter	7
Research Reflection	9
<i>Becky Self</i> Conducting Interviews During the COVID-19 Pandemic and Beyond	9
Fieldwork research	28
<i>Daria Khlevnyuk, Alisa Maximova</i> Birthplaces of Our Fear: Reception of Yuri Dud's Documentary "Kolyma" in Social Media	28
<i>Julia Chestnykh</i> Educational and Professional Trajectories of Women Leaders	47
<i>Anna Sokol</i> Discourse of First Romantic Love: Gender Scenarios	68
Visual Sociology	92
<i>Sergey Startsev, Andrea Peto, Natalia Veselkova, Roman Abramov,</i> <i>Oksana Zaporozhets</i> "Crystal Wall of Wailing" by Marina Abramovich: Analytical Discussion	92
INTER-Encyclopedia of Qualitative Methods	114
<i>Ivan Klimov</i> INTER-Encyclopedia: Cognitive Interview	114

Письмо редактора

Завершающий в этом году номер нашего журнала несет все приметы времени — здесь представлены несколько актуальных смысловых осей. Прежде всего — это методологические размышления о том, как интервьюировать в эпоху пандемии и как осмыслить инструмент интервью с точки зрения задач исследователями и понимания вопросов информантами. Речь о переводной статье Бэки Сэлф «Проведение интервью во время и после пандемии COVID-19» (перевод Александра Рязанцева) и статье «Когнитивное интервью» — вкладе Ивана Климова в ИНТЕР-энциклопедию качественных методов.

Другая смысловая ось, вполне ожидаемая в эпоху гендерного блоу-ап, — это статья на тему женского карьерного роста «Образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей» Юлии Честных и исследование Анны Сокол о «Дискурсе первой романтической любви: гендерные сценарии». Если Ю. Честных сфокусировалась в своей статье на рефлексии достигших успеха представительниц топ-менеджмента, которые имеют возможность оценить в ретроспекции условия и барьеры на пути к профессиональному успеху, то А. Сокол реконструирует на основе интервью целую дюжину разнообразных сценариев первого романтического чувства, к тому же имеющих гендерную специфику.

И, наконец, третья смысловая ось представлена общим сюжетом коммеморации. Причем форматы этой коммеморации отражают поиски современных поколений, стремящихся к использованию новых цифровых платформ для разговора о социальной памяти силами инфлюенсеров либо к строительству нового языка для выражения отношения к теме памятования. В первом случае речь о статье «Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя “Колыма” в социальных сетях» Дарьи Хлевнюк и Алисы Максимовой. Рассматривая сталинские репрессии как род отечественной травмы, авторы проанализировали комментарии к фильму В. Дудя и обнаружили два ключевых нарратива. Оба повествуют о нарушении прав человека — гражданских и социально-экономических.

Во втором случае в рубрике «Визуальная социология» представлена групповая аналитическая дискуссия вокруг нового объекта коммеморации — «Кристалльной Стены плача» известной сербской художницы и перформансистки Марины Абрамович. Мы организовали эту дискуссию, намеренно не знакомя ее участников — Сергея Старцева, Андреа Пето, Наталию Веселкову, Романа Абрамову, Оксану Запорожец — с текстами друг друга, стремясь к эффекту интертекстуальности уже на страницах журнала. Тем самым визуальный объект в контексте мемориальной зоны Бабьего Яра обрывает в аналитических текстах как уплотняющимися паттернами рефлексирующего восприятия, объединяющими исследователей, так и особостью интерпретативных ходов,

продиктованных дисциплинарной идентичностью авторов. Визуальный объект «Кристалльная Стена плача» привлек нас ясной декларацией автора о необходимости перформанса в связи с исторической памятью. Как известно, в современных направлениях *memory studies* обозначились запросы на интервенирующие приемы в экспозиции музея, взаимодействие со зрителем и перформативность музейных практик. В свою очередь Марина Абрамович сетовала, что «молодое поколение потеряло связь с памятью о прошлом. У молодого поколения больше нет таких воспоминаний, как у моего поколения. Мы должны подумать о проекте, который должен иметь дело с перформативными элементами. Я хочу, чтобы публика взаимодействовала. Я хочу, чтобы у публики были эмоции. Я хочу, чтобы молодое поколение действительно воссоединилось с прошлым и увидело его... Я хочу создать трансцендентный образ любой войны...»¹ Но каковы пределы этого взаимодействия? И как учесть интересы разных публик — поколенческих аудиторий, представителей разного опыта войны, религий, идеологий? Этот сложный визуальный объект поневоле взывает к различной оптике анализа, а дискуссии вокруг него и контекста модернизируемой памяти о трагических событиях Второй мировой войны разгораются с новой силой.

Елена Рождественская,
ответственный редактор номера

¹ Artist Marina Abramovic's 'Crystal Wall of Crying' commemorates Jews killed in Babyn Yar massacre by Margaryta Chornokondratenko <https://www.reuters.com/world/europe/artist-marina-abramovics-crystal-wall-crying-commemorates-jews-killed-babyn-yar-2021-10-06/> (дата обращения: 15.12.2021).

Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.1

Ссылка для цитирования:

Сэлф Б. Как провести интервью во время и после пандемии COVID-19 / пер. с англ. А. П. Рязанцева // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>

For citation:

Self B. (2021) Conducting Interviews During the COVID-19 Pandemic and Beyond / transl. from English: A. P. Ryazantsev. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 9–27. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.1>

Сэлф Бекки

Ливерпульский университет Джона Мурса,
Ливерпуль, Великобритания
E-mail: B.self@2019.ljmu.ac.uk

Проведение интервью по телефону или с использованием VoIP (IP-телефония, телефонная связь по протоколу IP) стало необходимым вследствие правовых ограничений и мер безопасности, введенных в период пандемии COVID-19. Это способствовало началу научного диалога относительно выбора типа интервью, а также признанию, что именно личные интервью (face-to-face interview) являются «золотым стандартом» [Novick, 2008: 397]. Широкая общественность также стала постепенно привыкать к использованию VoIP в своей повседневной жизни. В данной статье я анализирую это изменение в способах коммуникации и то влияние, которое оно может оказать на режимы проведения интервью. При этом контекст исследователя и контекст участника остаются первостепенными при принятии решения о том, какой режим интервью использовать. По этой причине модель Ш. Олтман [Oltmann, 2016] была расширена за счет включения в нее VoIP, предоставляя тем самым

¹ Статья впервые опубликована на английском языке в журнале FQS: Self B. Conducting Interviews during the COVID-19 Pandemic and Beyond [33 paragraphs] // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2021. Vol. 22. No. 3. Art. 15. DOI: <http://dx.doi.org/10.17169/fqs-22.3.3741>.

Перевод текста осуществлен аспирантом Департамента социологии Научного исследовательского университета «Высшая школа экономики» Рязанцевым Александром Павловичем, aryazantsev_1@edu.hse.ru.

исследователю более широкую основу для принятия информированного решения при выборе режима интервью.

Ключевые слова: режимы интервью; Zoom; VoIP; Skype; телефон; качественное интервью; личное интервью; качественное исследование

Введение

Интервью широко применяются в качественных исследованиях и воспринимаются некоторыми исследователями как основной метод в рамках качественной парадигмы [Sandelovski, 2002]. Они используются для сбора информации от респондентов об их опыте, понимании и мнении относительно специфического феномена или определенной исследовательской задачи [Lambert, Loiselle, 2008]. Преимущества и недостатки интервью как исследовательского метода широко обсуждались учеными на протяжении нескольких десятилетий [Kalekin-Fishman, 2002].

Личные (face-to-face) интервью часто понимаются как «золотой стандарт» [Novick, 2008: 397] качественных исследований. Некоторые ученые (например, [Gillham, 2005; Shuy, 2002]) утверждали, что они более близки к реальности, чем другие способы интервьюирования. Например, исследователи могут установить личную связь с участниками интервью благодаря физическому присутствию [Seitz, 2016; Vogl, 2013]. Они также могут установить контакт, оценивать и анализировать невербальные сигналы и язык тела интервьюируемых [Holt, 2010; Lechuga, 2012; Vogl, 2013].

В литературе по интервьюированию часто утверждается, что интервью следует проводить лично и что исследователь предпочтительно должен выбирать этот режим [Oltmann, 2016]. Например, рассуждая о проведении полуструктурированных интервью и фокус-групп, Лонгхурст [Longhurst, 2003] представил обзор мест, где можно встречаться с участниками, но при этом не рассматривал другие возможные способы проведения интервью. Другие исследователи пошли дальше и определяют интервью как «личное взаимодействие» (например, [Magnusson, Marecek, 2015; Taylor et al., 2015]). Например, Тэйлор [Taylor et al., 2015: 114] утверждал, что «[интервью] — это форма социального взаимодействия. [Это] предполагает встречу лицом к лицу между двумя — а иногда и более — людьми, каждый из которых оценивает другого и анализирует значение слов, выражений и жестов другого». Тем не менее существует множество научных публикаций, в которых описываются преимущества использования различных режимов интервью, включая телефонное [Carr, Worth, 2001; Holt, 2010; Shuy, 2002] и VoIP через такие платформы, как Skype [Hanna, 2012; Sullivan, 2012] и Zoom [Addo, 2020; Archibald et al., 2019; Gray et al., 2020].

В настоящее время правовые ограничения и меры безопасности, введенные на период пандемии COVID-19, означают, что исследователи вынуждены проводить интервью в удаленном режиме. Таким образом, необходимо принимать решение, какой удаленный режим использовать, или в ином случае

придется отложить сбор данных, что простимулировало дискуссию о выборе режима интервью [Dodds, Hess, 2020; Sy et al., 2020]. Это также потенциально может разрушить принцип, содержащийся во многих руководствах и исследовательских гайдах, что интервью должны проводиться лицом к лицу, так как это воспринимается как «золотой стандарт». Респонденты в своей повседневной жизни тоже поближе познакомились с онлайн-общением. Степень знакомства зависит от доступа к технологиям и к Интернету, а также от профессии потенциальных участников исследования. Это может свидетельствовать об их приобретенной готовности участвовать в исследованиях с использованием удаленных режимов и повышении внутренней валидности при использовании таких методов. Несмотря на более широкое использование VoIP, контексты исследователя и респондента остаются первостепенными при принятии решения о том, какой режим интервью использовать.

В разделе 2 я рассматриваю технологические и социальные изменения, вызванные пандемией COVID-19, и последствия, которые они могут иметь для исследований, проводимых сейчас и в будущем. В разделе 3 я выделяю предпосылки для выбора режима интервью исследователем. Это, по сути, расширение модели, предложенной Олтман [Oltmann, 2016]. Я рассуждаю об исследовательском контексте при выборе режима. Особое внимание я уделяю бюджету исследований и ограничениям по времени, а также таким факторам, как географическое местоположение участников и безопасность интервьюеров. Далее я проанализировала контекст респондента, сосредоточившись на таких вопросах, как власть, анонимность и конфиденциальность при определенном режиме. Наконец, в разделе 4 я кратко излагаю аспекты, которые необходимо учитывать как в контексте исследователя, так и в контексте респондента.

COVID-19 и то, что будет после

Во время пандемии COVID-19 большинству исследователей пришлось изменить способ сбора данных, чтобы обезопасить себя и участников, а также соблюдать правительственные ограничения и законы. Наряду с этим все шире используются технологии VoIP, которые прочно укоренились в нашем обществе, пораженном ковидом. Например, преподавателям и студентам пришлось использовать технологию VoIP [Dias et al., 2020], расширилось применение телемедицины [Abraham et al., 2020] и терапии [Bekes, Aafjes-Van Doorn, 2020], судебные разбирательства [Puddister, Small, 2020] и религиозные службы [Addo, 2020] проводятся онлайн. Другие [Kominers et al., 2020] даже пошли дальше и утверждают, что использование Zoom стало главным в нашем обществе.

Растущую популярность VoIP можно сравнить с использованием мобильных телефонов [Carr, Worth, 2001]. Оно создало межпоколенческое, глобализированное, «технически подкованное» общество, характеризующееся более широким использованием и приемлемостью VoIP. Тот факт, что VoIP заменила

многочисленные личные взаимодействия во время пандемии, может повлиять на дебаты о способах проведения интервью и поставить под сомнение принцип личного интервью как «золотого стандарта» [Novick, 2008: 397]. Изложенное ниже совмещение контекстов исследователя и участника, дает представление о ряде преимуществ расширенного использования VoIP, что, возможно, и пожелают использовать исследователи.

Население в целом теперь лучше подготовлено к работе с VoIP. Оно прошло подготовку и натренировано в ее использовании; кроме того, увеличилось количество онлайн-руководств и учебных пособий, доступных для всех желающих. Поэтому респонденты и исследователи, скорее всего, имеют как адекватное подключение к Интернету, так и технические знания. Это может снизить возможность технологических проблем, связанных с VoIP. Таким образом, беседы по VoIP, вероятно, могут проходить более гладко, чем в прошлом.

Широкое использование VoIP и развитие технологических возможностей могут повысить готовность интервьюируемых участвовать в исследованиях, поскольку благодаря знакомству с технологией они будут чувствовать себя здесь более расслабленно и свободно. Таким образом, наличие большого количества обладающих компьютерной грамотностью людей означает меньшую вероятность предвзятости или смещения в выборке [Vampton, Cowton, 2002]. Надо оговориться, что это зависит от критериев включения или исключения при формировании выборки, а также от требуемых характеристик участников исследования [Vampton, Cowton, 2002].

COVID-19 также размыл границы между частной и публичной сферами. Коллеги, студенты и профессионалы (такие как социальные работники и врачи) через призму VoIP формально приглашаются в частное пространство человека. Данная практика стала нормой в 2020–2021 годах и может быть полезной с точки зрения социальных исследований, поскольку участники-респонденты теперь, возможно, более готовы дать разрешение исследователю «войти» в их дом посредством технологии VoIP. Байлз [Bayles, 2012] даже утверждает, что при использовании VoIP исследователь становится «физически ближе» к респонденту по сравнению с очными интервью. Это потенциальное вторжение в частную жизнь и способы его преодоления еще предстоит рассмотреть.

Наконец по мере того, как участники привыкают к работе с VoIP, то, что раньше воспринималось как неестественная ситуация, начинает считаться нормальным. Таким образом, респонденты и исследователи могут чувствовать себя более расслабленно, растет взаимопонимание, и повышается вероятность того, что участники будут правдиво отвечать на вопросы, а это повышает достоверность полученных результатов. Но, несмотря на множество изменений, вызванных пандемией COVID-19, важно не преувеличивать использование VoIP. Хотя большинству людей в обществе пришлось привыкнуть к VoIP, степень привыкания будет различаться у разных людей и групп. В результате широкого внедрения процесса вакцинации неясно, какая судьба ждет VoIP «после» COVID-19.

Далее в статье я рассмотрю преимущества и недостатки использования личных, телефонных и VoIP-интервью с позиции исследователя и с позиции

респондента. Я представляю это в контекстах, позволяющих исследователю решить, какой режим интервью использовать во времена пандемии COVID-19, а также после нее.

Режимы интервью

Олтман [Oltmann, 2016] утверждает, что исследователи должны проявлять особую осторожность при принятии решения о том, какой режим интервью использовать, поскольку им необходимо убедиться, что он подходит как для контекста исследователя, так и для респондента. Олтман разработала критерии для выбора личного или телефонного интервью. Критерии представлены в таблицах 1 и 2. Я развила это направление дальше, с тем чтобы включить сюда платформы VoIP, ориентированные, в частности, на использование Zoom, Microsoft Teams и Skype. Это делает систему более актуальной в контексте исследовательской ситуации в период пандемии COVID-19, а также вне его.

Контекст исследователя

Этот раздел фокусируется на аспектах, связанных с контекстом исследователя. Они представлены в следующей таблице:

Таблица 1

Компоненты контекста интервьюера

Временные и финансовые затраты
Географическое распределение респондентов
Деликатные или спорные темы
Технологические проблемы
Безопасность интервьюера
Ведение заметок
Эффекты взаимодействия
Невербальный язык и сигналы

Источник: [Oltmann, 2016: § 9].

Временные и финансовые затраты

Временные и финансовые затраты являются наиболее очевидными компонентами контекста интервьюера. Олтман отмечает, что личные интервью требуют значительных временных затрат и могут быть дорогостоящими, поскольку исследователю обычно приходится выезжать к респонденту. Эти затраты значительно снижаются при использовании режимов VoIP и телефонных исследований, учитывая, что отпадает необходимость в поездках [Archibald et al., 2019; Carr, Worth, 2001; Gray et al., 2020]. Экологические издержки также снижаются, поскольку телефонные и VoIP-режимы более экологичны [Hanna, 2012]. Однако с телефонными интервью связаны определенные расходы.

Например, исследователям может быть рекомендовано приобрести рабочий телефон и заключить ежемесячный контракт, чтобы гарантировать, что у телефона не закончится кредит. Эти расходы, как правило, оплачиваются учреждением или организацией, а не самим исследователем [Oltmann, 2016]. Для сравнения: режимы VoIP менее затратны, поскольку исследователи могут использовать свой собственный ноутбук/компьютер и не приобретать дополнительное оборудование. Программы Microsoft и Skype можно использовать бесплатно, как и бесплатную версию Zoom. Здесь важно отметить, что Zoom отличается от программ Microsoft и Skype, поскольку звонки ограничиваются 40 минутами, когда в них участвует более двух участников [Lobe et al., 2020]. Это может быть проблематично при проведении длительных фокус-групп, так как процесс интервью может быть прерван, и участники могут не присоединиться повторно, если сеанс придется перезапускать.

Географическое местоположение респондентов

Географическое местоположение участников является еще одним важным аспектом, который следует учитывать. Как обсуждалось ранее, личные интервью часто ограничиваются конкретным географическим районом из-за временных и финансовых ограничений [Sweet, 2002]. Таким образом, интервью по телефону и VoIP может расширить географический охват участников [Archibald et al., 2019; Gray et al., 2020; Oltmann, 2016] до национального или международного масштаба [Shuy, 2002]. Тем не менее важно учитывать стоимость проведения исследований с использованием телефона на международном уровне. Эти затраты не увеличиваются при использовании платформ VoIP. Более того, такие режимы также могут оказаться продуктивными при исследовании групп населения, которые географически труднодоступны. Например, исследователи [Hubbard et al., 2015] провели полуструктурированные телефонные интервью с женщинами с раком молочной железы в сельской Шотландии, чтобы определить их потребности в поддерживающем уходе. К сожалению, телефонные и VoIP-интервью также могут иметь недостатки, поскольку возможны отвлекающие факторы и фоновый шум [Deakin, Wakefield, 2014], а также потенциальное отсутствие конфиденциальности [Gray et al., 2020], хотя интервьюируемый при этом находится в привычной обстановке [Kazmer, Xie, 2008]. Эти сложности несколько сглажены при личных интервью, если исследователь тщательно продумывает, где будет проходить интервью [Bryman, 2008]. Однако это не всегда происходит так, поскольку исследователь предоставляет участнику свободу выбора места проведения, или в ходе интервью могут возникнуть сбои, не зависящие от исследователя. Но очевидно, что благодаря использованию VoIP и телефонных режимов можно получить доступ к более широкому географическому охвату и кругу участников.

Деликатные или спорные темы

Полуструктурированные интервью рассматриваются исследователями как подходящий формат для обсуждения деликатных тем [Bryman, 2008]. Например, исследователь может объяснить респонденту, что он имеет право отказаться

от интервью и может сделать перерыв в любой момент. Исследователь также может опросить участников после интервью и ответить на любые вопросы, которые могут возникнуть, чтобы предоставить дополнительную информацию или прояснить любые недоразумения [Bryman, 2008]. Решение о том, какой режим интервьюирования использовать, важно при изучении чувствительной тематики. Некоторые исследователи утверждают, что деликатные темы могут быть щекотливыми или неудобными для обсуждения в личных интервью [Doody, Noonan, 2013; Vogl, 2013]. Однако это оспаривается другими исследователями, которые утверждают, что личные интервью позволяют исследователю установить взаимопонимание с участниками, располагая их чувствовать себя более расслабленными и способными к открытому общению [Bryman, 2008]. Можно также утверждать, что исследователю легче судить об эмоциональном состоянии участников в личных беседах, поскольку есть возможность считывать невербальные сигналы и реагировать на них. Это может быть полезно для снижения чувства неловкости, связанной с обсуждением деликатных тем [Carr, Worth, 2001; Oltmann, 2016]. Телефонные интервью также имеют дополнительное преимущество «безликого исследователя», который представляет меньшую угрозу для участников по сравнению с другими режимами [Dinham, 1993: 25]. «Безликий исследователь» также может присутствовать в технологии VoIP — с отключенной настройкой видео. Это оказалось эффективным при исследовании деликатных тем. Например, исследователи [Sipes et al., 2019] рассмотрели преимущества использования Skype только в звуковом режиме при исследовании сексуальной идентичности. Таким образом, VoIP и телефонные интервью являются эффективными средствами исследования деликатных и потенциально щекотливых тем.

Технологические проблемы

Вместе с тем могут возникнуть проблемы технологического свойства, связанные как с VoIP, так и с телефонным режимом. Обычно это ограничивается трудностями с записывающими устройствами, что бывает и при личных интервью [Bryman, 2008], но сложности записи могут возникать также и при работе в других режимах. Бывает, интервью приходится перезапускать или переносить на другое время из-за плохого телефонного или интернет-сигнала [Carr, Worth, 2001], а также из-за плохого качества звука и/или видео [Deakin, Wakefield, 2014]. Потенциально это может привести к сбоям в коммуникации и повлиять на глубину ответов, поскольку респонденты могут неохотно реагировать на перенос интервью. Также высказываются опасения, что участники могут быть незнакомы с данной технологией [Hesse-Biber, Griffin, 2013] или не иметь доступа к ней. Тем не менее Вард, Готт и Хоар [Ward et al., 2015] утверждают, что телефоны прочно вошли в повседневную жизнь, как и VoIP, особенно во время пандемии COVID-19 [Kominers et al., 2020]. Это означает большую вероятность, что участники технически грамотны и будут чувствовать себя комфортно, используя эти режимы. Более того, если респонденты не знакомы с технологией, они, как правило, готовы учиться (в том числе пожилые люди) и рассматривают участие в исследовании в качестве ценной

возможности для такого обучения [Lo Iacono et al., 2016]. Хотя телефонные и VoIP-платформы создают технологические проблемы [Archibald et al., 2019], преимущества этих режимов их перевешивают.

Безопасность интервьюера

При проведении VoIP и телефонных интервью обеспечивается безопасность исследователя. Этот элемент часто упускается из виду, к тому же он может варьироваться в зависимости от вопроса исследования и характера участников [Oltmann, 2016], в то время как личное интервью может потенциально представлять угрозу для исследователя, в зависимости от времени и места встречи [Wilson, 2012]. Когда я во время написания магистерской диссертации проводила свое исследование с работниками секс-бизнеса, совет по этике дал мне указание не назначать встречу у них дома. Это создало потенциальный барьер, поскольку многие женщины чувствовали себя более комфортно, обсуждая свою работу в домашней среде, а не в публичном месте, например, кафе. VoIP или телефонное интервью могло бы помочь преодолеть эту проблему, поскольку интервью можно было бы проводить в безопасной обстановке — у них дома [Shuy, 2002]. Таким образом, безопасность интервьюера является важным фактором в зависимости от контекста интервьюера.

Ведение заметок

Если участники не желают, чтобы их записывали на аудио, или возникла техническая проблема с записывающим устройством, телефонное интервью может оказаться полезным, поскольку во время интервью можно делать письменные заметки. Хотя в некоторых качественных исследовательских разработках и рекомендуется при личных интервью делать заметки в качестве дополнения к аудиозаписи [Opdenakker, 2006], это может вызывать раздражение и отвлекать респондента, поэтому должно быть сведено к минимуму [Knox, Burkard, 2009]. Телефонный режим позволяет исследователю полностью сосредоточиться на слушании и реагировании на высказывания респондента. Такие интервью дают возможность делать небольшие заметки, поскольку респондент их не может видеть [Novick, 2008], хотя одновременное ведение записей и концентрация на интервью создают дополнительные сложности [Stephens, 2007]. Ведение заметок является одним из преимуществ телефонных бесед по сравнению с очными и VoIP-интервью. Этому аспекту следует уделить большое внимание, особенно если участники не желают, чтобы их записывали.

Эффекты взаимодействия

Полуструктурированные интервью досконально проанализированы с точки зрения того, что они в неявной форме отражают социальные нормативы (или социальную желательность), то есть в них часто отражается попытка представить свою идентичность, которая согласуется с нормативной [Denzin, 1989] и соответствует определенному «культурному сценарию» [Alvesson,

2003: 15]. Вследствие этого респонденты отвечают на вопросы так, как, по их мнению, они должны отвечать, чтобы отразить желаемый социальный ответ [Brink, 1991]. Орн [Orne, 1962: 780] назвал эти эффекты «характеристиками запроса» (“demand characteristics”)¹. Чем больше интервьюер и респондент различаются по этнической принадлежности, социально-экономическому статусу, полу и возрасту, тем больше усиливаются подобные эффекты [Bailey, 1987]. Исследователи могут снизить влияние «характеристик запроса» в личных и VoIP-интервью, держась расслабленно, но профессионально посредством стиля одежды, этики и манеры поведения [Denzin, 1989]. Характеристики запроса могут быть нейтрализованы в ситуации телефонных интервью, поскольку видимые характеристики больше не видны [Taylor et al., 2015]. Однако Холт [Holt, 2010] утверждал, что при сходстве социального типажа исследователя и респондента данные характеристики могут быть полезны для установления взаимопонимания, поскольку оба будут ориентироваться друг на друга. Таким образом, идентичности (и различия в идентичностях) исследователя и участника имеют первостепенное значение при выборе того режима интервью.

Невербальный язык и сигналы

Наконец, одна из причин, по которой личные интервью были провозглашены «золотым стандартом», заключается в том, что исследователь может анализировать невербальные сигналы и язык тела респондента [Holt, 2010; Lechuga, 2012; Vogl, 2013]. Другие исследователи [Lo Iacono et al., 2016] утверждают, что в определенной степени исследователь может анализировать эти индикаторы, поскольку наблюдает паралингвистические сигналы, например выражение лица и тон голоса. Однако Байлс [Bayles, 2012: 578] указал, что «при презентации только головы и плеч мы теряем весь спектр позы человека, жестов и экспрессивных движений всего тела, а также интенциональность, которая содержится и выражается через эти движения». Зайц [Seitz, 2016] утверждал, что это можно преодолеть, если внимательнее прислушиваться к голосу участника и наблюдать за выражением его лица, намеренно использовать выражение своего лица для передачи эмоций и установления взаимопонимания. Во время телефонных интервью большинство невербальных сигналов недоступны, за исключением тона голоса и паузы в речи [Opdenakker, 2006]. Это может привести к тому, что респонденты и исследователи будут подробнее излагать свои мнения и опыт, создавая тем самым более богатый контент для анализа [Vogl, 2013]. Следовательно, исследователи должны учитывать важность невербальных сигналов и то, как их можно отслеживать при выборе режима интервью.

¹ Эффект предвзятости экспериментатора (еще — эффект Р. Розенталя) означает в социальной психологии изменения в поведении участника эксперимента из-за представления о надлежном, по его мнению, поведении в ходе эксперимента. Испытуемый предполагает, какие стратегии поведения или ответы от него ждут, а также строит предположения о целях исследования, изменяя свое поведение (Ред.).

Контекст респондента

Следующий раздел посвящен контексту респондента. Элементы контекста представлены в следующей таблице.

Таблица 2

Компоненты контекста респондента

Планирование Анонимность респондента Конфиденциальность и вторжение Стигматизированные и маргинализированные группы Деликатные или спорные темы Расширение прав и возможностей респондентов
--

Источник: [Oltmann, 2016: § 21].

Планирование

Заблаговременное планирование личного интервью может стать элементом социального давления на участников исследования: нужно встретиться в определенное время и в определенном месте, что может привести к более высокой степени завершенности по сравнению с телефонными и VoIP-интервью [Shuy, 2002]. При телефонном интервью участники могут легко изменить время проведения беседы, если они недоступны в данный момент [Novick, 2008]. Это также относится и к VoIP-интервью. Потенциальные респонденты, у которых может не быть времени для участия в очных интервью вследствие других обязательств, таких как работа и уход за детьми, могут пообщаться по телефону или по VoIP. Таким образом, телефонные и VoIP-интервью могут увеличить число участников. Например, Стефенс [Stephens, 2007] выяснил, что использование телефонных интервью при исследовании ультраэлиты и элиты было продуктивно, поскольку респонденты не могли тратить на беседу много времени. Таким образом, респонденты могут с большей готовностью согласиться на роль в исследовании с нежесткими условиями, то есть в телефонном исследовании или VoIP, и с меньшей вероятностью будут готовы согласиться на личное интервью.

Анонимность респондента

Телефонные интервью обычно воспринимаются участниками как отчуждающие, поскольку исследователь не может видеть респондента [Sturges, Hanrahan, 2004; Sweet, 2002]. Это можно воссоздать и с помощью VoIP, отключив функцию видео, как это сделали другие [Williams et al., 2015] в своем исследовании женщин с синдромом поликистозных яичников. Но участники могут и не чувствовать необходимости выключать камеру, поскольку характер онлайн-взаимодействия и отсутствие общей социальной сети позволяют обеспечить им достаточное чувство анонимности [Sullivan, 2012]. Это может быть продуктивно, особенно при обсуждении деликатных или криминальных тем, поскольку респонденты будут чувствовать себя более комфортно и смогут

предоставить нужную информацию [Sturges, Hanrahan, 2004]. Это также может участникам раскрыть свое подлинное «Я» [Sullivan, 2012: 56] благодаря тому, что они будут говорить более открыто и честно [Carr, Worth, 2001].

Конфиденциальность и вторжение

Респонденты могут испытывать опасения по поводу конфиденциальности и защиты данных. Исследователь часто приезжает к участникам, когда проводит личные интервью. Это может создать ощущение агрессии, поскольку интервью часто проводятся дома, на рабочем месте или в публичном месте рядом с домом [Whale, 2017]. Это предполагаемое нарушение конфиденциальности может быть уменьшено благодаря проведению интервью по телефону или VoIP, поскольку исследователь физически не входит в пространство участников [Holt, 2010; Sweet, 2002]. Если исследователь решает записывать интервью с помощью программного обеспечения, респонденты могут быть обеспокоены утечкой данных и отсутствием конфиденциальности. Zoom, Skype и Microsoft предлагают удобную форму записи через платформу; затем эти записи могут быть сохранены в облаке или на устройстве, используемом при проведении интервью. Исследователи должны быть осведомлены об этических проблемах, возникающих при подобной записи (особенно в отношении права собственности на данные), и получить согласие участников. Таким образом, очевидно, что, хотя VoIP и телефонные собеседования могут обеспечить большую конфиденциальность, чем личные собеседования, возможно, потребуется решать и некоторые этические проблемы.

Стигматизированные и маргинализованные группы

Телефонные и VoIP-интервью могут как давать преимущества, так и ограничивать при опросе маргинализованных и стигматизированных людей. При выборе режима исследования необходимо учитывать личность и возможности респондентов. Закрытые и обездоленные группы, которые, возможно, не участвовали в очных исследованиях, теперь могут быть охвачены с помощью онлайн-методов. Примерами исследования таких групп можно назвать такие группы, как китайские молодые лесбиянки [Cheng, 2018], женщины с синдромом поликистозных яичников [Williams et al., 2015] и члены трансобщества [Jourian, 2017]. Маргинализованные и стигматизированные участники исследований, возможно, предпочтут беседу по телефону или VoIP из-за географически распределенного местоположения, из-за деликатности тем и требования высокого уровня анонимности. Другие [Glogowska et al., 2011: 26] утверждали, что телефонные интервью имеют «потенциал для предоставления права голоса тем слоям населения, которые в противном случае могли бы остаться неуслышанными».

Тем не менее цифровой разрыв означает, что не все группы могут стать участниками исследований по телефону или VoIP [Maitland, 2018]. Люди могут не иметь доступа к данной технологии или не иметь средств для оплаты достаточного количества интернет- или телефонного трафика. Это группы, например, бездомных, беженцев и тех, кто живет в относительно стесненных

обстоятельствах. Также необходимо оценить когнитивные способности участника, так как это может повлиять на выбор режима интервью. Например, люди с деменцией, как правило, испытывают трудности при телефонных разговорах, однако при этом считают, что VoIP является для них удобной формой общения [Boman et al., 2014]. В то же время те, кто находится на поздних стадиях болезни Хантингтона, больше преимуществ увидят в телефонном интервью, чем в беседе по VoIP. Таким образом, при выборе режима интервью необходимо учитывать доступ к технологиям и возможности участников исследования.

Деликатные или спорные темы

Хотя сенситивность ранее обсуждалась в отношении контекста исследователя, также важно рассмотреть этот вопрос в связи с контекстом респондента. Например, обсуждение деликатных или потенциально неудобных тем, возможно, будет затруднено при личных интервью [Carr, Worth, 2001]. Использование телефонных и VoIP-интервью может облегчить участникам раскрытие и обсуждение таких вопросов из-за отсутствия физического присутствия и большей анонимности. Тогда участники могут быть более открытыми и экспрессивными [Deakin, Wakefield, 2014; Gray et al., 2020]. Домашняя или безопасная обстановка беседы будет способствовать этому еще больше, поскольку участники будут чувствовать себя более расслабленно и смогут делиться своим опытом и мнением [Gray et al., 2020]. Это не означает, что они всегда могут обеспечить себе приватность в домашней среде (из-за страха быть подслушанными другими домочадцами). Например, проживание с партнером, соседом по комнате или с детьми создает сложности в планировании беседы на то время, когда они одни. Это становится еще более проблематичным в период изоляции, когда люди проводят больше времени дома, потеряв работу либо вынужденно работая из дома. Исследователи должны учитывать контекст и среду участника, размышляя о преимуществах использования VoIP и телефонных интервью для обсуждения деликатных вопросов. К сожалению, это не всегда может быть определено заранее.

Наконец, все режимы интервью имеют потенциал для расширения или, наоборот, сокращения возможностей интервьюируемых. В целом полуструктурированные интервью были признаны способом расширения возможностей участников, позволяющим «услышать голос» тех, кого раньше не слышали [Skinner et al., 2013]. Как отмечалось ранее, телефонные и VoIP-режимы могут как включать, так и исключать маргинализированных и стигматизированных людей, тем самым противостоя или же, наоборот, соответствуя текущей динамике властных отношений. Примечательно, что при использовании VoIP и телефонных режимов участники имеют больший контроль над всем процессом исследования, включая то, когда и где проводится интервью [Cheng, 2018; Novick, 2008; Sweet, 2002]. Они сразу же выключаются из взаимодействия с исследователем в момент, когда интервью закончено [Whale, 2017]. Это способствует более равноправным отношениям между участником и исследователем, позволяя участнику чувствовать себя более комфортно и открыто делиться своим опытом и мнением [Cheng, 2018]. На самом деле участник

может чувствовать себя еще более уверенно во время личных и VoIP-интервью, поскольку может видеть исследователя [Shuy, 2002] и оценить в случае необходимости, заинтересован ли исследователь в нем и в теме исследования [Stephens, 2007]. К сожалению, менее уверенный в себе участник может и не чувствовать себя способным бросить прямой вызов исследователю, но может признать подобную ситуацию разочаровывающей и обескураживающей. Таким образом, личность и характеристики как исследователя, так и респондента влияют на то, в какой степени респондент чувствует ситуацию интервью как ситуацию расширяющихся или сужающихся возможностей. Может быть, лучший способ расширить возможности участников — позволить им выбрать, какой режим интервью они предпочитают и в какой ситуации будут чувствовать себя наиболее комфортно [Hanna, 2012].

Контексты исследователя и участника — краткое описание компонентов

В приведенных ниже таблицах обобщены преимущества и недостатки использования личных, телефонных и VoIP-интервью с учетом контекста исследователя и участника, рассмотренных в разделе 3.

Таблица 3

Контекст исследователя — сводная таблица компонентов

Контекст исследователя	Личное интервью	VoIP	Телефонное интервью
Временные и финансовые затраты	Большие временные и финансовые затраты	Низкие временные и финансовые затраты	Низкие временные и финансовые затраты
Географическое распределение респондентов	Ограниченный географический ореол	Неограниченный географический ореол	Неограниченный географический ореол
Деликатные или спорные темы	Неловкость. Однако установление взаимопонимания означает, что участники могут расслабиться	Отсутствие физически воспринимаемого контакта уменьшает неловкость и создает «безликого исследователя»	Отсутствие физически воспринимаемого контакта уменьшает неловкость и создает «безликого исследователя»
Технические проблемы	Проблемы с записью	Проблемы с записью. Возможно низкое качество связи. Нужно быть технически грамотным	Проблемы с записью. Возможно низкое качество связи. Нужно быть технически грамотным

Контекст исследователя	Личное интервью	VoIP	Телефонное интервью
Безопасность интервьюера	Высокий уровень риска	Низкий уровень риска	Низкий уровень риска
Ведение записей	Раздражает	Раздражает при включенном видео	Менее раздражает
Эффект взаимодействия, характеристики спроса	Выраженный, но может быть уменьшен Иногда может быть полезно для установления взаимопонимания	Выраженный, но может быть уменьшен Иногда может быть полезно для установления взаимопонимания	Менее выраженный
Язык тела	Легче понять	Сложнее понять	Сложнее понять

Таблица 4

Контекст респондента — сводная таблица компонентов

Контекст респондента	Личное интервью	VoIP	Телефонное интервью
Планирование	Менее гибкое	Гибкое	Гибкое
Анонимность респондента	Менее анонимное	Ощущение анонимности (функция «отключение видео» увеличивает это ощущение)	Ощущение анонимности (функция «отключение видео» увеличивает это ощущение)
Конфиденциальность/вторжение	Менее конфиденциально	Более конфиденциально	Более конфиденциально
Стигматизированные и/или маргинализованные группы	Не может участвовать	Легче достичь, но может исключить определенные группы населения	Легче достичь, но может исключить определенные группы населения
Деликатные или спорные темы	Неловкость. Однако установленное взаимопонимание ведет к расслаблению участников	Отсутствие физически воспринимаемого контакта уменьшает неловкость и создает «безликого исследователя»	Отсутствие физически воспринимаемого контакта уменьшает неловкость и создает «безликого исследователя»
Расширение прав и возможностей респондентов	Меньший контроль над процессом исследования	Большой контроль над процессом исследования	Большой контроль над процессом исследования

Заключение

В заключение следует отметить, что при выборе режима интервью необходимо учитывать как контекст исследователя, так и контекст респондента. Личные интервью имеют множество преимуществ и были признаны «золотым стандартом». Исследователь способен воссоздать естественный тип разговора, прочесть и оценить невербальные сигналы и язык тела, а также установить взаимопонимание. Однако VoIP- и телефонные интервью также имеют множество преимуществ, которые следует учитывать. Например, они менее затратны, обеспечивают безопасность исследователя и участника, позволяют гибко планировать, повышают ощущение анонимности и конфиденциальность. Они также эффективны при исследовании географически распределенных респондентов и при изучении деликатных вопросов. Телефонные интервью имеют дополнительное преимущество, позволяя исследователю делать заметки и снижая вероятность «характеристик запроса». Широта возможностей для участников исследования в ситуации интервью и выбор режима собеседования для маргинализированных и стигматизированных лиц зависит от личности и характеристик респондентов.

В настоящее время традиционный вариант проведения личных интервью стал недоступен для многих исследователей из-за правовых ограничений и мер безопасности, введенных вследствие пандемии COVID-19. Это положило начало диалога в академических кругах о выборе методов исследования. Хотя данный разговор не нов, он стал занимать центральное место в 2020 и 2021 годах при обсуждении методики исследований, основанных на интервью. Это потенциально может нарушить принцип, обычно присутствующий в методических рекомендациях, что интервью должны проводиться лицом к лицу, — принцип, который постулирует личное интервью как «золотой стандарт». В обществе также произошли изменения во взаимодействии отдельных лиц и групп, связанные с растущей популярностью использования VoIP как в государственно-публичной, так и в частной сфере. Это может оказать положительное влияние на широту использования интервью по VoIP, что связано с технологической грамотностью потенциальных участников исследований и самих исследователей и с ростом общей внутренней валидности этого режима интервью. Тем не менее важно не преувеличивать значение расширенного использования VoIP, а учитывать, что контексты исследователя и участника остаются центральными компонентами при принятии решения о том, какой способ интервью выбрать.

Литература

Abraham H. N. et al. Engaging Third-Year Medical Students on Their Internal Medicine Clerkship in Telehealth During COVID-19 // *Cureus*. 2020. Vol. 12. № 6. Art. e8791. DOI: <http://dx.doi.org/10.7759/cureus.8791>

Addo G. Worshipping on Zoom: A Digital Ethnographic Study of African Pentecostals Churches and Their Liturgical Practices during Covid-19. Malmö: Malmö University, 2020. URL: <http://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:mau:diva-23360> (дата обращения: 19.02.2021).

Alvesson M. Beyond Neopositivists, Romantics, and Localists: A Reflexive Approach to Interviews in Organizational Research // *Academy of Management Review*. 2003. Vol. 28. № 1. P. 13–33. DOI: <https://doi.org/10.5465/amr.2003.8925191>

Archibald M. M. et al. Using Zoom Videoconferencing for Qualitative Data Collection: Perceptions and Experiences of Researchers and Participants // *International Journal of Qualitative Methods*. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406919874596>

Bailey K. D. *Methods of Social Research*. 3rd ed. New York: The Free Press, 1987.

Bampton R., Cowton C. J. The E-Interview // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. 2002. Vol. 3. № 2. Art. 9. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-3.2.848>

Bayles M. Is Physical Proximity Essential to the Psychoanalytic Process? An Exploration through the Lens of Skype // *Psychoanalytic Dialogues*. 2012. Vol. 22. № 5. P. 569–585. DOI: <https://doi.org/10.1080/10481885.2012.717043>

Bekes V., Aafjes-van Doorn K. Psychotherapists Attitudes toward Online Therapy during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Psychotherapy Integration*. 2020. Vol. 30. № 2. P. 238–247. DOI: <http://dx.doi.org/10.1037/int0000214>

Boman I.— L. et al. Exploring the Usability of a Videophone Mock-up for Persons with Dementia and Their Significant Others // *BMC Geriatrics*. 2014. Vol. 14. № 1. Art. 49. DOI: <http://dx.doi.org/10.1186/1471-2318-14-49>

Brink P. J. Issues in Reliability and Validity // *Qualitative Nursing Research: A Contemporary Dialogue* / Ed. by J. M. Morse. Newbury Park: SAGE, 1991. P. 164–186. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781483349015.n20>

Bryman A. *Social Research Methods*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2008.

Carr E. C., Worth A. The Use of the Telephone Interview for Research // *NT Research*. 2001. Vol. 6. № 1. P. 511–524. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F136140960100600107>

Cheng F. K. Dilemmas of Chinese Lesbian Youths in Contemporary Mainland China // *Sexuality & Culture*. 2018. Vol. 22. № 1. P. 190–208. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12119-017-9460-8>

Deakin H., Wakefield K. Skype Interviewing: Reflections of Two PhD Researchers // *Qualitative Research*. 2014. Vol. 14. № 5. P. 603–616. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468794113488126>

Denzin N. K. *The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods*. 3rd ed. Prentice Hall: Englewood Cliffs, 1989.

Dias M., Lopes R., Teles A. Will Virtual Replace Classroom Teaching? Lessons from Virtual Classes via Zoom in the Times of COVID-19 // *Journal of Advances in Education and Philosophy*. 2020. P. 208–213. DOI: <http://dx.doi.org/10.36348/jaep.2020.v04i05.004>

Dinham S. The Use of the Telephone Interview in Educational Research: One Case Study // *Education Research and Perspectives*. 1993. Vol. 20. № 1. P. 17–26.

Dodds S., Hess A. C. H. Adapting Research Methodology during COVID-19: Lessons for Transformative Service Research // *Journal of Service Management*. 2020. Vol. 32. № 2. P. 203–217. DOI: <http://dx.doi.org/10.1108/JOSM-05-2020-0153>

Doody O., Noonan M. Preparing and Conducting Interviews to Collect Data // *Nurse Researcher*. 2013. Vol. 20. № 5. P. 28–32. DOI: <https://doi.org/10.7748/nr2013.05.20.5.28.e327>

Gillham B. *Research Interviewing: The Range of Techniques*. Berkshire: Open University Press, 2005.

Glogowska M., Young P., Lockyer L. Propriety, Process and Purpose: Considerations of the Use of the Telephone Interview Methods in an Educational Research Study // *Higher Education*. 2011. Vol. 62. № 1. P. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-010-9362-2>

Gray L. M. et al. Expanding Qualitative Research Interviewing Strategies: Zoom Video Communications // *The Qualitative Report*. 2020. Vol. 25. № 5. P. 1292–1301. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715%2F2020.4212>

Hanna P. Using Internet Technologies (such as Skype) as a Research Medium: A Research Note // *Qualitative Research*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 239–242. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468794111426607>

Hesse-Biber Sh., Griffin A. J. Internet-Mediated Technologies and Mixed Methods Research: Problems and Prospects // Journal of Mixed Methods Research. 2013. Vol. 7. № 1. P. 43–61. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1558689812451791>

Holt A. Using the Telephone for Narrative Interviewing: A Research Note // Qualitative Research. 2010. Vol. 10. № 1. P. 113–121. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468794109348686>

Hubbard G. et al. Supportive Care Needs of Women with Breast Cancer in Rural Scotland // Supportive Care in Cancer. 2015. Vol. 23. № 6. P. 1523–1532. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/s00520-014-2501-z>

Jourian T. J. Trans*forming College Masculinities: Carving out Trans*masculine Pathways through the Threshold of Dominance // International Journal of Qualitative Studies in Education. 2017. Vol. 30. № 3. P. 245–265. DOI: <https://doi.org/10.1080/09518398.2016.1257752>

Kalekin-Fishman D. Looking at Interviewing: From “Just Talk” to Meticulous Method // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2002. Vol. 3. № 4. Art. 38. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-3.4.800>

Kazmer M. M., Xie B. Qualitative Interviewing in Internet Studies: Playing with the Media, Playing with the Method // Information, Community and Society. 2008. Vol. 11. № 2. P. 257–278. DOI: <https://doi.org/10.1080/13691180801946333>

Knox S., Burkard A. W. Qualitative Research Interviews // Psychotherapy Research. 2009. Vol. 19. № 4–5. P. 566–575. DOI: <https://doi.org/10.1080/10503300802702105>

Kominers S. D. et al. Zoom Video Communications: Eric Yuans Leadership during COVID-19. Harvard Business School Case 821–014. 2020. URL: <https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=58693> (дата обращения: 19.02.2021).

Lambert S. D., Loiselle C. G. Combining Individual Interviews and Focus Groups to Enhance Data Richness // Journal of Advanced Nursing. 2008. Vol. 62. № 2. P. 228–237. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1365-2648.2007.04559.x>

Lechuga V. M. Exploring Culture from a Distance: The Utility of Telephone Interviews in Qualitative Research // International Journal of Qualitative Studies in Education. 2012. Vol. 25. № 3. P. 251–268. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/09518398.2010.529853>

Lo Iacono V., Symonds P., Brown D. H. K. Skype as a Tool for Qualitative Research Interviews // Sociological Research Online. 2016. Vol. 21. № 2. P. 103–117. DOI: <https://doi.org/10.5153%2Fsr.3952>

Lobe B., Morgan D., Hoffman K. A. Qualitative Data Collection in an Era of Social Distancing // International Journal of Qualitative Methods. 2020. DOI: <https://doi.org/10.1177/1609406920937875>

Longhurst R. Semi-Structured Interviews and Focus Groups // Key Methods in Geography / Ed. by N. Clifford et al. Thousand Oaks: SAGE, 2003. P. 143–156.

Magnusson E., Marecek J. Doing Interview-Based Qualitative Research: A Learner’s Guide. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9781107449893>

Maitland C. F. Now You See It, Now You Don’t: Digital Connectivity in Marginalized Communities // Computer. 2018. Vol. 51. № 6. P. 62–71. DOI: <https://doi.org/10.1109/MC.2018.2701624>

Novick G. Is There a Bias against Telephone Interviews in Qualitative Research? // Research in Nursing and Health. 2008. № 31. P. 391–398. DOI: <https://doi.org/10.1002/nur.20259>

Oltmann Sh. M. Qualitative Interviews: A Methodological Discussion of the Interviewer and Respondent Contexts // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2016. Vol. 17. № 2. Art. 15. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-17.2.2551>

Opdenakker R. Advantages and Disadvantages of Four Interview Techniques in Qualitative Research // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. 2006. Vol. 7. № 4. Art. 11. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-7.4.175>

Orne M. T. On the Social Psychology of the Psychological Experiment: With Particular Reference to Demand Characteristics and Their Implications // American Psychologist. 1962. Vol. 17. № 11. P. 776–783. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/h0043424>

Puddister K., Small T.S. Trial by Zoom? The Response to COVID-19 by Canada's Courts // Canadian Journal of Political Science. 2020. Vol. 53. № 2. P. 373–377. DOI: <https://dx.doi.org/10.1017%2F50008423920000505>

Sandelowski M. Reembodying Qualitative Inquiry // Qualitative Health Research. 2002. Vol. 12. № 1. P. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.1177/1049732302012001008>

Seitz S. Pixilated Partnerships, Overcoming Obstacles in Qualitative Interviews via Skype: A Research Note // Qualitative Research. 2016. Vol. 16. № 2. P. 229–235. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468794115577011>

Shuy R. W. In-Person Versus Telephone Interviewing // Handbook of Interview Research: Context and Method / Ed. by J. F. Gubrium, J. A. Holstein. Thousand Oaks: SAGE, 2002. P. 537–555. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412973588.n32>

Sipes J. B. A., Roberts L. D., Mullan B. Voice-Only Skype for Use in Researching Sensitive Topics: A Research Note // Qualitative Research in Psychology. 2019. DOI: <https://doi.org/10.1080/14780887.2019.1577518>

Skinner K. et al. Giving Voice to Food Insecurity in a Remote Indigenous Community in Subarctic Ontario, Canada: Traditional Ways, Way to Cope, Ways Forward // BMC Public Health. 2013. № 13. Art. 427. DOI: <https://doi.org/10.1186/1471-2458-13-427>

Stephens N. Collecting Data from Elites and Ultra Elites: Telephone and Face-to-Face Interviews with Macroeconomists // Qualitative Research. 2007. Vol. 7. № 2. P. 203–216. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794107076020>

Sturges J. E., Hanrahan K. J. Comparing Telephone and Face-to-Face Qualitative Interviewing: A Research Note // Qualitative Research. 2004. Vol. 4. № 1. P. 107–118. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468794104041110>

Sullivan J. R. Skype: An Appropriate Method of Data Collection for Qualitative Interviews? // The Hilltop Review. 2012. Vol. 6. № 1. P. 54–60.

Sweet L. Telephone Interviewing: Is It Compatible with Interpretive Phenomenological Research? // Contemporary Nurse. 2002. Vol. 12. № 1. P. 58–63. DOI: <https://doi.org/10.5172/conu.12.1.58>

Sy M. et al. Doing Interprofessional Research in the COVID-19 Era: A Discussion Paper // Journal of Interprofessional Care. 2020. Vol. 34. № 5. P. 600–606. DOI: <https://doi.org/10.1080/13561820.2020.1791808>

Taylor S. J., Bogdan R., DeVault M. Introduction to Qualitative Research Methods: A Guidebook and Resource. 4th ed. Hoboken: Wiley, 2015.

Vogl S. Telephone Versus Face-to-Face Interviews: Mode Effect on Semi-Structured Interviews with Children // Sociological Methodology. 2013. Vol. 43. № 1. P. 133–177. DOI: <https://doi.org/10.1177/0081175012465967>

Ward K., Gott M., Hoare K. Participants' Views of Telephone Interviews within a Grounded Theory Study // Journal of Advanced Nursing. 2015. Vol. 71. № 12. P. 2775–2785. DOI: <https://doi.org/10.1111/jan.12748>

Whale K. The Use of Skype and Telephone Interviews in Sensitive Qualitative Research with Young People: Experiences from the ROCCA Continence Study // Qualitative Methods Psychology Bulletin. 2017. Vol. 23. URL: <https://research-information.bris.ac.uk/en/publications/the-use-of-skype-and-telephone-interviews-in-sensitive-qualitativ> (дата обращения: 23.08.2021).

Williams S., Sheffield D., Knibb R. C. "Everything's from the Inside out with PCOS": Exploring Women's Experiences of Living with Polycystic Ovary Syndrome and Comorbidities through Skype Interviews // Health Psychology Open. 2015. DOI: <https://doi.org/10.1177/2055102915603051>

Wilson V. Research Methods: Interviews // Evidence Based Library and Information Practice. 2012. Vol. 7. № 2. P. 96–98. DOI: <https://doi.org/10.18438/B89P5B>

Сведения об авторе:

Сэлф Бекки — кандидат медицинских наук, Центр обмена студентами факультета здравоохранения, Ливерпульский университет Джона Мурса, Ливерпуль, Великобритания. **E-mail:** B.self@2019.ljmu.ac.uk.

Статья поступила в редакцию: 25.09.2021

Принята к публикации: 03.12.2021

Conducting Interviews During the COVID-19 Pandemic and Beyond

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.1

Becky Self

*Liverpool John Moores University, Liverpool, United Kingdom
E-mail: B.self@2019.ljmu.ac.uk*

The use of telephone and VoIP (Voice over Internet Protocol) interviews has become necessary owing to the legal restrictions and safety measures introduced during the COVID-19 pandemic. This has furthered scholarly dialogue surrounding the choice of interview mode, and the assumption that face-to-face interviews are the «gold standard» [Novick, 2008: 397]. The general public has also become more accustomed to utilising VoIP in their day-to-day lives. In this article, I discuss this change in communication methods and the impact it could have on interview modes. Nevertheless, the researcher's and participant's contexts remain paramount when deciding which interview mode to employ. For this reason, Oltmann's model [Oltmann, 2016] has been extended to include VoIP, providing a more complete framework for researchers to make an informed decision when contemplating interview modes.

Keywords: interview modes; Zoom; VoIP; Skype; telephone; Qualitative interview; face-to-face; qualitative research

Author bio:

Becky Self — Candidate of Medical Sciences, Exchange Station, Faculty of Health, Liverpool John Moores University, Liverpool, United Kingdom. **E-mail:** B.self@2019.ljmu.ac.uk.

Received: 25.09.2021

Accepted: 03.12.2021

Полевые исследования

Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.2

Ссылка для цитирования:

Хлевнюк Д. О., Максимова А. С. Родины нашего страха: рецепция фильма Юрия Дудя «Колыма» в социальных сетях // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 28–46.

DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>

For citation:

Khlevnyuk D. O., Maximova A. S. (2021) Birthplaces of Our Fear: Reception of Yuri Dud's Documentary "Kolyma" in Social Media. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 28–46. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.2>

Хлевнюк Дарья Олеговна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: dkhlevnyuk@hse.ru

Максимова Алиса Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: asmaksimova@hse.ru

В статье рассматривается рецепция документального фильма журналиста Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха» (2019) в социальных сетях. Интернет-пользователи в своих комментариях пишут не только о советских репрессиях, которым посвящен фильм; они также обсуждают травматический опыт недавнего прошлого — позднесоветский период, распад СССР, 1990-е годы, современные проблемы. В результате анализа комментариев в YouTube мы выделяем два нарратива о травме. Первый нарратив основан

¹ Исследование выполнено в рамках проектной группы «Онлайн формы коллективной памяти: культура соучастия и "публичные истории" в YouTube», реализуемой на факультете коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

на представлении о том, что травму составляет нарушение гражданских прав человека, второй сфокусирован на нарушении социально-экономических прав. В зависимости от того, какие права зрители считают ключевыми и на какие обращают большие внимания в связи с просмотром фильма, в комментариях и постах в социальных сетях появляются разные темы. В случае гражданских прав это современные политические репрессии в России, имена известных политических заключенных, отсылки к заметным протестным акциям. В случае социально-экономических прав это приватизация, олигархи, экономические реформы, неравенство. Для тех, кто говорит о нарушении социально-экономических прав, характерно положительное отношение к СССР и критическое отношение к капитализму. Такие темы, как коррупция или проблемы пенитенциарной системы в России, являются промежуточными — они служат важным символом в обоих нарративах. Исследование проясняет, как формируется нарратив о недавнем прошлом и событиях настоящего времени как культурной травме. Мы также показываем, как этот процесс происходит в социальных сетях с участием не только публичных фигур, но и обычных пользователей.

Ключевые слова: сталинские репрессии; культурная травма; коллективная память; социальные сети; гражданские права; социально-экономические права

Введение

Вышедший в 2019 году фильм Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха»¹ запустил новый виток дискуссии о памяти о репрессиях в России. В рамках этих дискуссий высказывались привычные уже аргументы и в пользу того, что о репрессиях нужно помнить, и в пользу того, что репрессии — выдумка и не так страшны, как показано в фильме. Особенно заметны эти дискуссии были в социальных сетях — как под самим фильмом, так и в отдельных постах, посвященных видео (например, «ВКонтакте»). Этим темам было посвящено большинство комментариев пользователей. Однако помимо темы репрессий в комментариях появлялись и другие темы. Разговор о травматическом советском опыте мотивировал зрителей обсуждать травматический опыт недавнего прошлого — позднесоветский период, распад СССР, 1990-е годы, современные проблемы.

Конечно, эти сюжеты встречаются в отзывах и комментариях зрителей гораздо реже, чем тема советских репрессий. Ведь именно советские репрессии — главная тема фильма. Тем не менее появление этих упоминаний свидетельствует о постепенно разворачивающейся дискуссии о более современных трагических событиях российского общества и о формировании новых нарративов о них. В данной статье на основе анализа комментариев

¹ Колыма — родина нашего страха. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ> (дата обращения: 12.05.2021).

в YouTube к фильму Дудя мы опишем, как пользователи социальных сетей реагируют на поднятую тему советских репрессий и как пишут о травматичных событиях. В результате мы выявим, какие нарративы об этих событиях формируются и вокруг чего они строятся.

Память о трагических событиях: культурная травма

При изучении коллективной памяти ученые часто обращаются к исследованиям памяти о трагических событиях, при этом вполне конвенциональным стало использования термина «культурная травма» при описании этого опыта. Понятие «культурная травма» применяется достаточно широко в исследованиях коллективной памяти: о вьетнамской войне [Eyerman et al., 2017], о Хиросиме [Saito, 2006], о Чернобыле [Zhukova, 2016], об Афганской войне [Черныш, 2011], и даже в работах, предсказывающих возможные условия формирования культурной травмы коронавируса [Demertzis, Eyerman, 2020]. Примечательно, что сам фильм «Колыма — родина нашего страха» представляет репрессии как травматичное событие, а не просто исторический факт или отдельную, оставшуюся далеко в прошлом трагедию. Фильм заявляет, что советские репрессии повлияли на все общество и нанесли отпечаток на более поздние поколения.

В исследовании мы применяем понятие «культурная травма», так как оно позволяет говорить о социальных и культурных процессах обсуждения прошлого. Значения (в том числе «травматичность») не предзаданы событиям изначально — они формируются и оспариваются различными акторами, такими как историки, журналисты, писатели, политики, лидеры мнений, непосредственные участники (например, жертвы и их родные), обычная публика. Прежде чем перейти к анализу, мы хотим сделать несколько оговорок относительно того, как именно мы используем понятие культурной травмы.

Как и понятие «коллективная память», термин «культурная травма» много критикуют за аллюзию на психологическое явление травмы [Kansteiner, Weilnböck, 2008]. К примеру, в своей концепции Петр Штомпка описывает культурную травму как «травматический процесс»: потенциально травматическое событие; дезорганизация культуры и связанная с этим культурная дезориентация акторов; травматические события, непосредственно влияющие на жизненные миры людей; состояние травмы (в том числе ментальные и поведенческие симптомы травмы); адаптация к травме; преодоление травмы [Sztompka, 2004]. Иными словами, он отчасти переносит психологические механизмы травмы на уровень общества, а отчасти определяет культурную травму как некое коллективное событие, выражающееся потом в индивидуальных травмах.

Мы следуем трактовке Рона Айермана и школы культурсоциологии [Александр, 2012; Alexander et al., 2004; Eyerman, 2001; 2008]. Во-первых, культурная травма не «наносится», а конструируется сообществом. Если общество считает некое событие важным, разрывающим ткань нормальной

жизни и опасным для норм и устоев общества, это событие потенциально может стать культурной травмой. Становится оно таковой только в том случае, если появляется группа, работающая над созданием образа этого события как травматичного для всего сообщества. Для этого используются разные формы медиа и коммеморации. Важно, что, во-первых, участники группы необязательно испытывают психологическую или, тем более, физическую травму в связи с событием, ставшим «культурной травмой». Во-вторых, следующие поколения могут считать событие «культурной травмой», даже если они сами в это время еще не родились.

Иными словами, мы фиксируем, что какое-то событие стало культурной травмой по своим последствиям. Очевидно, что изначально это должно быть не просто событие, а, как пишет Айерман, «прореха в ткани общества» [Айерман, 2016]. Не любое событие можно интерпретировать как культурную травму. Однако, согласно нашему использованию этого термина, до того, как сообщество не начинает конструировать это событие как травматическое, культурной травмой оно не становится. Это не означает, что данные события не являются травматичными в буквальном значении слова. События, с которыми связаны культурные травмы, описанные в данной статье, были, несомненно, травматичными для множества людей, в том числе для пострадавших от советских репрессий и их родных и близких или потерявших работу и вынужденных бороться за выживание в новой действительности после распада СССР. Однако мы не оцениваем аутентичность травм. Посты и комментарии, с которыми мы работаем, могут быть написаны людьми, непосредственно пережившими эти события или нет, имеющими травматический опыт или нет. Нам важно, что они создают коллективную память об этих событиях как о событиях травматичных для них и для общества, и в этом смысле формируют культурную травму.

Ключевую роль в формировании культурной памяти играют медиа и группы-носители. Именно они могут убедить аудиторию, сообщество в том, что то или иное событие является важным и травматичным для этого сообщества. Рон Айерман, анализируя политические убийства, показывает, что «даже реконструированное в массмедиа происшествие — и, в частности, политическое убийство, — не становится значимым событием до тех пор, пока аудитория не начинает его воспринимать как таковое» [Айерман, б. д.]. К примеру, убийство Тео ван Гога, нидерландского кинорежиссера, было воспринято публикой как покушение на западные ценности и свободы, а потому описывалось не только как частная трагедия, но как общая культурная травма. Огромную роль в этом процессе сыграли нидерландские интеллектуалы, чьи выступления в средствах массовой информации укрепляли именно такое значение этого события в глазах публики [Eyerman, 2008].

Интернет и социальные сети распространяют представления о событиях как о культурных травмах [Lazar, Litvak Hirsch, 2012; Ostertag, Ortiz, 2013]. Те, кто считает себя частью сообщества «травмы», формулируют свои нарративы или распространяют уже существующие трактовки.

Интернет и коллективная память

Распространение Интернета значительно повлияло на современную культуру памяти. Она стала быстрее, обширнее и, в некотором смысле, коллективнее. Благодаря тому, что Интернет доступен на таких портативных устройствах, как мобильный телефон, человечество создает огромное количество индивидуальных воспоминаний, доступных всем. Воспоминания встраиваются в глобальную сеть, то есть и сама коллективная память становится сетевой [Hoskins, 2009]. В некоторых случаях они образуют часть коллективной памяти — к примеру, когда люди фиксируют какие-то значимые события [Hoskins, 2007]. Фото или видео случайных наблюдателей могут моментально разлететься по Сети и стать репрезентацией этих событий [Papailias, 2016]. Соответственно, и наоборот, благодаря Интернету любой человек может оказаться свидетелем «глобальных событий» и частью коллектива, которая будет непосредственно их помнить, нести их в своей коммуникативной памяти.

В данной статье нас интересуют изменения, связанные с так называемой культурой соучастия — возможностью формировать нарративы об истории коллективно. В некоторой степени это измерение памяти можно считать частью современной конвергентной культуры [Дженкинс, 2019]: мы наблюдаем не только соучастие акторов, совместную работу разных медиаплощадок, но и разнообразие «продукции» исторических нарративов, в котором любой пользователь может найти интересующие его представления о прошлом. Интернет, а в особенности социальные сети, дали техническую возможность совместного создания нарративов и интерпретаций прошлого. Деление на авторов нарративов и аудиторию утрачивает значимость: аудитория сама становится соавтором, пополняя страницы групп в социальных сетях, делая перепосты чужих текстов и изображений на своих личных страницах и так далее. Да и сами нарративы о прошлом переформатируются под интернет-формат — например, появляются мемы на исторические темы [Shifman, 2014]. В этом смысле, конечно, немаловажен выбор платформы акторами памяти. К примеру, репрезентации истории в «Википедии» [García-Gavilanes et al., 2017; Gustafson, 2012] и в YouTube [Knudsen, Stage, 2013] могут значительно различаться по форме.

Распространение Интернета привело не только к развитию разнообразных исторических нарративов, но и к появлению множества акторов памяти. Уже упомянутая культура соучастия фактически означает, что каждый человек потенциально может стать актором памяти. В конце концов, в отличие от традиционных форм увековечения памяти (например, памятники или музеи), их интернет-формы не требуют чрезвычайных затрат [Ксенофотова, 2011; Foot et al., 2005; Hess, 2007; Recuber, 2012]. Доступность Интернета как площадки для формирования исторических нарративов ведет и к ее «демократичности». Интернет может становиться пространством формирования контрпамяти [Foucault, 1977], альтернатив доминирующему нарративу [Birkner, Donk, 2020].

В России онлайн-сражения по поводу спорных событий, в особенности связанных с советской историей, привычны и нередко становятся предметом изучения [Kukulín, 2013; Trubina, 2010]. Популярность именно советской истории

в этом контексте неудивительна. С одной стороны, до сих пор достаточно распространена ностальгия по СССР [Boym, 1995; Lee, 2011]. С другой — одним из ключевых событий истории XX века для многих россиян остается Великая Отечественная война и победа в ней, о чем свидетельствуют, в том числе, и опросы общественного мнения¹. Анализ русскоязычных социальных сетей показывает, что руководство Сталина во время войны пользователи нередко считают ключевым фактором победы [Головашина и др., 2017]. Наконец, сама фигура Сталина остается противоречивой и потому обсуждаемой [Khlevnyuk, 2019].

Данная статья основана на анализе комментариев к YouTube-фильму Юрия Дудя «Колыма — родина нашего страха». Юрий Дудь — независимый российский журналист, который в последние несколько лет стал знаменитым как автор YouTube-канала и интервьюер. На своем канале Дудь выпускал интервью с известными медийными личностями: поп-звездами, бизнесменами, политиками, комиками, — и прославился, помимо прочего, вопросами «в лоб» о деньгах и личной жизни, которые задавал своим гостям. Выбор популярных собеседников и доступный формат роликов позволили достичь большого числа подписчиков канала и просмотров. На август 2021 года у канала более 9 миллионов подписчиков, а самые популярные видео набирают более 30 миллионов просмотров.

С 2019 г. Дудь обретает статус не просто журналиста, но лидера мнений. Со своей командой он создал ряд документальных фильмов на серьезные темы (включая «Колыму», а также, например, вышедший несколькими месяцами позже фильм о Беслане), а он сам все чаще высказывается о текущих социально-политических событиях и проблемах и озвучивает свою гражданскую позицию.

В комментариях, с которыми мы работали в исследовании, многие отмечают, что, хотя им были неинтересны или даже неприятны «старые» интервью Дудя с его гостями, фильм о Колыме вызвал у них уважение и заставил изменить мнение об авторе канала. А то, что «Колыма» появилась именно на канале Дудя, по всей видимости, привлекло к фильму новую и широкую аудиторию, в том числе тех, кто мало знал о репрессиях. Фильм посмотрели миллионы людей, у тысяч пользователей он вызвал желание поделиться им в социальных сетях, написать собственный пост или оставить комментарий на официальном канале Дудя. Такой охват дает возможность изучить, как люди восприняли фильм и его идеи и отреагировали на них.

Методология

Эмпирическую базу данного исследования составили 9608 наиболее популярных комментариев к видео (то есть комментариев, собравших больше всего «лайков» от других пользователей). Большинство комментариев содержат положительные реакции на фильм, отсылки к содержанию фильма (повторение

¹ День Победы // Левада-Центр. 08.05.2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/05/08/den-pobedy-4/> (дата обращения: 11.10.2020). — Данный материал создан российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

наиболее ярких цитат и т. д.), автору, Юрию Дудю, советским репрессиям, встречается критика. Нас интересовали комментарии, в которых пользователи писали о страхе, травматическом, негативном опыте, о трагических событиях, поскольку, согласно теории «культурной травмы», события становятся таковыми лишь в том случае, если члены сообщества тематизируют их как негативные, трагические и травматичные. Далее мы закодировали комментарии согласно тому, к какому периоду времени пользователи относят свои негативные оценки. Ожидаемо, большинство этих комментариев были посвящены обсуждению сталинских репрессий. Однако 532 комментария были посвящены более современным событиям, относящимся к условным 1990-м годам и к современной России. При этом «1990-е» понимаются расширительно, не столько как конкретная декада, сколько как переходный период, который начинается с перестройки и заканчивается с уходом Бориса Ельцина с поста президента.

Далее эти комментарии были закодированы в соответствии с темами, событиями и проблемами, которые в них поднимались. Обобщение данных комментариев позволило нам сформулировать гипотезу о том, что комментаторы обращаются к двум типам культурных травм: нарушению социально-экономических прав и нарушению гражданских прав. Под текстами, посвященными «гражданским правам», мы понимаем те, в которых упоминались политические заключенные (коды «Навальный», «Фургал»), известные протесты или проблемные точки («Шиес», «Крымский мост» (в связи с непостроенным мостом в Якутске, о котором говорит Дудь в своем фильме), «Байкал», «Норильск», «Сирия», «леса в Сибири», «Камчатка»), политические фигуры (в первую очередь код «Путин»), а также «современные репрессии» в целом. Под текстами, посвященными «социально-экономическим правам», мы понимаем те, в которых пользователи писали об экономических проблемах в стране (коды «коррупция», «упадок»), и негативные отзывы об экономической системе в целом (код «капитализм»).

Нарушение гражданских прав как травма

Центральная идея документального фильма Юрия Дудя — поиск в советских репрессиях истоков российского желания «не высывываться». Он утверждает, что старшему поколению присущ особый страх, который заставляет людей быть пассивными, когда нарушаются их права.

«Не знаю, как у вас, но всю свою жизнь я слышу от родителей: ну, будь осторожен, ну, не привлекай к себе лишнее внимание, не высывывайся — это очень опасно; и вообще, мы простые люди — от нас ничего не зависит. Мои родители — прекрасные люди, я безумно их люблю. Но они говорят все это десятилетиями — даже в тех ситуациях, где очевидно нарушается здравый смысл, где творится несправедливость и где мы точно правы»¹.

¹ Колыма — родина нашего страха. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1Woul38rQ> (дата обращения: 20.05.2021).

Фильм Дудя, конечно же, задает определенную рамку его восприятия. Так как фильм посвящен в первую очередь политическим репрессиям, эта тема оказывается одной из самых заметных в отзывах зрителей. Многие пишут, что видят сходства между современной ситуацией и прошлым, в том числе в отношении людей к прошлому и к настоящему. Когда зрители обнаруживают, что некоторые герои фильма, пострадавшие от репрессий, положительно относятся к Сталину, они отмечают в комментариях параллели:

«1:46:50 — Как вы относитесь к И. Сталину? — Он был большой молодец. Победил в войне, поднял страну. Все те ужасы ведь творил не ОН, были другие исполнители... А сейчас, что?»¹

Причины арестов в сталинское время, обсуждаемые в фильме, напомнили некоторым зрителям новые законы и правоохранные практики. В том числе комментаторы пишут о том, что и сейчас сажают за комментарии в социальных сетях и репосты. Несколько раз в массиве комментариев встречаются отсылки к конкретным делам, которые зрители считают политическими, в том числе аресты Алексея Навального и Сергея Фургала.

«В какой-то момент в видео прозвучал вопрос: “Могут ли повториться репрессии?” Я считаю что сейчас они уже начались снова, да не так открыто и яростно, но тем несением у нас сажают митингующих, оппозиционеров, людей которые высказываются против правительственной системы»².

Этой интерпретации фильма соответствует и публичное выступление самого Дудя накануне оппозиционной акции протеста 10 августа 2019 года. 8 августа он опубликовал пост в Instagram, посвященный протестам, который получил широкую поддержку и активно распространялся в социальных сетях. В нем Дудь не ссылается на «Колыму» напрямую, но в целом повторяет свою идею: критикует «аполитичных», которые стремятся быть в стороне от любых политических событий в стране («наша инертность привела к тому, что любая политическая конкуренция уничтожена»³), и подчеркивает важность участия в протесте. Как видно по социальным сетям, цитируя это сообщение Дудя, пользователи вспоминают «Колыму», вышедшую за три месяца до этого.

Параллели, проводимые зрителями, между современными и прошлыми политическими решениями и нарушениями гражданских прав, наталкивают их на размышления о причинах этих параллелей. Некоторые зрители считают, что современная политическая система является продолжением советской, и в том числе сталинской, системы. Эту преемственность они объясняют

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCSy13bM2kPIZX5TGOuYXSxbg> (дата обращения: 21.05.2021).

² URL: <http://www.youtube.com/channel/UCyxBC-yQXpA2eov2xccJdFQ> (дата обращения: 21.05.2021).

³ Инстаграм Ю. Дудя. URL: https://www.instagram.com/yurydud/?utm_source=ig_embed&ig_rid=3daca361-c674-48b6-88c0-b5f4ef44c781 (дата обращения: 22.05.2021).

родственными связями (реальными или символическими) тех, кто находился и находится у власти. Несколько раз среди комментариев появляется рассуждение о том, что сейчас *«дети тех чекистов, издевавшихся над нашими предками, правят сейчас нами»*¹. Некоторые зрители, впрочем, считают, что мы наблюдаем возвращение политической системы (это, по-видимому, предполагает, что какое-то время в России были другие политические практики). Кто-то допускает, что фильм Дудя поможет предотвратить это возвращение, откроет глаза на происходящее в современной России (*«Юра, спасибо тебе и твоим соавторам огромное. Больше таких работ нужно, потому что наше общество опять в шаге от этой пропасти»*²). Другие предполагают, что это возвращение уже началось и новым поколениям еще предстоит увидеть то, о чем в фильме Дудя рассказывали очевидцы сталинских репрессий (*«Все это было-б хорошо ели бы не было тревоги за цикличность истории. Мальчики у вас есть шансы ощутить все ЭТО на собственной шкуре»*³).

Обсуждение гражданских прав и политических репрессий встречается в основном применительно к современной России, которую условно можно обозначить как Россию с 2000 года. Другой период, о котором пишут в комментариях, 1990-е годы, редко связывается комментаторами с травмой нарушения гражданских прав. Один из редких примеров таких комментариев описывает события 1993 года.

*«Родина нашего страха-это Москва в октябре 1993 года. Когда ветеранов, вышедших на мирный протест, избивали фашиствующие ОМО-Новцы. Когда из танков расстреливали законно избранный Парламент. Когда убивали всех, не разбирая. Христианский поп.14-летний мальчик. Пенсионер из "Трудовой России". Анархист-студент. Иностраннный журналист. Плевать. Стреляй— бог найдет своих»*⁴.

В основном же отсылка к первой постсоветской декаде возникает в связи с попыткой обелить сталинский период. Фильм Дудя рассматривается комментаторами как атака, спланированная то ли зарубежными, то ли внутренними врагами, цель которых — разрушение страны (*«"смелый" вдудь не расскажет про прелести капитализма в эрэфии где находятся в заключении больше людей чем в сталинском СССР, не расскажет что население при благословленном капитализме убывает, в отличие от СССР, ведь за это ему не платят те кто поимел страну и продал ее западному капиталу за копейки, правда им не нужна»*⁵). Те же, кто поддерживает такую деятельность и, в данном случае,

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCxxfNjLn3KopzxK8B4qfXbw> (дата обращения: 21.05.2021).

² URL: <http://www.youtube.com/channel/UC7pBuDa8X4B2HAgRKxQm5RQ> (дата обращения: 21.05.2021).

³ URL: http://www.youtube.com/channel/UCRyLZfgW_7DMAPEzva3vRqA (дата обращения: 23.05.2021).

⁴ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCBoPK9w7nCAbR7mn8mwJWZQ> (дата обращения: 23.05.2021).

⁵ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCOzGTkc0d9p0VbajcHaeCcQ> (дата обращения: 24.05.2021).

смотрит и одобряет фильм Дудя, по мнению авторов подобных комментаторов, сами участвуют в развале современной России.

Впрочем, высказывания о 1990-х преимущественно связаны со вторым типом травмы — нарушением социально-экономических прав.

Нарушение социально-экономических прав как травма

Комментаторы, формулирующие основные положения культурной травмы как нарушения социально-экономических прав, обращают внимание в первую очередь на те эпизоды фильма Дудя, которые повествуют о современном состоянии дел в регионе. Они считают развал СССР и последующую социально-экономическую политику причиной многих проблем, показанных в фильме¹. В этих комментариях встречаются упоминания приватизации и Анатолия Чубайса — с чьим именем в общественном мнении принято связывать многие неудачи ельцинской экономической политики, но уже давно не занимающего сколько-нибудь значимых позиций в политике современной России. С точки зрения комментаторов, в бедности, разрухе, неравенстве и коррупции виноваты те, кто пришел к власти и занял высокое положение в тот период. К примеру, по их мнению, у власти сейчас находятся бенефициарии приватизации 1990-х.

«Как только народ начинает спрашивать про приватизацию, про справедливость, выходит какой-нибудь фильм про ГУЛАГ, Колыму, Сталина, репрессии»².

Отношение к Советскому Союзу в этих комментариях, напротив, бывает вполне положительным. Некоторые зрители, очевидно, ностальгируют по времени своей молодости или детства и считают, что настоящие проблемы начались лишь после распада СССР. С их точки зрения, регион, показанный в фильме «неблагополучным», был вполне процветающим в советское время.

«Ну, давай расскажи, что у меня было не самое счастливое детство на Колыме в пос. Бурхала. И у моего отца, который ровесник Шифри-ну. Да это самые лучшие годы нашей жизни: рыбалка, охота, поездки по ягоды, по грибы, отец вездеходы мастерил, мы с друзьями по окрестным сопкам бегали. А теперь детей и в школу без сопровождения взрослых страшно отпустить. Жили всем поселком одной дружной семьей. Эх... а потом пришли "святые девяностые" и уж нет нашего поселка, когда-то самого красивого на всей колымской трассе. А дед да, сидел

¹ Свидетельства культурной травмы 1990-х годов исследователи встречают и в других материалах: см. например [Касамара, Сорокина, 2014].

² URL: http://www.youtube.com/channel/UCVqwTC7KnpzmSt_GCesr7ew (дата обращения: 22.05.2021).

там. Вот только после отсидки еще 28 лет никак уехать не мог, хоть несколько раз собирался, — не те заработки на материке»¹.

В таких комментариях мы наблюдаем типичные тропы, используемые респондентами в исследованиях, связанных с восприятием перехода от социализма и в России, и в других странах. К примеру, интервью с российской молодежью показывают, что для нее распад СССР — это не только утрата великой державы, но и экономический кризис, разрыв социальных связей, утрата ощущения безопасности [Nikolayenko, 2008]. Сходные результаты показывают и исследования в других постсоциалистических странах [Hilmar, 2021].

В соответствии с этим у тех, кто транслирует идеи культурной травмы, связанной с ущемлением социально-экономических прав, большие вопросы вызывает не политика Сталина, а политика современной российской власти. Если сравнения между сталинским СССР и современной Россией и проводятся, то не в пользу последней.

«Что-то мне подсказывает, что разруха на современной Колыме, которая постоянно мелькала за могучей спиной Юры — это дело рук не Сталина. Наверное, это кто-то другой постарался. И чуть позже Сталина. Кто? Эффективные менеджеры?»²

Некоторые комментаторы обобщают свои ощущения до критики капитализма в целом. Их не устраивают не столько конкретные решения современной власти, сколько переход к новой экономической системе в принципе. Видимо, эти комментаторы считают себя приверженцами социалистических взглядов, поэтому видят в фильме Дудя «заказ» капиталистов, нацеленный на подрыв веры в социализм. Сам Юрий Дудь ассоциируется у части комментаторов с либеральной журналистикой и с капитализмом (этому способствует мем «капитализм, счастье, за**ись» из одного из его видео³, рекламные вставки в роликах и участие самого Дудя в рекламе), поэтому они считают, что точно знают, на какой стороне его симпатии.

«У жены семья была репрессирована и выслана в Казахстан дед пропал без вести на просторах ГУЛАГа в моей семье деда тоже раскулачили и выслали на Урал. Жил он в поселке в простонародье называемым кулацким, я в детстве как-то об этом не задумывался, а просто любил деда и свою страну. Жил с чувством что живу в лучшей стране мира и был уверен в своем будущем и будущем своих детей, Дед простой крестьянин доработался до машиниста поезда, а все его внуки были уже с высшим образованием. Да мы были простые люди, но от нас зависело

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCwbyT06sx15AKG7rxqROo6A> (дата обращения: 23.05.2021).

² URL: <http://www.youtube.com/channel/UCvCIVS-nTf13lo0fDwXhMPA> (дата обращения: 24.05.2021).

³ Тиньков — о Путине, Навальном и телках. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=7yzZcAj24AI&t=623s> (дата обращения: 24.05.2021).

многое, а самое главное от нас зависело наше будущее, мы сами строили его. А теперь меня преследует страх заболеть и потерять работу страх за детей и внуков страх за их будущее, поскольку оно выглядит шатким зыбким и не определенным. Государство (а меня очень мучает вопрос, что такое наше государство, теперь) давно сложило с себя заботу о своих гражданах и только называется социальным, а при этом сворачивает все социальные программы. Писать можно много но все это описывается одним словом — страх»¹.

Травма, связанная с нарушением социально-экономических прав в современной России, описывается и через другие понятные и приземленные категории. Например, зрители много пишут про коррупцию как основную проблему. Проблема коррупции традиционно волнует россиян², так что неудивительно, что и в отзывах на фильм Дудя, где показана в том числе и нынешняя ситуация в Магаданской области, к этой теме обращаются много.

«Недавняя статистика: у депутатов магаданской обл. Думы общий доход 3,7 млрд руб, а у города Магадана 2,5 млрд!!! Город чахнет»³.

В конце фильма Юрий Дудь упоминает о необходимости строительства моста в Якутске и о построенном Крымском мосте. Эта тема также с энтузиазмом была подхвачена некоторыми комментаторами. Другими необязательными государственными тратами, наряду с мостом в Крыму, некоторые зрители считают войну в Сирии и проект национального интернета. В целом тема упадка и разрухи в регионах очевидно волнует часть комментаторов, они живо откликаются на показанные и обсуждаемые в фильме проблемы современной Колымы. В качестве примеров некоторые приводят ситуации в своих регионах.

«"Поехать на материк". Аналогично. И помидоры по 500. И билеты на самолет по 150000. Или купи в октябре на следующий август, но только супер-эконом, "стоячие", без багажа. Отпуск правда в августе могут и не дать, а билеты "невозвратные". Привет с Камчатки»⁴.

В целом можно видеть, что об ущемлении социально-экономических прав в России пишут и те, кто уверен в происхождении этой проблемы из 1990-х и «вине» капитализма, и те, кто не связывает современные проблемы

¹ URL: <http://www.youtube.com/channel/UC6xelShDfhFTIDpqVBwqMRg> (дата обращения: 24.05.2021).

² Уровень коррупции в России: мониторинг. Оценки уровня коррупции с 2009 года и их динамика // Фонд «Общественное мнение». 20.03.2019. URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185> (дата обращения: 25.05.2021).

³ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCvkbixAWfxRdaxXNNkt-WNQ> (дата обращения: 25.05.2021).

⁴ URL: <http://www.youtube.com/channel/UCg8UjtMN8xAURYxyJh1SMcQ> (дата обращения: 24.05.2021).

с капитализмом и не противопоставляет современность советскому времени. Вероятно, для второй группы травма, которой посвящен фильм, находится в других отношениях с социально-экономическими правами — борьба за гражданские и политические права и их соблюдение первичны и способны решить проблемы социально-экономического толка в стране.

Заключение

В своем документальном фильме «Колыма — родина нашего страха» Юрий Дудь рассказывает об истории советских репрессий. Одновременно он «объясняет» зрителю, что именно со времен и событий ГУЛАГа наследуется страх, который до сих пор мешает людям защищать свои права и заставляет жить с оглядкой на государство, способное в любой момент лишиться свободы, безопасности и даже жизни. Третий компонент фильма — сюжет о современной Колыме и о том, как сегодня в регионе живут обычные люди.

Выход фильма привлек много внимания и спровоцировал активное обсуждение в социальных сетях. И хотя отчасти восприятие зрителей направляется замыслом авторов фильма, они реагируют на разные части сообщения, добавляя свои интерпретации и связывая увиденное с собственным опытом, воспоминаниями и взглядами.

На основе анализа комментариев к видео на YouTube мы показали, как в дискуссиях о «Колыме» формируются нарративы не об одной, а о разных «родинах» страха — о двух культурных травмах. Первая из них выводит на первый план нарушение гражданских прав человека, вторая — нарушение социально-экономических прав. В обоих случаях память касается не только советских событий, но и событий недавнего времени или настоящего. Травма, связанная с нарушением гражданских прав, воспринимается аудиторией как напоминающая политическую обстановку и политические репрессии в современной России. Те комментаторы, которые наделяют приоритетом нарушение социально-экономических прав, говорят о нестабильности, неравенстве, бедности, часто находя истоки нынешних проблем в политических и социальных процессах 1990-х годов, а также противопоставляя современную Россию более благополучному СССР. Несмотря на то, что две травмы во многом видятся альтернативными интерпретациями, есть явления, которые служат важным символом для комментаторов с разными взглядами: это, например, коррупция или проблемы российской пенитенциарной системы. Эти проблемы в определенном смысле связывают между собой представления о нарушениях гражданских и социально-экономических прав.

Литература

Айерман Р. Интеллектуалы и культурная травма. б.д. URL: <https://old.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (дата обращения: 20.05.2021).

Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 40–67.

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123–133.

Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа. М.: РИПОЛ классик, 2019.

Касамара В. А., Сорокина А. А. Представления о прошлом студентов топовых московских вузов // Общественные науки и современность. 2014. № 6. С. 57–69.

Ксенофонтова И. В. Виртуализация мемориальных практик: интернет-сайт как «книга памяти» // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 133–144.

Черныш М. Ф. Историческая травма и память: случай из афганской войны // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2011. Т. 5. № 6. С. 77–87.

Alexander J. C. et al. Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley, London: University of California Press, 2004. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768>

Birkner T., Donk A. Collective Memory and Social Media: Fostering a New Historical Consciousness in the Digital Age? // Memory Studies. 2020. Vol. 13. № 4. P. 367–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017750012>

Boym S. From the Russian Soul to Post-Communist Nostalgia // Representations. 1995. № 49. P. 133–166. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928753>

Demertzis N., Eyerman R. Covid-19 as Cultural Trauma // American Journal of Cultural Sociology. 2020. Vol. 8. № 3. P. 428–450. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00112-z>

Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>

Eyerman R. The Assassination of Theo van Gogh: From Social Drama to Cultural Trauma. Durham: Duke University Press Books, 2008. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11smsg3>

Eyerman R., Madigan T., Ring M. Cultural Trauma, Collective Memory and the Vietnam War // Politička misao: časopis za politologiju. 2017. Vol. 54. № 1–2. P. 11–31.

Foot K., Warnick B., Schneider S. M. Web-Based Memorializing After September 11: Toward a Conceptual Framework // Journal of Computer-Mediated Communication. 2005. Vol. 11. № 1. P. 72–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.tb00304.x>

Foucault M. Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews. Ithaca: Cornell University Press, 1977.

García-Gavilanes R. et al. The Memory Remains: Understanding Collective Memory in the Digital Age // Science Advances. 2017. Vol. 3. № 4. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1602368>

Gustafson D. Cultural Memory and the Royalist Political Aesthetic in Aphra Behn's Later Works // Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700. 2012. Vol. 36. № 2. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1353/rst.2012.0007>

Haskins E. Between Archive and Participation: Public Memory in a Digital Age // Rhetoric Society Quarterly. 2007. Vol. 37. № 4. P. 401–422. DOI: <https://doi.org/10.1080/02773940601086794>

Hess A. In Digital Remembrance: Vernacular Memory and the Rhetorical Construction of Web Memorials // Media, Culture & Society. 2007. Vol. 29. № 5. P. 812–830. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0163443707080539>

Hilmar T. "Economic Memories" of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic // East European Politics and Societies. 2021. Vol. 35. № 1. P. 89–112. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0888325420902248>

Hoskins A. Digital Network Memory // Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory. Berlin, New York: De Gruyter, 2009. P. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110217384.1.91>

Kansteiner W., Weilnböck H. Against the Concept of Cultural Trauma // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin: De Gruyter, 2008. P. 229–240. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.229>

Khlevnyuk D. Narrowcasting Collective Memory Online: 'Liking' Stalin in Russian Social Media // Media, Culture & Society. 2019. Vol. 41. № 3. P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>

Knudsen B. T., Stage C. Online War Memorials: YouTube as a Democratic Space of Commemoration Exemplified through Video Tributes to Fallen Danish Soldiers // Memory Studies. 2013. Vol. 6. № 4. P. 418–436. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698012458309>

Kukulín I. Memory and Self-Legitimization in the Russian Blogosphere Argumentative Practices in Historical and Political Discussions in Russian-Language Blogs of the 2000s // Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States. New York: Routledge, 2013. P. 132–149. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203083635-25>

Lazar A., Litvak Hirsch T. Representing the Group's Cultural Trauma Online // Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking. 2012. Vol. 15. № 2. P. 99–102. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0292>

Lee M. Nostalgia as a Feature of "Glocalization": Use of the Past in Post-Soviet Russia // Post-Soviet Affairs. 2011. Vol. 27. № 2. P. 158–177. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586x.27.2.158>

Nikolayenko O. Contextual Effects on Historical Memory: Soviet Nostalgia among Post-Soviet Adolescents // Communist and Post-Communist Studies. 2008. Vol. 4. № 2. P. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2008.03.001>

Ostertag S. F., Ortiz D. G. The Battle over Meaning: Digitally Mediated Processes of Cultural Trauma and Repair in the Wake of Hurricane Katrina // American Journal of Cultural Sociology. 2013. No. 1. P. 186–220. DOI: <https://doi.org/10.1057/ajcs.2013.4>

Papailias P. Witnessing in the Age of the Database: Viral Memorials, Affective Publics, and the Assemblage of Mourning // Memory Studies. 2016. Vol. 9. № 4. P. 437–454. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698015622058>

Recuber T. The Prosumption of Commemoration Disasters, Digital Memory Banks, and Online Collective Memory // American Behavioral Scientist. 2012. Vol. 56. № 4. P. 531–549. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0002764211429364>

Saito H. Reiterated Commemoration: Hiroshima as National Trauma // Sociological Theory. 2006. Vol. 24. № 4. P. 353–376. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2006.00295.x>

Shifman L. Memes in Digital Culture. Cambridge: MIT Press, 2014. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001>

Sztompka P. The Trauma of Social Change // Cultural Trauma and Collective Identity. Berkeley: University of California Press, 2004. P. 155–197. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768-006>

Trubina E. Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory // Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media. 2010. Vol. 4. P. 63–85.

Zhukova E. From Ontological Security to Cultural Trauma: The Case of Chernobyl in Belarus and Ukraine // Acta Sociologica. 2016. Vol. 59. № 4. P. 332–346. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699316658697>

Сведения об авторах:

Хлевнюк Дарья Олеговна — PhD, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** dkhlevnyuk@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 1073265; **ORCID ID:** 0000-0003-1019-2192; **ResearcherID:** AAO-4644-2020.

Максимова Алиса Сергеевна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** asmaksimova@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** 823027; **ORCID ID:** 0000-0002-6518-3317; **ResearcherID:** K-6855-2015.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2021

Принята к публикации: 03.12.2021

Birthplaces of Our Fear: Reception of Yuri Dud’s Documentary “Kolyma” in Social Media

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.2

Daria O. Khlevnyuk *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: dkhlevnyuk@hse.ru

Alisa S. Maximova *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: asmaksimova@hse.ru

The article examines reception of the online documentary “Kolyma — the birthplace of our fear” (produced by journalist Yuri Dud in 2019) in social networks. In their comments, internet users regard other topics along with the Soviet repressions, to which the film is dedicated. They discuss the traumatic experience of the recent past, namely the late Soviet period, the collapse of the USSR, the 1990s, and contemporary problems. As a result of analysis of YouTube comments, we identify two trauma narratives. The first narrative is based on the idea of violation of civil human rights, the second focuses on the violation of socio-economic rights. Different topics appear in comments and posts on social media depending on which rights viewers consider key and which they pay more attention to when watching the documentary. In the case of civil rights, these include contemporary political repressions in Russia, names of famous political prisoners, references to recent protests. In the case of socio-economic rights, these topics include privatization, oligarchs, economic reforms, inequality. Those users who comment about the violation of socio-economic rights generally express a positive attitude towards the USSR and a critical attitude towards capitalism. Topics such as corruption or the problems of the penitentiary system in Russia are “inbetween” — they are important symbols in both narratives. The study clarifies how the cultural trauma narrative of the recent past and present-day events is formed. We also demonstrate how this process takes place on social media, and how social media enables participation of ordinary users and not only public figures.

Keywords: Stalin's repressions; cultural trauma; collective memory; social networks; civil rights; socio-economic rights

References

- Alexander J. (2012) Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost' [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal]. No. 3. P. 5–40. (In Russ.)
- Alexander J. C. et al. (2004) *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, London: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768>
- Birkner T., Donk A. (2020) Collective Memory and Social Media: Fostering a New Historical Consciousness in the Digital Age? *Memory Studies*. Vol. 13. No. 4. P. 367–383. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698017750012>
- Boym S. (1995) From the Russian Soul to Post-Communist Nostalgia. *Representations*. No. 49. P. 133–166. DOI: <https://doi.org/10.2307/2928753>
- Chernysh M. (2011) Istoricheskaya travma i pamyat': sluchay iz Afganskoy voyny [Historical Trauma and Memory: The Case of the Afghan War]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 5. No. 6. P. 77–87. (In Russ.)
- Demertzis N., Eyerman R. (2020) Covid-19 as Cultural Trauma. *American Journal of Cultural Sociology*. Vol. 8. No. 3. P. 428–450. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41290-020-00112-z>
- Eyerman R. (2001) *Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511488788>
- Eyerman R. (2008) *The Assassination of Theo van Gogh: From Social Drama to Cultural Trauma*. Durham: Duke University Press Books. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctv11smsw3>
- Eyerman R. (2016) Kul'turnaya travma i kollektivnaya pamyat' [Cultural Trauma and Collective Memory]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review]. No. 5. P. 40–67. (In Russ.)
- Eyerman R. (n.d.) *Intellektualy i kul'turnaya travma* [Intellectuals and Cultural Trauma]. URL: <https://old.inliberty.ru/library/599-intellektualy-inbspkulturnaya-travma> (accessed 20.05.2021). (In Russ.)
- Eyerman R., Madigan T., Ring M. (2017) Cultural Trauma, Collective Memory and the Vietnam War. *Politička misao: časopis za politologiju*. Vol. 54. No. 1–2. P. 11–31.
- Foot K., Warnick B., Schneider S. M. (2005) Web-Based Memorializing After September 11: Toward a Conceptual Framework. *Journal of Computer-Mediated Communication*. Vol. 11. No. 1. P. 72–96. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2006.tb00304.x>
- Foucault M. (1977) *Language, Counter-Memory, Practice: Selected Essays and Interviews*. Ithaca: Cornell University Press.
- García-Gavilanes R. et al. (2017) The Memory Remains: Understanding Collective Memory in the Digital Age. *Science Advances*. Vol. 3. No 4. DOI: <https://doi.org/10.1126/sciadv.1602368>
- Golovashina O.V., Linchenko A. A., Anikin D. A. (2017) Pamyat' o Velikoy Otechestvennoy voyne: Den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 3. P. 123–133. (In Russ.)
- Gustafson D. (2012) Cultural Memory and the Royalist Political Aesthetic in Aphra Behn's Later Works. *Restoration: Studies in English Literary Culture, 1660–1700*. Vol. 36. No. 2 P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1353/rst.2012.0007>
- Haskins E. (2007) Between Archive and Participation: Public Memory in a Digital Age. *Rhetoric Society Quarterly*. Vol. 37. No. 4. P. 401–422. DOI: <https://doi.org/10.1080/02773940601086794>
- Hess A. (2007) In Digital Remembrance: Vernacular Memory and the Rhetorical Construction of Web Memorials. *Media, Culture & Society*. Vol. 29. No. 5. P. 812–830. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0163443707080539>
- Hilmar T. (2021) "Economic Memories" of the Aftermath of the 1989 Revolutions in East Germany and the Czech Republic. *East European Politics and Societies*. Vol. 35. No. 1. P. 89–112.

- Hoskins A. (2009) Digital Network Memory. *Mediation, Remediation, and the Dynamics of Cultural Memory*. Vol. 10. P. 91–108. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110217384.1.91>
- Jenkins H. (2019) *Konvergentnaya kul'tura. Stolknoveniye starykh i novykh media* [Convergence Culture. Where Old and New Media Collide]. Moscow: RIPOL klassik. (In Russ.)
- Kansteiner W., Weilnböck H. (2008) Against the Concept of Cultural Trauma. *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin: De Gruyter. P. 229–240. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110207262.4.229>
- Kasamara V. A., Sorokina A. A. (2014) Predstavleniya o proshlom studentov topovykh moskovskikh vuzov [Moscow Best Universities Students' Representations about the Past]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6. P. 57–69. (In Russ.)
- Khlevnyuk D. (2019) Narrowcasting Collective Memory Online: 'Liking' Stalin in Russian Social Media. *Media, Culture & Society*. Vol. 41. No. 3. P. 317–331. DOI: <https://doi.org/10.1177/0163443718799401>
- Knudsen B. T., Stage C. (2013) Online War Memorials: YouTube as a Democratic Space of Commemoration Exemplified through Video Tributes to Fallen Danish Soldiers. *Memory Studies*. Vol. 6. No. 4. P. 418–436. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698012458309>
- Ksenofontova I. (2011) Virtualizatsiya memorial'nykh praktik: internet-sayt kak "kniga pamyati" [Virtualizatsiya Memorial Practices: the Internet Website as a "Book of Memory"]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 5. No. 6. P. 133–144. (In Russ.)
- Kukulin I. (2013) Memory and Self-Legitimization in the Russian Blogosphere Argumentative Practices in Historical and Political Discussions in Russian-Language Blogs of the 2000s. *Memory, Conflict and New Media: Web Wars in Post-Socialist States*. New York: Routledge. P. 132–149. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203083635-25>
- Lazar A., Litvak Hirsch T. (2012) Representing the Group's Cultural Trauma Online. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*. Vol. 15. No. 2. P. 99–102. DOI: <https://doi.org/10.1089/cyber.2011.0292>
- Lee M. (2011) Nostalgia as a Feature of "Glocalization": Use of the Past in Post-Soviet Russia. *Post-Soviet Affairs*. Vol. 27. No. 2. P. 158–177. DOI: <https://doi.org/10.2747/1060-586x.27.2.158>
- Nikolayenko O. (2008) Contextual Effects on Historical Memory: Soviet Nostalgia among Post-Soviet Adolescents. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 41. No. 2. P. 243–259. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2008.03.001>
- Ostertag S. F., Ortiz D. G. (2013) The Battle over Meaning: Digitally Mediated Processes of Cultural Trauma and Repair in the Wake of Hurricane Katrina. *American Journal of Cultural Sociology*. No. 1. P. 186–220. DOI: <https://doi.org/10.1057/ajcs.2013.4>
- Papailias P. (2016) Witnessing in the Age of the Database: Viral Memorials, Affective Publics, and the Assemblage of Mourning. *Memory Studies*. Vol. 9. No. 4. P. 437–454. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750698015622058>
- Recuber T. (2012) The Presumption of Commemoration Disasters, Digital Memory Banks, and Online Collective Memory. *American Behavioral Scientist*. Vol. 56. No. 4. P. 531–549. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0002764211429364>
- Saito H. (2006) Reiterated Commemoration: Hiroshima as National Trauma. *Sociological Theory*. Vol. 24. No. 4. P. 353–376. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9558.2006.00295.x>
- Shifman L. (2014) *Memes in Digital Culture*. Cambridge: MIT Press. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9429.001.0001>
- Sztompka P. (2004) The Trauma of Social Change. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley: University of California Press. P. 155–197. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520936768-006>
- Trubina E. (2010) Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory. *Digital Icons: Studies in Russian, Eurasian and Central European New Media*. Vol. 4. P. 63–85.
- Zhukova E. (2016) From Ontological Security to Cultural Trauma: The Case of Chernobyl in Belarus and Ukraine. *Acta Sociologica*. Vol. 59. No. 4. P. 332–346. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699316658697>

Author bio:

Daria O. Khlevnyuk — PhD, Researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** dkhlevnyuk@hse.ru. **RSCI Author ID:** [1073265](#); **ORCID ID:** [0000-0003-1019-2192](#); **ResearcherID:** [AAO-4644-2020](#).

Alisa S. Maximova — Candidate of Sociology, Researcher, Poletayev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** asmaksimova@hse.ru. **RSCI Author ID:** [823027](#); **ORCID ID:** [0000-0002-6518-3317](#); **ResearcherID:** [K-6855-2015](#).

Received: 15.07.2021

Accepted: 03.12.2021

Образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.3

Ссылка для цитирования:

Честных Ю. С. Образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.3>

For citation:

Chestnykh Yu.S. (2021) Educational and Professional Trajectories of Women Leaders. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 47–67. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.3>

Честных Юлия Сергеевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: julia.96tmb@yandex.ru

В статье анализируются образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей. Исследование построено на основе подхода к образовательно-профессиональной траектории как части жизненного пути. Эмпирической базой исследования послужили 20 видеointервью, опубликованных на сайте новостного агрегатора MediaMetrics, которые были проведены в рамках передач о женском карьерном успехе. Эмпирически на основе нарративов исследованы интенциональные характеристики женских успешных траекторий. Автор при помощи интент-анализа показывает, как женщины-руководители объясняют свои карьерные траектории. В результате исследования формулируются реализованные женщинами образовательно-профессиональные сценарии, а также их дискурсивные обоснования. Женщины становятся руководителями ввиду реализации диахронного образовательно-квалификационного сценария бизнес-идеи.

Ключевые слова: образовательно-профессиональная траектория; образовательно-профессиональный сценарий; женщина-руководительница; интент-анализ

Введение

Образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей — предмет исследовательского интереса гендерной социологии. Образовательно-профессиональные траектории отражают путь, который прошла женщина-руководитель. Также они показывают процесс рекрутирования гендерно специфичной управленческой элиты, в котором прослеживаются каналы и ресурсы для карьерного продвижения женщин.

Ряд исследований и статистических данных указывают на гендерный дисбаланс в топ-менеджменте — в условиях признания гендерного равенства. Несмотря на то, что женщины составляют 49% рабочей силы РФ [Женщины и мужчины..., 2020], они по-прежнему непропорционально представлены на позициях топ-менеджмента. При этом социологические исследования говорят о равных стремлениях мужчин и женщин при окончании университета добиться успеха. Россия утрачивает позиции в глобальном рейтинге Global Gender Gap Report 2021¹, согласно оценке которого в стране снижаются возможности для женщин в экономической и политической сферах.

Эксперты объясняют сложившуюся ситуацию наличием в обществе культурных стереотипов о приемлемой социальной роли для женщины [Азарова, 2001], доминированием мужчин в сегментах управления [Stone, 2007] и распространением процедуры неформального принятия решений среди них [Lutter, 2015], необходимостью выбора или баланса между карьерными притязаниями и созданием семьи у женщин [Misra, 2012].

Бесспорно, можно найти информацию в научно-исследовательских публикациях о лифтах, каналах и качествах, благодаря которым женщины добиваются карьерных успехов. Подтверждено, что присутствие отдельных женщин в управленческой элите способствует увеличению числа женщин среди пред-элитных групп [McPherson et al., 2001].

С учетом этого есть понимание, что образовательно-профессиональные траектории женщин-управленцев отличаются от траекторий мужчин-управленцев. Во многом эти отличия прослеживаются в темпах, стратегиях и ресурсах, которые они привлекают для карьерного продвижения. Но порой имеющиеся количественные данные нуждаются в пояснении. Потому актуальность проведения качественного исследования мы видим в субъективной интерпретации образовательно-профессиональных траекторий женщин-руководителей, что позволит под другим углом посмотреть на проблему гендерного дисбаланса.

¹ Global Gender Gap Report 2021 // World Economic Forum. 30.03.2021. URL: <https://www.weforum.org/reports/global-gender-gap-report-2021> (дата обращения: 01.04.2021).

Что такое образовательно-профессиональная траектория?

Термин «траектория» в социологии подразумевает поэтапное изменение деятельности и атрибутов, связанных с ней. В социологию этот термин ввел П. Бурдьё, понимавший под траекторией совокупность позиций, которые последовательно занимают социальный агент [Бурдьё, 2005].

В этом исследовании траектория в образовательно-профессиональном пространстве рассматривается как последовательность сменяемых карьерных позиций: начиная с получения образования в качестве студента (что продолжается профессиональным стартом в роли специалиста и т. п.) и заканчивая экспертной должностью, а порою — и управленческой. Присутствие на карьерных позициях приводит к реализации практик и накоплению капиталов — в виде образовательной квалификации, профессиональных компетенций, установления «полезных» социальных связей.

Биографический подход способствовал проведению исследований на тему жизненных траекторий, исходя из чего появилось понимание о взаимовлиянии различных сфер жизни, в том числе образовательно-профессиональной. В развитии траектории человек сталкивается с различными жизненными событиями. Его реакция на эти события впоследствии определяет направление образовательно-профессиональной траектории. Эмпирическими индикаторами траекторий являются понятия «позиция», «переход» и «поворотный момент».

Позиции — это социальные статусы, которые приобретаются в связи с занимаемым нами положением в образовательно-профессиональной сфере.

Переход — это изменения в непродолжительный период времени.

Поворотный момент¹ — критическая переломная точка в траектории, которая отражает приложенные усилия и предпринятые действия для перехода между позициями. С помощью поворотного момента возможно отследить изменение в направлении траектории.

Опираясь на понятия «жизненный путь», «жизненная траектория», «жизненный сценарий», мы неизбежно сталкиваемся с теориями жизненных шансов. Впервые термин «жизненные шансы» был введен М. Вебером для изучения экономических возможностей, которые открываются перед представителями определенного социального класса. Впоследствии Р. Дарендорф, описывая конфликтную модель общества, вышел на анализ жизненных шансов путем обозначения возможностей выбора (“options”) и социальных связей (“ligatures”) [Оксамитная, Бродская, 2004].

Концепция жизненного пути говорит о влиянии на траектории внешних обстоятельств (историческая ситуация, «расписание жизни») и внутренних (социальная активность человека, выбор среди возможных выборов). На протяжении жизненного пути люди обладают различными статусами,

¹ В теориях жизненного пути под поворотным моментом понимается значительное изменение в жизненной траектории. Часто этот термин взаимозаменяется понятиями «переломный момент» или «точка бифуркации» [Попова, 2011].

порой взаимозависимыми, которые влияют на переходы между карьерными позициями.

Траектории складываются посредством реализации жизненных сценариев. Переноса жизненный сценарий на контекст исследования, мы видим его воплощением предпринятых женщиной шагов для построения карьеры. Дебаты в этом сегменте разворачиваются вокруг возможностей людей влиять на реализацию сценариев. Одни социологи видят жизненный сценарий в качестве должной модели проживания жизни. Другие указывают на индивидуальные представления о жизненном сценарии. С одной стороны, расширяются возможности для карьерной самореализации ввиду глобализации мира, развития интернет-технологий и т. д. С другой стороны, заметен повсеместный тренд институционализации в виде детских садов, школ, университетов, в результате которой снижается вероятность субъективного проживания жизни и появления поворотных автобиографических эпизодов.

В качестве методологической опоры для выделения образовательно-профессиональных исследований была взята типология женской карьеры А. Чириковой, которую она разработала в процессе исследования представленности женщин на руководящих должностях в сегменте региональной власти. А. Чирикова выделяет три модели становления женщин руководителями в институте региональной власти: «модель постепенного роста», «модель парашютирования», «модель наследования» [Чирикова, 2009].

Модель постепенного роста также называется «ведомой», поскольку женщины, претендующие на руководящие позиции, находятся в зависимом положении от их патронов-руководителей. При этом карьерный рост происходит также за счет постепенного развития профессионализма женщины в период длительной работы в структурах исполнительной власти.

Вторая модель, хоть и нетипична для российской реальности, обладает потенциалом для воплощения по мере ослабления социальных барьеров. По мнению А. Чириковой, ключевым компонентом во второй модели является практика общественной деятельности, в которой женщина принимает активное участие. Это может быть управление общественными фондами, социальными центрами и пр. Скорость карьерного роста в таком случае зависит от большого числа факторов, в том числе от квалификации женщины — уровня и качества образования, компетентности в управленческой деятельности, опыта в деятельности общественных организаций.

Третья модель предполагает передачу капитала внутри семьи или среди приближенных друг к другу людей. По мнению А. Чириковой, эта модель в России только формируется [Чирикова, 2009].

Учитывая, что исследование А. Чириковой было проведено в 2000-е годы, часть выводов требует пояснения. Последнее необходимо и потому, что модели карьерного роста женщин определены в государственном сегменте, а это не совсем релевантно для карьерной траектории в бизнес-структурах. И если женские сценарии становления руководителями в государственных институтах имеют концептуализацию, то каковы они для бизнес-структур?

Контекст исследования: что и как влияет на образовательно-профессиональные траектории женщин-руководителей

Для перехода к эмпирической части необходимо ответить на вопрос: «Имеют ли мужчины и женщины (при условии идентичных карьерных приоритетов в начале траектории) равные шансы стать руководителями?».

Проблема достижения женщинами управленческих позиций — сумма препятствий, с которыми они сталкиваются на карьерных позициях на протяжении траектории. Каждое из этих препятствий по отдельности не является непреодолимым, но в совокупности они затрудняют карьерный путь настолько, что количество женщин-руководителей меньше количества мужчин-руководителей. Отсюда и рождаются многочисленные метафоры: «стеклянный потолок», «липкий пол», «сложный лабиринт» и т. д.

Что мы подразумеваем под препятствиями (барьерами) в данном исследовании? Во-первых, гендерную предвзятость, гендерные стереотипы, сопротивление коллег-мужчин. Социальные представления о должном поведении мужчин и женщин распространяются на профессиональную сферу. От женщин в большей степени ожидают фокус на межличностных отношениях [Schein, 1973]. Если же женщины прибегают к мужским стилям лидерства, их поведение может подвергаться социальным санкциям [Barreto, Ellemers, 2014].

Во-вторых, речь о вынужденности женщин балансировать между ролью матери, жены и ролью успешного карьерного субъекта [Purcell et al., 2010]. Исследования указывают на разрыв между мужскими и женскими карьерными траекториями в момент расставления приоритетов между семьей и карьерой. Это приводит к выработке гендерно специфичных стратегий. Кто-то выбирает карьеру в сфере, наиболее благоприятной для совмещения данных ролей [Bursztyn et al., 2017]. Кто-то вынужден отодвигать возможную роль матери на дальнюю перспективу или вовсе от нее отказываться.

В-третьих, доминирование мужчин в топ-менеджменте приводит к воспроизведению традиционного гендерного баланса. Неформальные нормы общения, выбор преемников ввиду социального сходства затрудняют входение женщин в неформальное сообщество руководителей.

Но что же способствует карьерному росту женщин, которые в итоге становятся руководителями? Несправедливо было бы утверждать, что карьерные барьеры настолько непреодолимы, что ни одна женщина не способна занять позицию в топ-менеджменте. Эмпирические исследования говорят о «пользе» горизонтальных переходов, поскольку позволяют женщинам развить новые навыки, приобрести дополнительный профессиональный опыт. По сути, такие переходы — временные жертвы в пользу достижения карьерных целей женщин [Wolf, 2019].

В качестве уникальной возможности занять руководящую должность можно рассматривать позицию, сопряженную с повышенным риском неудачи. Речь идет о парадоксальных явлениях, обозначенных в научной литературе как «стеклянный утес», «стеклянный обрыв» [Glass, Cook, 2016]. Женщины

принимают такие карьерные предложения, когда есть недостаток ресурсов (информация, время, финансы); когда отсутствует социальная поддержка, признание; когда нет других вариантов стать руководителем [Ryan et al., 2007].

Подобные нестандартные условия карьерного продвижения женщин не отменяют благоприятного влияния высокого уровня образования, опыта работы в бизнес-структурах. При этом женские карьерные траектории сопрягаются с представлениями о «красоте», «привлекательной внешности», которые закладывала индустрия моды в массовое сознание в последние десятилетия [Jyrkinen, 2014]. Положительно проявляется в карьере опыт лидерства женщин в период обучения (в школе, в университете) [Day, 2000]. Это, в свою очередь, приводит к формированию высокой самооценки, к уверенности в собственных силах [Komives, 2011].

Примечательно, что женщины-руководители, как и мужчины-руководители восприимчивы к законам притяжения сходства. Карьера женщин в окружении женского руководства реализуется с наименьшим количеством барьеров [Elliott, 2004]. Наконец, важны и социальные связи. Женщины, вовлеченные в нетворкинг, чаще оказываются на более успешных и более высокооплачиваемых должностях [Offermann et al., 2020].

Методология исследования и эмпирическая база

Эмпирической базой исследования на вторичных данных являются интервью, опубликованные на официальном сайте MediaMetrics¹. Эти интервью проводились в рамках двух программ: «История успеха с Еленой Жениной» и «Сила женщины с Еленой Речкаловой». Всего в анализ были включены 20 видеоинтервью, взятые с 2017 по 2021 год.

Участниками интервью выступили женщины, которые занимали на момент проведения интервью следующие руководящие должности:

- генеральный директор;
- заместитель генерального директора;
- председатель совета директоров;
- член совета директоров;
- председатель правления;
- руководитель/директор подразделения/отдела/направления/центра.

Поскольку на сайте MediaMetrics опубликованы интервью в видеоформате, требовалось их предварительно транскрибировать. Факт свободного размещения интервью позволяет включать их в исследование без необходимости анонимизации со ссылкой на источник.

Выбор этих интервью обусловлен несколькими причинами. Во-первых, социальный статус интервьюируемых подходил под категорию «высшая руководящая (управленческая) должность». Во-вторых, выбранные видеоинтервью сопоставимы по условиям их проведения, а также темам, обсуждавшимся

¹ Российский новостной агрегатор.

в ходе интервью. В-третьих, все выбранные интервью прежде не являлись объектами научного анализа, а дискурсы, поднятые в них, не были каким-либо образом проинтерпретированы в научном сообществе. В-четвертых, интервьюерами выступили женщины, равные по статусу интервьюируемым, что является важным условием для социально равной коммуникации.

Принимая во внимание специфику эмпирической базы, было принято решение о применении метода интен-анализа. Этот метод сложился на значительном количестве исследований политического и научного дискурсов. Интен-анализ позволяет объективизировать интенциональный дискурс; в результате его становится возможным выявить связь между речевыми средствами и методами психологического воздействия [Павлова, 2000].

Очевидно, что интервьюируемые в лице женщин-руководителей объясняют свой карьерный путь некоторыми намерениями. Намерения состоят в том, чтобы произвести определенное впечатление на вторичного слушателя. Впечатление, быть может, достигается за счет акцентов на одних жизненных событиях и пропуске других эпизодов, деталей, которые в конкретном контексте кажутся неуместными и/или невыгодными.

Интен-анализ проводился нами на отдельных частях нарратива. В анализ включались те части текста, в которых описывался ключевой период/эпизод в жизненной траектории женщины. В соответствии с теоретической частью исследования, ключевой период определяет текущее карьерное положение женщины. Более того, на основе ключевого периода впоследствии определяется реализованный карьерный сценарий.

Методологически интен-анализ проводился в три этапа. На первом этапе выявлялась функциональная направленность высказывания. На втором этапе осуществлялась содержательная спецификация интенций и их описание. На третьем — определялась связь интенций с типами реализованных образовательно-профессиональных сценариев. В результате интен-анализа были определены категории, с помощью которых женщины объясняют свои карьерные траектории. Также были выявлены точки бифуркации в этих траекториях. На основе последних стало возможным определение образовательно-профессиональных сценариев женщин-руководительниц, участвовавших в упомянутых передачах.

Интенциональность образовательно-профессиональной траектории

В ходе интен-анализа были определены общие категории, которые женщины используют для объяснения своего профессионального пути, а именно:

- проявление субъектности;
- ориентация, связанная с поддерживающим окружением женщины;
- реакция на тайминг-изменения в карьере;
- формулирование профессиональной идеи;
- выражение эмоционального отношения.

Проявление субъектности значительно превышает долю других категорий в нарративных обоснованиях. Женщины-руководители чаще всего прибегают к формированию дискурса об их агентном (agency) поведении¹. Агентность проявляется в таких направлениях, как получение образования, начало карьеры и ее продолжение. При этом профессиональный путь описывается не только через призму соотношения действий в образовательной и профессиональной сферах. Последние тесным образом переплетаются с жизненными обстоятельствами, социально-экономическими и политическими реалиями и т. д. Так, отсутствие релевантной программы обучения в России подталкивает к образовательной миграции за рубеж. Стигматизация женского лидерства в региональном субъекте приводит к переезду в Москву. Недостаток «полезных» знакомств становится драйвером для обучения в столичной бизнес-школе. Ощущение профессиональной некомпетентности после декрета ориентирует на активную социально-научную жизнь. Давая вовремя оценку себе, своему положению на фоне других обстоятельств, интервьюируемые оборачивают ситуацию в свою пользу.

Ориентации, связанные с поддерживающим окружением женщины, можно разделить на два типа по субъекту, от которого они исходят. Первый тип ориентаций формируется компетентным и авторитетным человеком, как правило, мужчиной, который осуществлял протекцию при трудоустройстве женщины или давал рекомендации. Сюда также относятся профессиональные предложения, которые получают женщины и которые могут быть использованы для карьерной мобильности. Однако эти ориентации могут быть не только проактивными, но и сдерживающими для карьеры женщин — исходя из интересов «компетентного, авторитетного человека».

Второй тип ориентаций возникает среди близкого окружения женщин. Это могут быть супруг, родители, коллега, профессиональный партнер, компетентный знакомый. Ориентации выражаются в помощи, поддержке, направлениях на протяжении карьерной траектории женщин.

Под **реакцией на тайминг-изменения в карьере** в данном исследовании понимаются обнаруженные стратегии женщин в условиях прерывистой или нисходящей карьерной траектории. В первом случае стратегия формируется вокруг двух социальных ролей — роли матери и роли руководителя (эксперта, сотрудника), одна из которых откладывается, а другая приостанавливается. Так, в случае раннего материнства откладываются карьерные амбиции, и их реализация возобновляется спустя определенный отрезок времени. Или, наоборот, социально-материнская роль отодвигается на более зрелый возраст в целях закрепления профессионального статуса. Во втором случае мы говорим о готовности женщин к нисходящей карьерной траектории в пользу долгосрочной профессиональной перспективы. Это, как правило, сопровождается финансовыми и репутационными рисками, которые имеют временный эффект и довольно быстро восполняются при достижении желаемой позиции. Так, для получения престижной работы часть женщин готовы к низкооплачиваемой

¹ Агентность понимается нами как реализуемая в процессе выбора и действия субъектность.

профессиональной деятельности (которая может сопровождаться отказом от руководящей позиции).

Некоторые образовательно-профессиональные траектории строились вокруг сформулированной женщинами **профессиональной идеи**. Последняя впоследствии реализовывалась с учетом субъектности женщин, их образовательных и профессиональных квалификаций, социальных связей. Профессиональная идея появляется в начале траектории и становится «путеводной звездой» в дальнейшем профессиональном пути.

Последняя выявленная категория — бинарные **эмоционально-насыщенные интенции**. Позитивной интенцией становится проявление интереса женщин к получаемому образованию, работе по профилю полученного образования. Негативная интенция связывается с отрицательными отсылками к тем же этапам. При этом в представленных интервью отрицательные отсылки впоследствии замещаются позитивными интерпретациями. В таком случае сложность в образовательном процессе отходит на второй план при переходе к практической деятельности — выходу на работу. Полученный практический опыт в начале карьеры укрепляет представления женщин о выборе правильного направления в профессиональном пути.

Образовательно-профессиональные сценарии

Реализованные женщинами-руководительницами сценарии по достижению управленческих позиций — это комбинация трех компонентов. Во-первых, сценарий формируется на основе образовательной квалификации, профессионального опыта и социальных связей женщин. Во-вторых, важное значение имеют действия женщин в поворотные моменты их траекторий, те усилия, которые прилагаются на всем профессиональном пути, и принимаемые ими выборы. В-третьих, первые два компонента ограничиваются внешними факторами — различными событиями и обстоятельствами из экономической и политической сфер. Произошедший экономический кризис, политическая реструктуризация страны и т. п. могут как открыть возможности для реализации карьерного потенциала, так и привести к карьерному разрыву. Результат зависит от того, в какой степени каждый из компонентов был задействован на протяжении траектории.

Несмотря на то, что каждая образовательно-профессиональная траектория может быть рассмотрена отдельно, как отдельный эмпирический объект, в данном исследовании реализовалась возможность выделения схожих карьерных сценариев. Всего было выделено четыре сценария, в результате которых женщины становились руководителями:

- 1) образовательный сценарий;
- 2) квалификационный сценарий;
- 3) сценарий формулирования бизнес-идеи;
- 4) диахронный режим-сценарий.

В образовательном сценарии получение образования — ключевой ресурс карьерного продвижения, то, что определяет начало траектории и способствует ее развитию. Женщины осознают недостаток профильных знаний и обращаются к возможностям дополнительного образования. Последнее впоследствии используется для карьерного роста. Получение дополнительного образования провоцируется внутренне обоснованными маркерами, например, *«поняла, что опыта и навыков не хватает», «поняла, что нет ни связей, ни друзей», «я просила, чтобы меня направили учиться», «я для себя решила сделать акцент на учебе».*

Образовательный процесс иллюстрирует субъектность женщин — как они оценивают ситуацию, как они принимают решение пойти учиться, как они затем обращаются к этому ресурсу в целях вертикального карьерного роста. Субъектность является ответной реакцией женщин на поворотные моменты в их траекториях. При этом образование используется как ресурс для смежных целей. Это возможность войти в профессиональное сообщество, повысить собственную квалификацию, расширить социальные связи, что открывает перспективу потенциальных действий и решений в карьерном процессе.

Потребность в дополнительном профессиональном образовании порой провоцирует образовательно-профессиональную миграцию — как внутри страны, так и за ее пределами. Миграция кардинально меняет направление карьерной траектории. Она предполагает решение сопутствующих задач, связанных с переездом: прерывание социальных контактов, приостановка прежних социальных статусов, поиск финансовых ресурсов. Решение этих задач описывается интервьюируемыми при помощи внешне-ориентированных маркеров: *«удалось получить стипендию», «мне дали возможность сделать».*

Собеседницами в программе, реализовавшими подобный образовательный сценарий, являются Ирина Копылова¹, Елена Речкалова², Наталья Ионова³, Екатерина Трофимова⁴, Ирина Гайда⁵, которые занимали руководящие должности на период проведения интервью.

В ходе реализации этого сценария они проявляли готовность к неопределенным репутационным и финансовым рискам в пользу долгосрочной профессиональной перспективы. Эта модель оказывалась особенно уместной в условиях сужения или ограничения путей карьерного развития. Готовность идти на риски отмечается среди женщин, которые на этапе поворотных моментов занимали руководящие должности среднего звена (начальник финансовой службы, руководитель юридического отдела):

«...Тогда я сказала, что я ухожу из Института хирургии им. Вишневского с позиции начальника финансовой службы и буду работать у вас три месяца бесплатно. Он сказал: "Ну, хорошо". И я за два дня уволилась, пришла в банк, и через месяц он принял меня в штат...» (Елена Речкалова).

¹ Руководитель подразделения по работе с ключевыми клиентами ВТБ24 Лизинг.

² Член совета директоров Абсолют Банка, Председатель Комитета «Женщины в советах директоров» Ассоциации независимых директоров (АНД).

³ Генеральный директор и владелец аутсорсинговой компании CAF Group.

⁴ Партнер, заместитель генерального директора Deloitte.

⁵ Партнер, руководитель практики Strategy& в Москве.

«...Я была руководителем юридического отдела, я уже все знала и понимала, что мне необходимы новые знакомства, связи и просто хотелось чего-то нового. Я одновременно собралась. Буквально я в пятницу приняла решение, в понедельник я уже была в Москве, во вторник я уже вышла на работу...» (Наталья Ионова).

Женщины-руководительницы прибегают к образовательному ресурсу каждый раз — по мере необходимости. Например, при отсутствии протекции дополнительное образование становится каналом расширения социальных связей. В этом сценарии женщины демонстрируют стратегию совмещения нескольких видов занятости — образовательной и профессиональной. Это позволяет им параллельно развиваться в двух областях, чтобы в будущем компенсировать недостаток ресурсов, необходимых для профессионального роста.

Благоприятно складывающиеся, но не проясняемые обстоятельства для карьерного роста женщин — своеобразный фон, который упоминается женщинами в качестве *«удачного стечения обстоятельств»*, *«везения»*, *«удачи»*, *«случайности»*.

Квалификационный сценарий похож на образовательный во многом в том, что качественное образование определяет начало карьерной траектории. Обучение либо ставится на паузу и при необходимости возобновляется, либо непрерывно следует за профессиональным развитием.

Всех женщин, чьи карьеры в фокусе исследования, объединяет построение карьеры внутри одной организации. Профессиональная траектория не всегда начиналась именно с этой организации. На ее старте могли быть временные позиции, однако ключевой карьерный рост женщин происходит в период работы в одной компании — порой достигающий 20 лет. На период проведения интервью часть женщин, реализовавших этот сценарий, перешли на руководящие должности в другие компании, часть из них остались в прежних. Женщины, реализовавшие указанный сценарий, — Татьяна Шахнес¹, Мария Гордон², Светлана Баланова³, Татьяна Ушкова⁴, Юлия Соловьева⁵.

Ключевая особенность квалификационного сценария — выделение женщинами роли руководителя-патрона. Руководитель формирует карьерные ориентации, способствует профессиональной квалификации, формулирует неоднозначные задачи. Руководитель выделяется как инициатор дополнительного профессионального образования или профессиональной переквалификации:

«...У меня был прекрасный начальник, мой первый босс — иностранец, американец. Я ему благодарна безмерно, потому что, мне кажется, он

¹ Директор по связям с общественностью LG Electronics.

² Член наблюдательного совета АК «Алроса», «Московская Биржа».

³ Генеральный директор IBS.

⁴ Председатель правления Абсолют Банка.

⁵ Генеральный директор Google в России.

первый, кто во мне разглядел талант лидера... Он сказал: "Что ты тут прозябаешь в переводчиках, помощниках? Давай, иди занимайся маркетингом..."» (Юлия Соловьева).

Руководитель может описываться как наставник или, наоборот, антагонист, который либо дает мудрые советы и наставления, либо воплощает гендерные стереотипы, осознание которых порождает точки бифуркации в женских траекториях:

«Екатеринбург, можно так сказать, совсем гендерный с точки зрения мужчин. Меня пригласил мой руководитель и сказал: "Татьян, ты достигла максимума в карьере, в Екатеринбурге практически нет женщин-руководителей. Не практически, их нет". А я была очень уверена, что я смогу стать первым лицом... я решила, что надо двигаться...» (Татьяна Ушакова).

Женщины, последовавшие этому сценарию, на протяжении длительного времени приобретали компетенции, обрастали связями в условиях работы в одной организации. Нарастивание профессиональных капиталов происходило за счет их конвертации в смежные отрасли. Карьерный рост осуществлялся постепенно, по мере накопления профессионального опыта, стажа и развития условий, в которых женщины могли бы претендовать на руководящие должности.

Начало работы в этих компаниях маркируется женщинами по-разному. Часть женщин используют внешне-маркированные интенции «меня позвали», «так получилось», «так сложилось», к которым не даются пояснения. Исходя из рассказов невозможно получить всю картину происходившего в тот момент. Очевидно, что, прибегая к подобным упущениям, женщины перетягивают фокус на субъективно значимые события в траекториях. Другая часть женщин прибегают к внутренним интенциям, которые демонстрируют их вовлеченность: «я пришла», «я убедила», «я попала», «я вышла на рынок», «я получила», «я стала». В ходе нарратива либо опускаются возникавшие трудности, либо они подчеркиваются в качестве проявления личных заслуг, компетентности, упорства в преодолении и пр.

Точки бифуркации в квалификационном сценарии можно расположить в следующем хронологическом порядке:

1. Выбор специальности, по которой получают высшее образование, исходя из тех возможностей, которые оно сможет предоставить.
2. Начало профессиональной траектории в организации в период обучения в университете как дополнительная возможность обретения профессиональных компетенций.
3. Продолжение или начало¹ профессиональной траектории в организации, условия в которой позволяют повышать квалификацию, а также конвертировать профессиональные компетенции в смежные области.

¹ Если опускается второй этап.

4. Остановка карьеры в организации после длительного периода работы в ней¹. Переход в другую компанию на позицию, которая соответствует профессиональным целям женщины на тот момент.

Последний этап — кризисный, так как он провоцирует переоценку пройденной траектории. В результате переоценки изменяется вектор в карьерной траектории. Женщины, прошедшие четвертый этап, в значительной степени выделяют его в ходе нарративного описания.

Третий сценарий выделяется в связи с **формулированием женщинами профессиональной идеи/бизнес-идеи**. Этот сценарий реализуют Екатерина Осипенко², Анна Нестерова³, Светлана Габуня⁴, Юлиана Винер⁵, Юлия Алексеева⁶, Анна Белова⁷, которые занимали руководящие должности в указанных организациях на период проведения интервью.

Равно как и в предыдущих сценариях, образование — базис для построения успешной образовательно-профессиональной траектории. Однако выбор образовательного профиля в этом сценарии не всегда сопровождался проявлением субъектности со стороны женщин. Выбор тесным образом переплетается с мнением людей из окружения женщины, как правило, родителей, близких родственников. В ряде случаев выбор образовательного профиля совпадал с профессиональными интересами родителей:

«Огромная любовь к детям началась с такой династии педагогов, то есть у меня и мама, и бабушка были педагогами» (Юлия Алексеева).

«По долгу службы ввиду того, что у меня мама руководила инвестиционной компанией, я, соответственно, пошла по ее стопам и работала на первоначальных этапах своей карьеры брокером в небольшой брокерской компании» (Анна Нестерова).

Точки бифуркации выделяются в связи:

- 1) С формулированием профессиональной идеи, что неразрывно связано с осознанием женщинами возможностей для развития этой идеи и их личной готовностью к продолжению профессиональной деятельности в этом направлении;
- 2) получением возможности для осуществления профессиональной идеи и ее реализацией.

¹ Этап зафиксирован не у всех женщин, поскольку часть из них продолжает профессиональную деятельность внутри первичной организации — организации, в которой осуществлен длительный период работы.

² Руководитель научно-клинического отдела фониатрии ФГБУ «Научно-клинический центр оториноларингологии ФМБА России».

³ Председатель совета директоров Международной платформы трансграничной торговли Global Rus Trade, руководитель инвестиционной компании «Центр Капитал».

⁴ Региональный директор в России и Балтии международной компании SDI Media.

⁵ Руководитель сети салонов SUN&CITY.

⁶ Основатель сети клубов и автор методики раннего развития детей «ЯСАМ».

⁷ Заместитель председателя совета директоров АФК «Система».

Возможность для реализации идеи появляется спустя несколько лет после начала карьерной траектории. К этому этапу женщины успевают накопить образовательные и профессиональные компетенции, а также обзавестись полезными социальными контактами. Под получением возможности женщины принимают профессиональное предложение, которое позволяет им продвигаться вверх внутри организации или переходить на работу в другую. Это также благоприятные условия в виде, например, наличия необходимых ресурсов для проведения экспериментов с работой. Этим может быть и кризисная ситуация, которая приводит к переосмыслению собственных карьерных возможностей.

Все это в результате приводит женщин:

- к разработке методик раннего развития детей (Юлия Алексеева);
- появлению телевизионных тематических каналов (Светлана Габуня);
- открытию сети солярий-клубов с новейшим конкурентоспособным оборудованием (Юлиана Винер);
- открытием фониатрической службы (Екатерина Осипенко);
- конверсии предприятий ВПК, одним из проектов в рамках которой является создание сети мобильной коммуникации (Анна Белова);
- созданию конкурентоспособной инвестиционной компании (Анна Нестерова).

Особую роль в этом сценарии играет окружение женщин. Нарративные описания содержат ориентации окружающих людей на реализацию сформулированной профессиональной идеи. Это может быть как близкое окружение, так и эксперты в профессиональном сообществе.

Показательной иллюстрацией влияния авторитетного эксперта на действия женщины является рассказ Анны Нестеровой, которая в условиях экономического кризиса 2008 года принимает решение начать собственный инвестиционный бизнес. Такое решение первоначально обосновывается свойственным ей *«легким духом авантюризма»*, а также *«присущей женщинам смелости не оглядываться назад»*. Затем рассказ А. Нестеровой меняет тональность. Авантюризм и смелость подкрепляются осознанием доступных ей ресурсов в виде профессионального опыта и практических знаний, а также социальных контактов, которые позволяют сформировать первоначальную базу клиентов. Последний ресурс выделяется отдельным нарративом:

«...Я позвонила одному из клиентов, ныне моих очень больших друзей, и задала ему вопрос: "А если у меня будет своя компания, ты будешь работать с моей компанией или ты будешь работать с теми партнерами, с которыми ты уже работал?" Он мне сказал очень важную вещь, которая мне придала сил: "Я буду работать, я работаю с тобой, и мне неважно, в какой компании ты работаешь. Я доверяю, я знаю, что ты не подведешь, на тебя можно рассчитывать во всех аспектах нашей совместной трудовой деятельности..." Это придало мне сил — если он так говорит, значит, наверняка как минимум еще кто-то также думает, а мне этого хватит для того, чтобы поддержать свой собственный задор, свою уверенность» (Анна Нестерова).

Звонок одному из клиентов, который в настоящий момент занимает важное место в жизненной траектории женщины, выделяется в качестве положительного подкрепления для сформулированной в кризисной ситуации профессиональной идеи. Значимость состоявшегося разговора подчеркивается интенционально словосочетаниями «ныне моих очень больших друзей», «сказал очень важную вещь», «придало сил». Этот пример особенно важен и потому, что иллюстрирует ориентацию, исходящую от компетентного и авторитетного мужчины. В ходе интервью важность гендерной принадлежности человека, от которого исходила ориентация, неоднократно подчеркивается.

Диахронный режим-сценарий — это сценарий поэтапной реализации женщин в отдельных сферах: сфера карьеры и семейно-материнская сфера. Реализовали диахронный сценарий на протяжении своей траектории Инна Масленникова¹, Татьяна Митрова², Яна Бороздина³, Эллада Мордвинцева⁴.

Выделяются следующие поворотные моменты в образовательно-профессиональных траекториях:

1. Кризисная ситуация, которая приводит к постановке на «паузу» одной из двух вышеперечисленных сфер. Как правило, эти ситуации предполагают приостановку карьерной сферы. Женщины-руководители используют образовавшиеся временные отрезки для реализации отложенных задач семейно-материнского цикла. Вместе с тем кризисная ситуация может быть связана и с приостановкой семейно-материнской роли (например, при разводе), что в еще большей степени подталкивает женщин к профессиональной самореализации.
2. Возвращение в карьерную сферу. Этап сопровождается осознанием проблематичности возврата на прежнюю профессиональную позицию, что приводит к переквалификации или дополнительному обучению женщин.

Важной особенностью диахронного сценария является конвертация приобретенных капиталов на первом этапе и готовность женщин к дополнительной квалификации на втором этапе.

Первая точка бифуркации, как отмечалось ранее, провоцируется кризисными ситуациями. В качестве кризисных ситуаций женщины называют социально-экономические спады в обществе (1991 г., 1998 г., 2008 г.), а также межличностные ухудшающиеся отношения:

«...Я была начинающим банкиром скорее, работала в головном офисе главным специалистом. Все знают кризис 98 года, когда наш банк, в котором я работала... попал под эту мясорубку. И я осталась без работы. Но в этот же год я вышла замуж, и ничего лучше я не придумала, как решила, что я должна пойти за детьми. Ну так и случилось...»
(Инна Масленникова).

¹ Генеральный директор и владелец бизнеса PhotoHelpers.

² Директор Центра энергетической Московской школы управления СКОЛКОВО.

³ Директор по развитию компании «ВитаФарма».

⁴ Генеральный директор «Фирмы ВитаФарма».

Таким образом, образовавшийся отрезок времени женщины используют в выгодном для них ключе: достижение баланса в семейной сфере, после которого появляется возможность для возвращения к профессиональным ориентирам. Процесс возвращения в профессиональную сферу довольно точно описывается в интервью Татьяны Митровой. Интервью иллюстрирует, как выстраивалась рефлексия по поводу возврата в карьерную сферу после декрета. Реакция на паузу в карьерной сфере в виде исполнения отложенной семейно-материнской роли интерпретируется ею положительно: *«была образцовой домохозяйкой», «обожаю своих детей»*. Однако осознание желания вернуться к карьере порождает переломный момент в женской траектории, изменяя вектор и последовательность ее прохождения.

В этом же интервью демонстрируется оценка собственной квалификации и возможностей для успешного прохождения карьерной траектории. Привлекая внимание к отсутствию высоких ожиданий от усилий, которые планируется предпринимать: *«будь, что будет, хуже уже не будет»*, Т. Митрова запускает процесс освоения новой профессиональной деятельности. По мере накопления образовательно-профессиональных ресурсов происходит аккумуляция социальных ресурсов, которые накладываются друг на друга и, по мнению интервьюируемой, определяют текущее положение в образовательно-профессиональной траектории:

«... По сути, все эти 15 лет, когда я работала, я училась, каждый раз это было что-то новое... и в результате где-то года 4–5 назад, я стала достаточно заметным экспертом по российской энергетике в мире... Это глобальная сеть контактов... И, видимо, это сработало в тот момент, когда подыскивали человека для совета директоров...»
(Татьяна Митрова).

В ходе интервью женщины используют устоявшиеся фразы, словосочетания, чтобы закрыть ряд пробелов в женских траекториях: *«видимо, это сработало в тот момент»* — в нарративе Т. Митровой, *«и так собрались»* — в нарративе Э. Мордвинцевой, *«ничего лучше я не нашла»* — в нарративе И. Масленниковой, *«потом это как-то закончилось»* — в нарративе Я. Бороздиной.

Заключение

Проведенное исследование позволяет посмотреть на образовательно-профессиональные траектории с субъективной точки зрения — с опорой на внутренне-обоснованные конструкции и нарративное переживание прожитого опыта женщинами-руководителями.

Женщины-руководительницы демонстрировали субъектность в поворотные моменты своих карьерных траекторий. Нарративы были наполнены агентностью в продолжении обучения, определении профессиональных целей, расширении сети социальных контактов. В результате интент-анализа нами

были определены субъективно-значимые события в женских карьерных траекториях, которые оказали влияние на текущие карьерные позиции женщин и реализованные ими сценарии становления руководителями.

Сценариев, в свою очередь, выявлено четыре. Все они реализовывались с опорой на социальную активность женщин, на высокий уровень образования и готовность женщин продолжать его получение по мере необходимости. Но все они отличались ресурсами, которые женщины привлекали для карьерного роста.

В первом сценарии непрерывная образовательная квалификация становилась драйвером, помогающим преодолевать структурные барьеры. Во втором сценарии карьерное продвижение осуществлялось за счет длительного вертикального роста в период работы в одной организации. В третьем сценарии формулировалась профессиональная идея, которая воплощалась при активном участии в карьерных траекториях социального окружения женщин. В четвертом сценарии карьера строилась на стратегии переориентации с профессиональной роли на семейно-материнскую (и наоборот) в зависимости от складывающихся обстоятельств.

Несмотря на проведенную работу по типизации женских траекторий путем выделения образовательно-профессиональных сценариев, важно признать уникальность каждой из этих траекторий. Это наглядно подтверждают включенные в анализ нарративы. Контекст, в котором каждый из нас строит карьеру, имеет значение, но не решающее. Женщины порой совершали неоднозначные поступки, соглашались на риск, переезжали в другую страну, брались за реализацию идеи, в которую никто из авторитетных для них людей не верил. Временами все это происходило на фоне мировых кризисов, политических потрясений. То, в чем одна женщина видела карьерные возможности, вероятно, пугало другую.

Конечно, эмпирическая база данного исследования вносит ряд ограничений. Нет возможности задать женщинам вопросы, которые помогли бы лучше проследить связь между ключевыми характеристиками реализованных сценариев. Тем не менее представленные результаты дают повод для дальнейших дискуссий, а также для продолжения заданного тренда в концептуализации женских образовательно-профессиональных траекторий.

Литература

Азарова Е. А. Влияние культуры на формирование и измерение моральных гендерных стереотипов // Российские женщины и европейская культура. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 213–219.

Бурдые П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Социология социального пространства / Пер. с франц. Н. А. Шматко. М., 2005. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3053> (дата обращения: 01.04.2021).

Женщины и мужчины России. 2018: Статистический сборник. М.: Росстат, 2020.

Оксамитная С., Бродская С. Социальный класс как фактор дифференциации жизненных шансов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. № 4. С. 24–42.

Павлова Н.Д. Диалог и его интенциональная организация // Ушакова Т.Н. и др. Слово в действии. СПб.: Алетейя, 2000.

Попова И.П. «Поворотные пункты» в биографии и профессиональные карьеры специалистов // Социологические исследования. 2011. № 4. С. 81–91.

Чирикова А.Е. Женщина на высших этажах региональной власти: путь наверх и сценарии будущего // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2009. Т. 9. № 1. С. 206–251.

Barreto M., Ellemers N. Sexism in Contemporary Societies: How It Is Expressed, Perceived, Confirmed, and Resisted // The SAGE Handbook of Gender and Psychology / Ed. by M. Ryan, N. Branscombe. London, Thousand Oaks: SAGE, 2014. P. 288–305. DOI: <https://www.doi.org/10.4135/9781446269930.n18>

Bursztyn L., Fujiwara T., Pallais A. Acting Wife: Marriage Market Incentives and Labor Market Investments // American Economic Review. 2017. Vol. 107. № 11. P. 3288–3319. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20170029>

Day D.V. Leadership Development: A Review in Context // The Leadership Quarterly. 2000. Vol. 11. № 4. P. 581–613. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(00\)00061-8](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(00)00061-8)

Elliott, J. R., & Smith, R. A. (2004) Race, Gender, and Workplace Power. *American Sociological Review*, 69(3), 365–386. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240406900303>

Glass C., Cook A. Leading at the Top: Understanding Women's Challenges above the Glass Ceiling // The Leadership Quarterly. 2016. Vol. 27. № 1. P. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2015.09.003>

Jyrkinen M. Women Managers, Careers and Gendered Ageism // Scandinavian Journal of Management. 2014. Vol. 30. № 2. P. 175–185. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2013.07.002>

Komives S. College Student Leadership Identity Development // Early Development and Leadership: Building the Next Generation of Leaders / Ed. by S.E. Murphy, R.J. Reichard. New York: Routledge, 2011. P. 273–292. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203818343>

Lutter M. Do Women Suffer from Network Closure? // American Sociological Review. 2015. Vol. 80. № 2. P. 329–358. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0003122414568788>

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27. P. 415–444. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>

Misra J., Lundquist J., Templer A. Gender, Work Time and Care Responsibilities among Faculty // Sociological Forum. 2012. Vol. 27. № 2. P. 300–323. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2012.01319.x>

Offermann L.R., Thomas K.T., Lanzo L.A., Smith L.N. Achieving Leadership and Success: A 28-Year Follow-Up of College Women Leaders // The Leadership Quarterly. 2020. Vol. 31. № 4. Art. 101345. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.leaqua.2019.101345>

Purcell D., MacArthur K., Samblanet S. Gender and the Glass Ceiling at Work // Sociology Compass. 2010. Vol. 4. № 9. P. 705–717. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2010.00304.x>

Ryan M.K. et al. Opting out or Pushed off the Edge? The Glass Cliff and the Precariousness of Women's Leadership Positions // Social and Personality Psychology Compass. 2007. Vol. 1. № 1. P. 266–279. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00007.x>

Schein V.E. The Relationship between Sex Role Stereotypes and Requisite Management Characteristics // Journal of Applied Psychology. 1973. Vol. 57. № 2. P. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0037128>

Stone P. Opting Out? Why Women Really Quit Careers and Head Home. Berkeley: University of California Press, 2007. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520941793>

Wolf C. Not Lost in Translation: Managerial Career Narratives and the Construction of Protean Identities // Human Relations. 2019. Vol. 72. № 3. P. 505–533. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0018726718778094>

Сведения об авторе:

Честных Юлия Сергеевна — выпускница магистерской программы «Комплексный социальный анализ» факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** julia.96tmb@yandex.ru. **РИНЦ Author ID:** 914342; **ORCID ID:** 0000-0002-0287-548X.

Статья поступила в редакцию: 10.09.2021

Принята к публикации: 03.12.2021

.....

Educational and Professional Trajectories of Women Leaders

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.3

Yulia S. Chestnykh *HSE University, Moscow, Russia*
E-mail: julia.96tmb@yandex.ru

The article analyzes the educational and professional trajectories of women leaders. The study is based on an approach to the educational and professional trajectory as part of the life path. The empirical basis of the study was 20 video interviews published on the website of the news aggregator MediaMetrics, which were conducted as part of programs about women's career success. The intentional characteristics of female successful trajectories are empirically investigated on the basis of narratives. The author uses intent analysis to show how women leaders explain their career paths. As a result of the research, educational and professional scenarios realized by women are formulated, as well as their discursive justifications. Women become leaders due to the implementation of the diachronic educational and qualification scenario of a business idea.

Keywords: educational and professional trajectory; educational and professional scenario; female leader; intent analysis

References

- Azarova E. A. (2001) Vliyanie kul'tury na formirovanie i izmerenie moral'nyh gendernyh stereotipov [The Influence of Culture on the Formation and Measurement of Moral Gender Stereotypes]. *Rossijskie zhenshchiny i evropejskaya kul'tura* [Russian Women and European Culture]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo. P. 213–219. (In Russ.)
- Barreto M., Ellemers N. (2014) Sexism in Contemporary Societies: How It Is Expressed, Perceived, Confirmed, and Resisted. In: Ryan M., Branscombe N. (eds.) *The SAGE Handbook of Gender and Psychology*. London, Thousand Oaks: SAGE. P. 288–305. DOI: <https://www.doi.org/10.4135/9781446269930.n18>
- Bourdieu P. (2005) Fizicheskoe i sotsial'noe prostranstva: proniknovenie i prisvoenie [Physical and Social Spaces: Penetration and Appropriation]. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space] / Transl. from Fr. by N. A. Shmatko. Moscow. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/3053> (accessed 1 April 2021). (In Russ.)

Bursztyn L., Fujiwara T., Pallais A. (2017) Acting Wife: Marriage Market Incentives and Labor Market Investments. *American Economic Review*. Vol. 107. No. 11. P. 3288–3319. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.20170029>

Chirikova A. E. (2009) Zhenshchina na vysshih etazhah regional'noj vlasti: put' naverh i scenariii budushchego [A Woman on the Highest Floors of Regional Power: The Way up and Scenarios of the Future]. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy* [Pro Nunc. Modern Political Processes]. Vol. 9. No. 1. P. 206–251. (In Russ.)

Day D. V. (2000) Leadership Development: A Review in Context. *The Leadership Quarterly*. Vol. 11. No. 4. P. 581–613. DOI: [https://doi.org/10.1016/S1048-9843\(00\)00061-8](https://doi.org/10.1016/S1048-9843(00)00061-8)

Elliott, J. R., & Smith, R. A. (2004) Race, Gender, and Workplace Power. *American Sociological Review*, 69(3), 365–386. DOI: <https://doi.org/10.1177/000312240406900303>

Glass C., Cook A. (2016) Leading at the Top: Understanding Women's Challenges above the Glass Ceiling. *The Leadership Quarterly*. Vol. 27. No. 1. P. 51–63. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.leaqua.2015.09.003>

Jyrkinen M. (2014) Women Managers, Careers and Gendered Ageism. *Scandinavian Journal of Management*. Vol. 30. No. 2. P. 175–185. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.scaman.2013.07.002>

Komives S. (2011) College Student Leadership Identity Development. In: Murphy S. E., Reichard R. J. (eds.) *Early Development and Leadership: Building the Next Generation of Leaders*. New York: Routledge. P. 273–292. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203818343>

Lutter M. (2015) Do Women Suffer from Network Closure? *American Sociological Review*. Vol. 80. No. 2. P. 329–358. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0003122414568788>

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. (2001) Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. P. 415–444. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.415>

Misra J., Lundquist J., Templer A. (2012) Gender, Work Time and Care Responsibilities among Faculty. *Sociological Forum*. Vol. 27. No. 2. P. 300–323. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2012.01319.x>

Offermann L. R., Thomas K. T., Lanzo L. A., Smith L. N. (2020) Achieving Leadership and Success: A 28-Year Follow-Up of College Women Leaders. *The Leadership Quarterly*. Vol. 31. No. 4. Art. 101345. DOI: <http://doi.org/10.1016/j.leaqua.2019.101345>

Oksamitnaya S., Brodskaya S. (2004) Social'nyj klass kak faktor differentsiatsii zhiznennyh shansov [Social Class as a Factor of Differentiation of Life Chances]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing* [Sociology: Theory, Methods, Marketing]. No. 4. P. 24–42. (In Russ.)

Pavlova N. D. (2000) Dialog i ego intentsional'naya organizatsiya [Dialogue and Its Intentional Organization]. In: Ushakova T. N. et al. *Slovo v dejstvii* [The Word in Action]. St. Petersburg: Aletejya. (In Russ.)

Popova I. P. (2011) "Povorotnye punkty" v biografii i professional'nye kar'ery specialistov ["Turning Points" in the Biography and Professional Careers of Specialists]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 4. P. 81–91. (In Russ.)

Purcell, D., MacArthur K., Samblanet S. (2010) Gender and the Glass Ceiling at Work. *Sociology Compass*. Vol. 4. No. 9. P. 705–717. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9020.2010.00304.x>

Ryan M. K. et al. (2007) Opting out or Pushed off the Edge? The Glass Cliff and the Precariousness of Women's Leadership Positions. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 1. No. 1. P. 266–279. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1751-9004.2007.00007.x>

Schein V. E. (1973) The Relationship between Sex Role Stereotypes and Requisite Management Characteristics. *Journal of Applied Psychology*. Vol. 57. No. 2. P. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.1037/h0037128>

Stone P. (2007) *Opting Out? Why Women Really Quit Careers and Head Home*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520941793>

Wolf C. (2019) Not Lost in Translation: Managerial Career Narratives and the Construction of Protean Identities. *Human Relations*. Vol. 72. No. 3. P. 505–533. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0018726718778094>

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2018 [Women and Men of Russia. 2018] (2020) Statisticheskij sbornik [Statistical Collection]. Moscow: Rosstat. (In Russ.)

Author bio:

Yulia S. Chestnykh — Graduate, Master's Programme in Complex Social Analysis, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** julia.96tmb@yandex.ru. **RSCI Author ID:** 914342; **ORCID ID:** 0000-0002-0287-548X.

Received: 10.09.2021

Accepted: 03.12.2021

Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.4

Ссылка для цитирования:

Сокол А. В. Дискурс первой романтической любви: гендерные сценарии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 68–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.4>

For citation:

Sokol A. V. (2021) The Discourse of the First Romantic Love: Gender Scenarios. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 68–91. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.4>

Сокол Анна Владимировна

Online Market Intelligence, Москва, Россия

E-mail: sokol1997@inbox.ru

Сексуальная, гендерная и семейная революции XX века привели к масштабной трансформации институтов брака, семьи и романтических отношений, а вместе с ними и к изменениям представлений о романтической любви, которые продолжают и по сей день. В современном обществе появляются разнообразные и даже противоречивые культурные модели и дискурсы, между которыми индивиды вынуждены маневрировать, пользуясь сценариями, представляющими собой рекомендации, схемы социально ожидаемых действий. Важную роль в усвоении, применении и дальнейшем формировании установок и практик романтической любви играет первое столкновение с ней, являющееся отправной точкой в нащупывании границ приемлемого поведения и сопровождающих его чувств. Но какой опыт сами индивиды относят к первой романтической любви, как ее оценивают и какое значение она для них имеет? Различается ли этот выстраиваемый опыт первой романтической любви у мужчин и женщин? Данное исследование посвящено изучению этих вопросов посредством обращения к дискурсивному опыту информантов и реконструированию на его основе исполненных гендерных сценариев первой романтической любви, опирающихся на более масштабный культурный образец. На основании 30 нарративных интервью было обнаружено 12 сценариев первой романтической любви, 7 из которых

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке компании «Online Market Intelligence».

имеют гендерную специфику. Принципиальные различия в понимании первой романтической любви между мужчинами и женщинами отсутствуют, однако ее оценка более эмоционально выражена у женщин, их сценарии в большей степени позитивно проработаны, тогда как у мужчин в сценариях больше негативного и амбивалентного опыта. Исследование также подтверждает, что культурный образец романтической любви действительно размыт и противоречив.

Ключевые слова: первая романтическая любовь; дискурс; гендерные сценарии; нарративное интервью

Введение

Нет сомнений в том, что романтическая любовь является неотъемлемой частью нашей социальной жизни и общечеловеческой потребностью. Каждый индивид рано или поздно сталкивается с этим прекрасным чувством, которое словно нить связывает нас с другими, позволяя чувствовать себя особенными на фоне неустойчивой индивидуальности как последствия исполнения множества различных ролей в современном мире [Luhmann, 1986]. Согласно статистическим опросам, любить и быть любимыми важно более 60% россиян, а более 70% отмечают, что испытывали настоящую большую любовь¹.

Однако может возникнуть вопрос, зачем же исследовать это таинственное, неуловимое и в то же время прекрасное и притягательное чувство социологам? И действительно, долгое время социология была безразлична к изучению романтической любви, которая считалась непредсказуемым и иррациональным явлением, не поддающимся каким-либо законам и объяснениям, а также связанным с опытом и эмоциями отдельных людей. Тем не менее переживание и выражение романтической любви обусловлено «социальным и культурным контекстом, в котором она переживается», и не может происходить отдельно от него [Jackson, 1993: 202]. Это не просто физиологический процесс, это смыслы, придаваемые этому процессу, представления и практики в соответствии с ними. С одной стороны, романтическая любовь подразумевает применение существующих социально-культурных моделей на практике, опирающихся на существующие нормы — что и как чувствовать, как себя вести в соответствии с этим. С другой стороны, через романтическую любовь как социальное взаимодействие индивиды интерпретируют свой опыт, придают ему определенные смыслы и формируют новые представления, которые затем закрепляются в культуре и порождают новые практики. Таким образом, через субъективный опыт романтической любви просматривается как воспроизведение социальных структур, так и их конструирование, что открывает возможности для социологического анализа.

¹ Россияне о любви // Левада-центр. 12.02.2016. URL: <https://www.levada.ru/2016/02/12/rossiyane-o-lyubvi/> (дата обращения: 03.12.2020). Данный материал создан российским юридическим лицом, выполняющим функции иностранного агента.

Till Death Do Us Part?

Современные реалии предлагают нам огромное количество культурных моделей романтической любви, зачастую даже противоречивых. Так, романтическая любовь в рамках эмоционального капитализма и терапевтического этоса понимается как подрывающая рациональный самоконтроль эмоций, поэтому мы должны научиться сдерживать свои чувства и эмоции, что приводит к их угасанию и неполноценности, они «становятся все более неуловимыми, а наше стремление к ним — все более насущным» [Illouz, 1997: 294]. Также неудовлетворенность качеством отношений и императив «быть счастливым» подвергают индивидов бесконечным поискам захватывающего чувства, а боязнь разбитого сердца подталкивает к временным и хрупким связям, любовь становится «текучей» [Bauman, 2003]. С другой стороны, культура через СМИ навязывает нам идеализированную романтическую любовь, предполагающую гарантии совместности с перспективой «пока смерть не разлучит нас». Пытаясь маневрировать между этими противоречащими моделями, индивиды сталкиваются с кризисом, «характеризующимся глубоко укоренившимся подозрением к любви, путаницей между ее рациональными и иррациональными проявлениями и трудностью интерпретации своих чувств» [Illouz, 1997: 293–294]. Сложность ориентирования во всем многообразии, размытости и противоречивости культурных моделей также дополняется разнообразием ситуативных и гендерных схем, поскольку интерпретация и применение готовых моделей, а также придание смыслов совершившемуся опыту может осуществляться по-разному.

Важную роль в понимании того, какие культурные образцы усвоены и как они применяются на практике, играет первая романтическая любовь. Это первый сильный эмоциональный опыт, который обычно происходит в возрасте 14–17 лет¹ и является отправной точкой в нащупывании границ приемлемого поведения и сопровождающих его чувств. Он помогает «проиграть» социальные роли и сформировать новые успешные в реализации сценарии, то есть схемы социально ожидаемых действий. Тем не менее остается неясным, как же происходит этот первый опыт, на какие культурные модели он опирается. И поскольку гендерные различия являются «важным фактором в понимании культуры романтики» [Jackson, 1993: 217], рассматривать романтическую любовь необходимо в гендерной специфике. Следовательно, наша задача состоит в реконструировании исполненных гендерных сценариев первой романтической любви, опирающихся на более масштабные культурные модели.

Романтическая любовь как психологическая категория

Поскольку романтическая любовь долгое время была вне основного фокуса изучения социологии, ключевыми игроками на арене исследования сущности и особенностей данного явления выступали философия и психология. Конечно,

¹ Первая любовь // ФОМ. 13.02.2014. URL: <https://fom.ru/TSennosti/11346> (дата обращения: 03.12.2020).

нельзя недооценивать вклад каждой из наук, изучающих романтическую любовь, однако в обыденном сознании романтическая любовь представляется скорее психологическим феноменом. Даже многие информанты, которых мы приглашали на интервью рассказать о своем опыте романтической любви, изначально считали, что они участвуют в психологическом исследовании. Романтическая любовь в повседневной жизни прежде всего — это чувство, при описании которого большинство людей пользуется языком популярной психологии, поэтому и переживание романтической любви происходит «в основном через психологические категории» [Аронсон, 2020; Illouz, 2012: 14]. Таким образом, невозможно понять специфику романтической любви, не затрагивая психологические теории и исследования о ней. Тем более, некоторые работы психологов по этой теме носят социологический характер, в то время как социологи иногда обращаются к вопросам о романтической любви, изучаемым психологией [Felmlee, Sprecher, 2006].

Существует множество различных психологических категоризаций любви. Среди основных видов можно выделить страстную любовь, или влюбленность, где подчеркивается интенсивность эмоций и сексуального желания, эротическую — с возвышенностью страсти и сексуальности, платоническую — с акцентом на духовность и возвышенность над телесным, и компанейскую — основанную на развивающейся с течением времени привязанности, тесной близости и приверженности [Sternberg, 1986; Hatfield, 1988; Фромм, 2018; Grunebaum, 1997; Karandashev, 2015; Walster, Walster, 1978; Hendrick, Hendrick, 1993]. Романтическая любовь либо приравнивается к некоторым из этих видов, либо сопоставляется по разным аспектам, поэтому сложно выделить какое-то единое и устоявшееся понятие. В свою очередь это дает нам возможность рассматривать романтическую любовь как более широкий культурный феномен по сравнению с остальными видами, который может трансформироваться в зависимости от культуры и доминирования тех или иных компонент [Karandashev, 2019].

Оставаясь в рамках психологии, нельзя проигнорировать и тот факт, что большинство психологических теорий основано на исключительной важности первого опыта взаимодействий (чаще всего в раннем детстве) и его влиянии на более поздние взаимоотношения с другими людьми. Например, согласно теориям привязанности и полового развития, первые отношения с опекуном характеризуют последующее поведение в романтических отношениях [Hazan, Shaver, 1987; Chodorow, 1978]. Также согласно терапевтическому этосу, более ранний жизненный опыт влияет на успешность текущих отношений, поэтому его необходимо прорабатывать [Illouz, 1997]. Это свидетельствует о том, что первый опыт действительно значим для нас, даже если мы сами этого не осознаем. Несмотря на то, что природа этого явления психологическая, все же существуют основания полагать, что этот опыт важен для формирования у индивидов установок о романтической любви и влияет на последующий романтический опыт. Поэтому необходимо пристальнее рассмотреть первую романтическую любовь, чтобы понять, что происходит на этом этапе с социологической точки зрения.

Романтическая любовь в социологии

До второй половины прошлого века социологи изучали в основном близкие к романтической любви концепты, такие как семья, брачные отношения, сексуальность. Тем не менее в работах представителей классической социологии романтическая любовь все же упоминается, хотя и не занимает там центрального места. Уже у Э. Дюркгейма можно увидеть противопоставление семейной любви, основанной на долге, эмоциональной связи и поддержке, и страстной любви — свободной и спонтанной, основанной на удовольствии и избирательности [Durkheim, 1896–1897]. М. Вебер в одной из своих работ тоже оперирует категориями любви: он выделяет братскую любовь, основанную на всеобщей любви и альтруизме, сексуальную — иррациональную и эксклюзивистскую, которую можно «приручить» рамками брака и которая вследствие эротизации сексуальности возводится до эротической любви как искусства и наслаждения, способной заменить братскую любовь в качестве спасения в условиях капитализма и рациональности [Weber, 1946]. П. Сорокин ближе всего был к рассмотрению романтической любви как центральной категории в своих теориях, однако из-за мистических ориентаций его труды в основном игнорируются научным сообществом [Sorokin, 1954; Rusu, 2018]. Вслед за представителями классической социологии Т. Парсонс тоже косвенно затрагивает тему романтической любви, рассматривая ее исключительно в браке как новое связующее звено вместо существовавшей ранее широкой сети родства [Parsons, 1943]. Таким образом, в социологии XIX — середины XX века романтическая любовь ограничивалась понятиями страстной, сексуальной и эротической любви и рассматривалась, скорее, как эгоистичная, иррациональная и аффективная, если она существовала вне брака, тогда как в нем она уже описывалась категориями семейной и компанейской любви, «обузданной» и не такой желанной.

Изучение романтической любви как отдельного социологического феномена актуализировалось лишь во второй половине прошлого века с появлением социологии эмоций. Ведущая исследовательница в этой области А. Хохшильд призывает обратить внимание на то, как индивиды пытаются чувствовать, а не только на то, как они пытаются показать, что чувствуют [Hochschild, 1979; 1983]. Так, культура предоставляет нам репертуары приемлемых правил чувствования и правил выражения этих чувств, которые являются социально ожидаемыми в зависимости от определенного контекста и ситуации. Вслед за представителями психологии социологи разрабатывали различные типологии любви, чтобы описать этот сложный и многогранный феномен. Н. Луман рассматривает любовь как семантический код в определенные исторические промежутки, выделяя куртуазную, страстную и романтическую любовь, появляющуюся лишь в XIX веке и основанную на рефлексии и автономии [Luhmann, 1986]. Э. Гидденс выделяет относительно универсальную страстную любовь, основанную на сильной эмоциональной связи и сексуальном желании, противопоставляя ее культурно обусловленной и идеализированной романтической любви, подразумевающей единение душ, эмоциональную

близость и привязанность, что противопоставляется сексуальному влечению как чему-то земному и непристойному. В данной типологии присутствует еще и любовь-слияние — неожиданная и свободная любовь, существующая ради себя самой, пока есть выгода, удовлетворение и пока она желательна или существенна для партнеров [Гидденс, 2004]. Наиболее актуальна типология Э. Иллоуз, которая предполагает две сосуществующие одновременно модели любви — идеалистическую, пронизанную романтикой и фантазиями, представлениями об ослепляющей и всепоглощающей любви и страсти, и реалистичную — предполагающую совместную работу в повседневности, взаимопонимание, поддержку и принятие недостатков другого [Illouz, 1997]. В ходе своих исследований Э. Иллоуз выявила, что реалистичная модель часто ставится информантами под сомнение — а любовь ли это вообще? — из-за отсутствия готовых образов, потребляемых через СМИ, которые в свою очередь транслируют в основном идеалистические сценарии.

Таким образом, поскольку общая и четко разработанная концептуализация любви, которой придерживались бы все исследователи, отсутствует, используя концепт романтической любви, мы прежде всего подчеркиваем ее обусловленность культурой, что важно для социологического понимания этого явления, а также пытаемся отказаться от многообразия классификаций и упрощенных моделей. Романтическая любовь — это социальный конструкт — то, как ее понимают и описывают индивиды, истолковывая социальную реальность и действуя в ней. Согласно доминирующему сценарию развития, романтическая любовь следует за физиологическим процессом влюбленности, включает его интенсивность в эмоциональном и сексуальном плане, а со временем может перерасти в компанейскую любовь [Sprecher, Regan, 1998]. То есть это осознанный выбор следования культурным практикам для продолжения взаимоотношений, возникающих в результате всплеска эмоций, наделяемого смыслом как возвышенного и идеализированного чувства, основанного на страсти и близости, а также на желании сексуального, эмоционального и духовного единения с возлюбленным.

Как и большинство исследователей, мы рассматриваем романтическую любовь как близость только между мужчиной и женщиной, так как это является доминирующим сценарием современной культуры. Несмотря на изменения, произошедшие в результате гендерной и сексуальной революции, все еще остаются актуальными гендерные различия в выражении чувств и эмоций, нормах поведения и т. п. Так, женщинам присуще проявление нежных и позитивных эмоций, они рассматривают любовь скорее как компанейскую, с эксклюзивностью и долгосрочной перспективой на репродуктивность, а также более детально помнят и воспроизводят события, касающиеся романтических отношений, тогда как мужчины избегают нежных чувств, стараясь демонстрировать свое господство и компетентность, хотя они в большей степени придерживаются романтических взглядов, связывают любовь с сексуальностью и удовольствием, быстрее влюбляются и большое количество партнерш придает им большей самооценности, но о своем опыте обычно сообщают лишь сухие факты [Симонова, 2015; Fehr, Broughton, 2001;

Hendrick et al., 1984; Бендас, 2006; Illouz, 2012; Ellis, 1949; Cross, Madson, 1997]. Исходя из этого, логично предположить, что переживание первой романтической любви у мужчин и женщин, как и ее описание, различается. Для этого мы используем понятие гендерного сценария как схемы ориентации в мужественном и женственном, используемого в данном случае в контексте романтической любви. В основу данного понятия лег концепт сексуального сценария, введенного Дж. Ганьоном и У. Саймоном, под которым они подразумевали социально-когнитивные схемы, предписывающие определенные взаимодействия в сфере сексуального [Gagnon, Simon, 1973]. Гендерный сценарий также можно рассматривать как социальную установку (аттитюд) — концепцию, введенную в социологию У. Томасом и Ф. Знанецким, подразумевающую «процесс индивидуального сознания, определяющий реальную или возможную деятельность индивида в социальном мире» [Thomas, Znaniecki, 1918: 22]. То есть гендерный сценарий как установка регулирует социальное поведение в рамках романтической любви, формируя определенные представления и побуждая индивидов к нормативному действию. Структура этих установок состоит из когнитивного (осознание объекта), аффективного (эмоциональное отношение к объекту) и поведенческого (интенции и поведение по отношению к объекту) компонентов [Андреева, 2001]. Поэтому для гендерного сценария первой романтической любви мы включаем совокупность схем, различающихся в гендерном аспекте по следующим критериям: 1) опыт первой романтической любви — как ее понимают, описывают и что в нее включается, 2) оценка романтической любви с точки зрения эмоций, 3) значение первого опыта романтической любви в построении последующих взаимодействий и установок.

Методология исследования

Поскольку романтическая любовь как чувство является субъективно переживаемым опытом, то исследовать ее можно лишь дискурсивно — через то, как о ней говорят и что пишут [Jackson, 1993]. Дискурс рассматривается здесь как существующий в культуре способ выражения внутренних переживаний, который одновременно влияет и на то, как именно мы их переживаем. Необходимый эмпирический материал был собран с помощью нарративов, которые являются одной из форм устного дискурса, где информанты выступают в роли рассказчиков и их речь выстраивается как повествование с определенной последовательностью отбираемых событий. Нарративное интервью состоит из трех частей: импульса и целостного рассказа информантов о своем опыте, нарративного расспрашивания — уточнения и прояснения отдельных моментов, и заключительной части, где нужно оценить соответствующий опыт. В качестве импульса для информантов выступала просьба рассказать о своем опыте романтической любви в целом, начиная с первых романтических чувств и вплоть до настоящего времени. Это было сделано с целью отследить место первой романтической любви во всем нарративе, которая

может не осознаваться информантами, а также для повышения рефлексивности при дальнейшей оценке первой романтической любви.

При построении выборки учитывалось, что первая романтическая любовь в российском контексте возникает чаще всего в 14–17 лет, а большинство событий, имеющих отношение к любовной жизни, происходят до 30 лет [Dunlop et al., 2017]. Также согласно одному из исследований о романтической любви, лишь самая молодая (20–29 лет) и самая старшая (70–85 лет) возрастные группы обращаются к своим воспоминаниям чаще остальных, как бы «репетируя» свой пережитый опыт [Alea, Vick, 2010]. Главный критерий отбора информантов — завершенная первая романтическая любовь и хотя бы одни романтические отношения или влюбленности после нее, чтобы проследить роль первого опыта во всей истории. Для выделения типичных сценариев было решено выбрать более-менее однородную по социальному бэкграунду выборку, у которой, в свою очередь, могут быть совершенно разные сценарии первой романтической любви. Среди критериев однородности выбраны географическая локация (г. Москва), принадлежность к среднему классу на основе образования и дохода и возраст, который вписывается в рамки одного поколения миллениалов (20–30 лет) [Радаев, 2018].

Сбор данных осуществлялся с помощью рекрутирования респондентов через крупнейшую российскую онлайн-панель компании OMI. Панелистам был выслан короткий опрос, и среди тех, кто был согласен на проведение нарративного интервью и подошел по критериям выборки, было отобрано 30 наиболее расходящихся по опыту информантов (15 женщин и 15 мужчин), чтобы учесть различные варианты проявления сценариев первой романтической любви. Опрос также показал, что данное исследование посвящено наиболее типичному опыту — завершенной первой романтической любви (рис. 1).

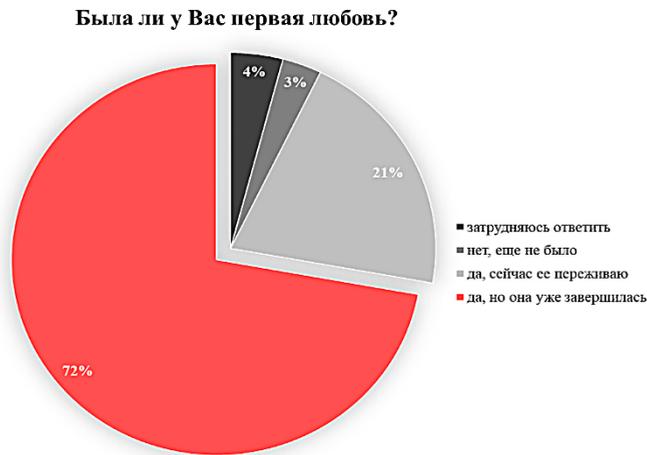

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос о первой романтической любви

Далее был осуществлен содержательный (тематический) анализ нарратива, включающий три его вида: обобщающий — редукция основных моментов в каждом нарративе по выделенным темам, объясняющий — поиск дополнительной информации, содержащейся как в самом тексте нарратива и его лингвистических особенностях, так и в более широком контексте, и структурирующий — отбор необходимого материала по ключевым темам исследования и систематизирование его в типизации [Рождественская, 2020]. На выходе была составлена кодировочная таблица с исходным материалом, его обобщением и ключевыми словами по выделенным темам. В качестве ограничений исследования стоит учитывать сензитивность темы и ограниченную репрезентативность результатов в силу использования интерпретативной парадигмы и специфичности выборки.

Результаты исследования

Обычно самые первые упоминаемые информантами романтические чувства возникают в детском саду, но только с пятого класса они оцениваются как более-менее серьезные. В этом возрасте наблюдается уже некоторая социальная зрелость, выражающаяся в осознанности, самостоятельности, способности воспринимать себя и окружающих, также примерно в этом возрасте начинаются процессы полового созревания. Поэтому мы ограничиваем описание первой романтической любви как самого раннего опыта рамками школы, хотя даже этот опыт еще не полноценен по своему проявлению. То есть могут быть сформированные представления о том, как это все должно происходить, но их реализация происходит с учетом ряда ограничений, таких как отсутствие сексуальной близости и т. п. За рамками нашего рассмотрения находится опыт единственного информанта, чья первая романтическая любовь произошла в пять лет — неосознанном возрасте, накладывающем еще большие ограничения на опыт романтической любви. Это еще социально некомпетентный ребенок, который не осознает, что подлежит паттернизации, он не делает выводов из этого опыта, хотя у него уже есть эмоциональный запрос на романтические чувства.

Особенности опыта первой романтической любви

В среднем возраст, в котором переживается первая романтическая любовь, среди информантов составляет 16 лет. Но если у женщин самый поздний опыт первой романтической любви происходил в 18 лет, то у мужчин он встречается в 19–20 лет и даже в 24 года. Длительность первой романтической любви варьируется примерно от 6 месяцев до 5 лет. Наименее продолжительные чувства — это невзаимная романтическая любовь, хотя у двух информантов со схожими историями она длилась на протяжении 2 и 5 лет. Самая долгая первая романтическая любовь в отношениях длилась от 4 до 4,5 лет

и происходила в основном у тех, кто рассказывает о ней больше половины времени в нарративе (4 женщины и 1 мужчина). Статистическая проверка предположения, что женщины уделяют первой романтической любви больше внимания, чем мужчины в своих нарративах, не показала значимых различий. Хотя для женщин в большей степени характерно возвращение к первой романтической любви в других частях нарратива, что может подтверждать выводы А. Эллиса о том, что женщины больше вспоминают свой романтический опыт и ориентируются на него [Ellis, 1949].

Немногие информанты описывают своего партнера по первой романтической любви. То есть скорее во всем этом опыте им важнее их собственные чувства, чем конкретный человек. Но те мужчины и женщины, которые описывают своего возлюбленного, в основном сосредоточиваются на внешности, однако мужчины описывают еще и внутренние качества партнерши. Это расходится с выводами В. Карандашева о том, что мужчины ценят внешность больше, чем женщины [Karandashev, 2015].

Для многих женщин важно мнение других, в качестве которых обычно выступают родители или подруги:

«Мама говорила, что у меня светятся глаза. И подружка моя говорила: когда ты что-то рассказываешь, ты прям активная, светящаяся» (Лера, 21 год).

Из мужчин только один информант опирается на чужое мнение, в его случае это осуждение общества из-за большой разницы в возрасте с возлюбленной. В целом можно сказать, что мужчины в своих нарративах показывают себя независимыми, тогда как среди женщин обнаруживается тенденция определять себя через других, что согласуется с выводами Н. Чодороу, К. Далессандро и Э. Уилкинса [Chodorow, 1974; Dalessandro, Wilkins, 2017].

У большинства информантов (22 чел.) первая и последующая романтическая любовь происходили в рамках отношений, которые выступают как критерий полноценности чувств романтической любви — если вы испытываете взаимные чувства, то почему бы не закрепить их на нормативном уровне? За исключением одного информанта, количество раз, когда испытывалось чувство романтической любви, всегда меньше, чем количество отношений, что отражает приемлемость отношений без романтической любви для современной молодежи.

Что касается сексуального опыта, то связано ли это с сензитивностью темы или неважностью данного аспекта в романтической любви (лишь 1 мужчина и 1 женщина акцентировали внимание на том, что романтическая любовь должна включать в себя сексуальный опыт), но 9 информантов вообще не упоминают сексуальные отношения в своих историях. Среди 20 информантов, в чьих историях присутствует сексуальный опыт, только у 9 (5 женщин и 4 мужчин) он присутствует и в первой романтической любви. То есть у большинства все же первый секс и первые романтические чувства не взаимосвязаны.

Несмотря на то, что большинство информантов отмечает, что сексуальные отношения должны быть только по любви, все же сексуальный опыт нормализуется и вне романтических чувств. Однако ощущаемая неприемлемость в обществе такого поведения выражается в основном мужчинами:

«С ней было что-то вроде... прости господи за это... секса по дружбе, но, кстати, не с моей подачи» (Володя, 26 лет).

«Иногда животное преобладает... стесняюсь сказать» (Денис, 23 года).

А вот приемлемость сексуальных контактов вне романтической любви разделяют как мужчины, так и женщины:

«Физиология никуда не делась, это всегда хочется» (Настя, 27 лет).

Это противоречит выводам В. Карандашева и Е. Ильина о том, что «секс без любви более проблематичен для женщин, чем для мужчин», так как «женское сознание не может смириться с определением любви как секса» [Karandashev, 2019: 96; Ильин, 2013: 254]. Можно наблюдать, что двойные стандарты в сексуальной сфере действительно понемногу стираются, лишь двое информантов подмечают, что женская сексуальность все еще не воспринимается так же, как и мужская:

«Есть доля парней, я в их число, наверное, тоже вхожу, которые очень архаично и традиционно мыслят о том, что если у девушки первые отношения с тобой, то она качеством повыше, грубо скажем» (Тёма, 23 года).

«Не нравится, когда у девушки до меня было много парней, хотя в этом плане у меня у самого было много. И это меня напрягает, такой парадокс» (Вадим, 25 лет).

Если говорить о браке как институциональном закреплении серьезности чувств, то его не так часто упоминают, особенно в рамках первой романтической любви. Тем не менее именно первая романтическая любовь становится поводом для рационализации брака без любви для женщин, когда испытать такие же сильные и эмоциональные романтические чувства уже невозможно:

«Такого чувства больше не было и, наверное, не будет никогда. Вот есть и в нынешних отношениях эйфория, но той эйфории уже не повторится» (Аня, 29 лет).

«Сейчас больше бытовухи, за душу не берет. Хочется романтики, но не отзывается в сердце, притупленность появилась. Прожил эти эмоции, больше и не хочется» (Юля, 26 лет).

Гендерные сценарии первой романтической любви: понимание, оценка и значение

Понимание первой романтической любви. Больше половины информантов (17 чел.) начинали свои нарративы именно с первой романтической любви, то есть самый первый значимый опыт они и считают первой романтической любовью. Остальные информанты описывают первые романтические чувства как просто первый опыт влюбленности и не считают его настолько значимым, чтобы называть первой романтической любовью. Однако существует ряд оснований для рационализации описания первых романтических чувств, не являющихся первой романтической любовью. Во-первых, это служит пониманию того, что информанты могут испытывать какие-то романтические чувства, которые лишь впоследствии благодаря определенным обстоятельствам превратятся в первую романтическую любовь: *«Первый раз что-то колыхнулось»* (Дима, 24 года).

Во-вторых, это важность романтического опыта на тот период:

«Начну с 12 лет, все-таки тогда какие-то серьезные чувства были, как мне казалось. Думала, что мы поженимся, будут дети. Поэтому не могу как-то их обесценить» (Катя, 28 лет).

В-третьих, наличие характерных для романтической любви элементов (первый поцелуй, первые отношения), но без серьезных чувств, а также желание не обесценивать чувства партнера:

«Мы с ним встречались, хотя это было очень-очень странно. Я не считаю это отношениями, хотя он утверждает обратное» (Алина, 22 года).

И еще один случай — влияние сверстников, подразумевающее нормативную гетеросексуальность:

«Как и все мальчишки, бегал за какой-то девчонкой. Понятное дело, что, если ты за ней не ухлестываешь, значит, ты какой-то неправильный, скорее всего» (Тёма, 23 года).

Переходя к первой романтической любви, наиболее распространенным опытом среди мужчин и женщин являются именно первые взаимные чувства, сопровождающиеся (за исключением одного информанта) романтическими отношениями (8 женщин и 7 мужчин):

«По идее первая любовь — это твои первые отношения, такие, типа, официальные... просто потому, что они во что-то вылились» (Тёма, 23 года).

Первые не взаимные чувства, где больше важны именно свои ощущения, встречаются у 3 женщин и 3 мужчин:

«Было такое чисто невинное... возвышенное чувство, ну, первая любовь, которая такой и должна быть, хоть и не взаимная. Недаром считают, что из первой любви обычно ничего хорошего не получается» (Лиля, 22 года).

Не первые взаимные чувства происходили у 4 женщин и 4 мужчин — обычно это более продолжительный, яркий опыт с более серьезными и глубокими чувствами, страданиями, страстью, физиологическими реакциями:

«Эти чувства у меня прям очень глубокие были, после расставания кошмар как переживала, максимально сильно» (Алина, 22 года).

«Когда через многое прошел» (Рома, 22 года).

Конечно, первые взаимные чувства тоже могут обладать перечисленными свойствами, но у тех, у кого первая романтическая любовь — это не первые взаимные чувства, опыт обычно должен быть намного серьезнее, чтобы назвать его именно первой романтической любовью. Таким образом, понимание первой романтической любви можно разделить на три категории — неразделенная любовь, взаимная любовь и серьезная любовь.

Эмоциональная оценка первой романтической любви. Большинство респондентов оценивают свой опыт первой романтической любви как положительный. Однако если среди женщин это 12 информанток, то среди мужчин всего 7. Девушки не боятся позитивных проявлений этого чувства, тогда как мужчины в большей степени, чем женщины, подвержены амбивалентным и негативным эмоциям, что создает впечатление сдержанности:

«Эмоции положительные больше. Не было моментов, чтобы человек меня как-то обижал. То есть в этих отношениях я была абсолютно счастлива» (Алина, 22 года).

«Вспоминаю с теплотой исключительно, нет сожаления, не ностальгирую» (Оля, 23 года).

«Иногда всплывает что-то хорошее, но скорее никак, нейтральные эмоции, негатива тоже нет» (Денис, 23 года).

Негативной оценки в целом очень мало — она присутствует лишь у одной женщины и двоих мужчин. Но в случае девушки негативная оценка связана с неблагоприятным значением первого опыта, а у мужчин просто с неприятными эмоциями. Что касается амбивалентности, то мужчинам сложнее

оценить эмоциональное отношение к первой романтической любви. Если почти все девушки четко обозначали свою реакцию (лишь 2 женщины оценивают романтическую любовь амбивалентно), то мужчины в большей степени сомневаются (5 мужчин). Это указывает на то, что они, скорее всего, не смогли до конца рационализировать свой первый опыт, им довольно сложно разобраться в комплексных эмоциональных переживаниях и занять конкретную позицию по отношению к этому опыту, хотя они придают ему определенное значение. Таким образом, эмоциональную оценку первой романтической любви можно разделить на позитивный, негативный и амбивалентный опыт.

Больше всего описаний чувств и эмоций прослеживается в женских нарративах — здесь присутствуют как позитивные, так и негативные эмоции, описания чувств: *«Какая-то радость, любовь изнутри так и прет, тепло внутри как будто»* (Лера, 21 год); *«трепет, урчание в животе», «страхи до дрожи»* (Юля, 26 лет); *«плакала много», «подкосилась в плане психологическом — неврозы, депрессия, не хотелось ничего»* (Катя, 28 лет). У мужчин встречается больше негативных эмоций в нарративах — при переживании разрыва, ссор и т. п.: *«Плохо было, больно»* (Тёма, 23 года); *«очень тяжело переживал, долго страдал»* (Вадим, 25 лет); *«переросло в болезненные страдания, дискомфорт внутри»* (Илья, 27 лет). Мужчины тоже описывают свой положительный эмоциональный опыт, но по большей части только с подачи интервьюера при нарративном расспрашивании или на этапе оценки:

«Хочу видеть, быть постоянно рядом» (Денис, 21 год).

«Любовь — это взаимность, нежность, открытость, когда вам просто хорошо в плохих условиях» (Вадим, 25 лет).

Также ни один мужчина не отметил, что он ностальгирует по первой романтической любви, хотя иногда некоторые вспоминают про свой первый опыт. Всего о ностальгии упоминают лишь 3 женщины.

Несмотря на присутствие эмоционального отношения к опыту первой романтической любви, во время нарратива информанты спокойно рассказывают о пережитом опыте. То есть первая романтическая любовь по сути является уже отрефлексированным, «отработанным материалом», вероятно, это связано в целом с тем, что представители образованного среднего класса умело управляют своими эмоциями [Hochschild, 1983]. Также вопреки имевшимся опасениям мужчины были столь же открыты и довольно подробно описывали свой опыт, как и женщины. Но если К. Далессандро и Э. Уилкинс связывают это с принадлежностью информантов и интервьюеров к одному социальному классу, то нам кажется, что это происходит скорее из-за устоявшегося мнения о том, что любовь является традиционно женской эмоцией и обсуждать эту тему с интервьюером-женщиной гораздо проще, чем с интервьюером-мужчиной [Dalessandro, Wilkins, 2017].

Значение первой романтической любви. Значение первого опыта во многом прослеживается уже при описании разрыва, который у большинства информантов происходит довольно тяжело, даже если они сами разрывают отношения:

«Это было тяжело, как привязать к себе человека и просто его выкинуть. Я чувствовала себя отвергательно, но сделать иначе я не могла» (Настя, 27 лет).

Как и женщины, мужчины тоже очень эмоционально переживают разрыв, но обычно не демонстрируют это: *«Было очень плохо, 2 месяца в слезах, соплях, рвало — так сильно плакал»* (Вадим, 25 лет); *«тяжело переживал, но не показывал»* (Артём, 30 лет).

Многие информанты описывают разрыв в рамках терапевтического дискурса, где он выступает как толчок к переосмыслению, проработке своих травм и более сильному контролю над эмоциональностью, что сказывается на скорее поверхностном погружении в следующие романтические отношения и чувства. Женщины также упоминают новых партнеров как возможность забыть первый романтический опыт. Если говорить о последствиях разрыва, то информанты описывали как положительные последствия: саморазвитие, погружение в учебу, осознание важных для них вещей; так и негативные, такие как употребление алкоголя, психические расстройства, разочарование или недоверие к противоположному полу. Значение первой романтической любви также тесно связано с эмоциональной оценкой. Позитивные эмоции обычно характеризуют последствия, связанные с научением, осознанием и вынесением уроков, причем в том числе и из негативного опыта. Негативные эмоции отражают неприятные ситуации для информантов — не только в связи с негативным значением первой романтической любви, но и с отношениями в целом, оценкой себя или возлюбленного как некомпетентного партнера, даже если это привело к положительным последствиям. Амбивалентные эмоции в большинстве случаев связаны с различными значениями первого опыта — как положительными, так и негативными.

В итоге нам удалось выделить шесть категорий значения первого опыта, которые пересекаются между собой, то есть у одного индивида может быть несколько значений первой романтической любви.

Так, *опыт роста и взросления* описывает становление лучшей версии себя, приобретения определенных положительных качеств:

«Начала интересоваться тем, чем и он — психология, философия, за ним тянуться. Это был для меня толчок развиться» (Аня, 28 лет).

«Я стала более открытой. Изменилось отношение к близким» (Лера, 21 год).

Противоположный ему — *опыт переломного момента* с негативными последствиями и изменениями:

«Стала загоняться, не принимала себя. Сравнивала себя с предыдущими девушками своих молодых людей» (Маша, 24 года).

«Стал более жестким. Меньше доверяю людям» (Денис, 21 год).

Еще одно значение первого опыта — это *учебник любви*. Оно относится к открытию для себя новых идей и знаний, это образец того, как нужно или не нужно себя вести, опирающийся на позитивный опыт:

«С ним я поняла, что такое любить» (Наташа, 20 лет).

«Отношения должны быть основаны по большей части на дружбе» (Эрик, 20 лет).

«В девушках начал видеть существо возвышенное» (Дима, 24 года).

«Это опыт, новые чувства, эмоции, помогает не делать ошибок» (Илья, 27 лет).

«Эталон, мера весов — как можно, как нельзя» (Володя, 26 лет).

«Толчок к пониманию, как вести себя с девушкой, как общаться, дарить подарки» (Артём, 30 лет).

Немного другое значение у *опыта горьких уроков* — это признание своих ошибок и возможность их учесть, сделать будущие отношения лучше, это скорее более глубокое переживание своих неудач и выводы по негативному опыту, тому, как не должно быть:

«Сравниваю как не нужно. Начал отслеживать, контролировать, чтоб не допустить того, что было» (Тёма, 23 года).

«Этот опыт надо правильно отработать — как не должно быть, антипример» (Денис, 23 года).

«Психологическое состояние важнее, чем любовь, лучше не потерять себя. Была наивной, отдала всю себя — нужно себе знать цену» (Ника, 24 года).

Опыт новой любовной тактики описывает изменение стратегий и поведения для новых романтических отношений:

«Если нравится — хочу узнать, долго общаться, больше приглядеться» (Рома, 22 года).

«Научился быть более внимательным, открытым» (Саша, 23 года).

«Если не хотелось — не делал. Если ссора — не держался за человека, было неинтересно» (Артём, 25 лет).

«Стал лучше оценивать партнера» (Стево, 27 лет).

А опыт эмоциональной трезвости — это отсутствие возможности или желания испытать такой же эмоциональный накал: «Стала с более холодной головой» (Настя, 23 года); «строю стенки, чтобы не привыкать к человеку» (Миша, 29 лет).

Для итоговой типологии выделенные значения первой романтической были объединены в три более крупных категории по смыслу, чтобы возможное число сценариев не выходило за рамки числа информантов. Значение *метаморфоз* описывает влияние на жизнь информанта в целом, его изменения (опыт роста и переломного момента). *Тренажер любви* — это влияние на последующие любовные отношения, любовный ориентир (опыт учебника любви, горьких уроков, новой любовной тактики и эмоциональной трезвости). Наконец, *комплекс* — это значение опыта первой романтической любви, сочетающее в себе значения метаморфоза и тренажера.

Типология гендерных сценариев первой романтической любви

Итоговая типология гендерных сценариев первой романтической любви основана на понимании первой романтической любви (неразделенная, взаимная, серьезная), испытываемых эмоциях к этому опыту (позитивных, негативных, амбивалентных) и его значении для последующих романтических отношений и жизни в целом (метаморфоз, тренажер любви, комплекс). Из теоретически возможных 27 гендерных сценариев первой романтической любви у наших информантов было обнаружено всего 12. Среди них — 4 женских и 3 мужских сценария, а остальные встречаются как у мужчин, так и у женщин.

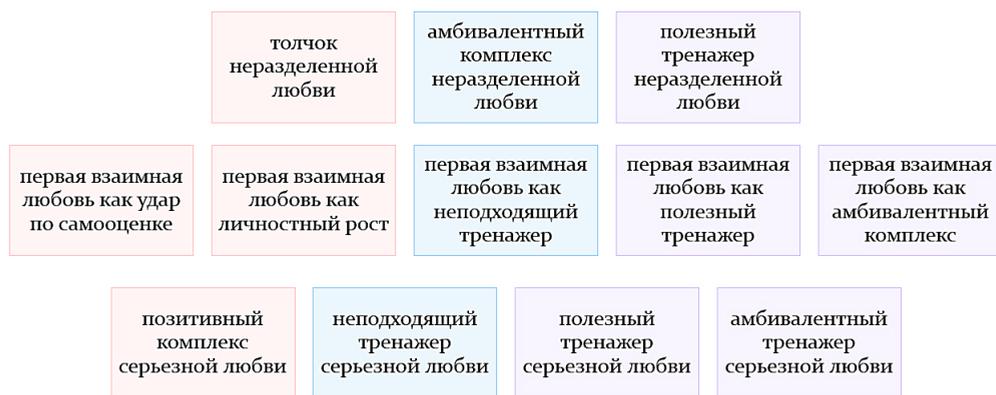

Рисунок 2. Итоговая типология гендерных сценариев первой романтической любви

Общие сценарии — это все три полезные (позитивные) тренажеры, а также амбивалентный тренажер и амбивалентный комплекс. Полностью негативный опыт, его понимание, оценка и значение различаются у мужчин и женщин. Женский гендерный сценарий негативного опыта описывается первой взаимной любовью и ударом по самооценке, что соотносится с выводами К. Далессандро и Э. Уилкинс, а также Н. Чодороу о том, что женщины определяют себя через отношения с другими [Chodorow, 1974; Dalessandro, Wilkins, 2017]. Мужские гендерные сценарии негативного опыта — это тренажер первой взаимной и уже серьезной любви, то есть вынесены полезные уроки и взгляды из этого опыта, однако негативные эмоции к партнеру и отношениям перекрывают все хорошее впечатление об этом опыте. Женский гендерный сценарий неразделенной любви — четко позитивный — это личностный рост, развитие, что также подтверждает выводы о женском определении себя через других. Мужской гендерный сценарий неразделенной любви — амбивалентный, поскольку произошло множество последствий — и рост, и занижение самооценки, и горькие уроки. Еще два женских гендерных сценария — позитивные. Это личностный рост через первую взаимную любовь и комплекс через серьезную (чем серьезнее опыт, тем серьезнее последствия). То есть в целом женщины больше оценивают свой опыт положительно, прорабатывают его, даже если в нем был какой-то негатив. Мужчины же такой опыт более склонны относить к амбивалентному.

Таким образом, несмотря на существующие гендерные различия в представлениях, переживании и выражении романтической любви, ее понимание у мужчин и женщин принципиально не различается. Как мужчины, так и женщины подчеркивают важность сексуального опыта в романтических отношениях, однако в силу отсутствия опытности в первой романтической любви сексуальные отношения опущены. Также первая романтическая любовь описывается информантами двумя противоречивыми моделями — режимом выбора, или терапевтическим дискурсом, в рамках которых романтические отношения основаны на собственных интересах, чувства сдерживаются во избежание разбитого сердца, и режимом судьбы, идеализирующим страдания и жертву как критерии полноценности чувств [Аронсон, 2020]. А вот отношение к первой романтической любви у женщин выражено более эмоционально, чем у мужчин, избегающих позитивной эмоциональности и описывающих в большей степени первую романтическую любовь как нейтральный опыт. Наконец, говоря о значении первой романтической любви, женщины более склонны вспоминать о первом романтическом опыте, чем мужчины. В их нарративах больше оценки, позитивных и проработанных сценариев, в то время как мужчины больше отмечают отсутствие влияния первой романтической любви, однако делают выводы так же, как и женщины. Можно наблюдать практически одинаковое количество сценариев горьких уроков, учебника отношений и эмоциональной трезвости у мужчин и женщин, но в то же время мужчины описывают больше переломных моментов и стратегий, а женщины — рост и самосовершенствование.

Заключение

Исследование гендерных сценариев первой романтической любви показало, что культурный образец романтической любви действительно размыт и противоречив. Присутствует как идеализация любви, страданий, так и рационализация опыта. Поэтому важно понимать, что происходит именно на уровне сценариев — усвоенных схем поведения, которые совмещают в себе и транслируемые культурные модели, и реконструируемый опыт. Сценарий первой романтической любви в этом плане особенный. Это первый опыт, старт сценарирования, поэтому при его реализации существуют преимущественно только образы и представления того, как этот опыт должен осуществляться, которые затем заземляются на конкретные действия, реакцию другой стороны и корректируются. В данном исследовании этот опыт первой романтической любви происходит сквозь призму пережитого нового опыта.

Согласно выделенным гендерным сценариям первой романтической любви, в целом этот опыт скорее положительный — он прорабатывается, из него делают важные выводы и с его помощью меняются в лучшую сторону. Однако все же иногда первый опыт является болезненным и не до конца проработанным, оцененным. Существуют также определенные гендерные особенности, связанные прежде всего с эмоциями и значением первой романтической любви. Так, женские сценарии в большей степени положительны и касаются личностного роста, самооценки — то есть прослеживается важность определения себя через партнера и отношения с ним, тогда как мужские сценарии более негативны и содержат больше переломных моментов и стратегий из неудачного опыта. В исследовании также были обнаружены и описания первой романтической любви, противоречащие гендерным стереотипам. Как и женщины, мужчины сильно переживают романтические чувства, однако стремятся не афишировать это. Даже в своих нарративах, которые были настолько же подробными, как и женские, они стараются избегать описания положительных эмоций и чувств. Также мужчины ценят внешность не больше, чем женщины, для них важны и внутренние качества. А для женщин сексуальные отношения без романтической любви не столь проблематичны, как предполагается.

Итак, романтическая любовь в целом является многогранным феноменом, но ее единая концептуализация отсутствует. В данной работе предложено обобщающее понятие романтической любви как универсального, включающего в себя все вариации и обусловленного культурой феномена. Романтическая любовь — это нагруженное культурными смыслами чувство, возникающее в результате влюбленности — яркого, интенсивного чувства. Для большинства информантов первая романтическая любовь была такой. Этот первый опыт мало чем отличается от последующих романтических чувств, но он в большей степени, чем последующий, является невзаимным, с отсутствием сексуального опыта и перспективы брака. Не все опираются в эмоциональной жизни на первую романтическую любовь — есть более поздний и значимый опыт. Но все-таки она задает траекторию последующего опыта.

Литература

- Андреева Г. М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2001.
- Аронсон П. Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Individuum, 2020.
- Бендас Т. В. Гендерная психология. СПб.: Питер, 2006.
- Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. СПб.: Питер, 2004.
- Ильин Е. П. Психология любви. СПб.: Питер, 2013.
- Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>
- Рождественская Е. Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>
- Симонова О. А. Гендерные стереотипы и эмоциональная жизнь // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 2015. Т. 3. № 3. С. 103–124.
- Фромм Э. Искусство любить / Пер. с англ. А. В. Александровой. М.: АСТ, 2018.
- Alea N., Vick S. C. The First Sight of Love: Relationship-Defining Memories and Marital Satisfaction across Adulthood // Memory. 2010. Vol. 18. № 7. P. 730–742. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2010.506443>
- Bauman Z. Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds. Cambridge: Polity, 2003.
- Chodorow N. Family Structure and Feminine Personality // Women, Culture and Society / Ed. by M. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford: Stanford University Press, 1974. P. 43–66.
- Chodorow N. The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1978. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520924086>
- Cross S. E., Madson L. Models of the Self: Self-Construals and Gender // Psychological Bulletin. 1997. Vol. 122. № 1. P. 5–37. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.122.1.5>
- Dalessandro C., Wilkins A. C. Blinded by Love: Women, Men and Gendered Age in Relationship Stories // Gender and Society. 2017. Vol. 31. № 1. P. 96–118. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243216679121>
- Dunlop W. L. et al. Sticking to the (Romantic) Script: An Examination of Love Life Scripts, Stories, and Self-Reports of Normality // Memory. 2017. Vol. 25. № 10. P. 1444–1454. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1316509>
- Durkheim E. La prohibition de l'inceste et ses origins // Année sociologique. 1896–1897. Vol. 1. P. 1–70.
- Ellis A. A Study of Human Love Relationships // The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology. 1949. Vol. 75. № 1. P. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/08856559.1949.10533509>
- Fehr B., Broughton R. Gender and Personality Differences in Conceptions of Love: An Interpersonal Theory Analysis // Personal Relationships. 2001. Vol. 8. № 2. P. 115–136. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2001.tb00031.x>
- Felmlee D. H., Sprecher S. Love // Handbook of the Sociology of Emotions / Ed. by J. E. Stets, J. H. Turner. New York: Springer, 2006. P. 389–409. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_18
- Gagnon J. H., Simon W. Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality. Chicago: Aldine, 1973.
- Grunebaum H. Thinking about Romantic/Erotic Love // Journal of Marital and Family Therapy. 1997. Vol. 23. № 3. P. 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1997.tb01037.x>
- Hatfield E. Passionate and Companionate Love // The Psychology of Love / Ed. by R. J. Sternberg, M. L. Barnes. New Haven: Yale University Press, 1988. P. 191–217.

Hazan C., Shaver P. Romantic Love Conceptualized as an Attachment Process // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 52. № 3. P. 511–524. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.3.511>

Hendrick C. et al. Do Men and Women Love Differently? // Journal of Social and Personal Relationships. 1984. Vol. 1. № 2. P. 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407584012003>

Hendrick S., Hendrick C. Lovers as Friends // Journal of Social and Personal Relationships. 1993. Vol. 10. № 3. P. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0265407593103011>

Hochschild A. Emotion Work, Feeling Roles, and Social Structure // American Journal of Sociology. 1979. Vol. 85. № 3. P. 551–575. DOI: <https://doi.org/10.1086/227049>

Hochschild A. The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling. Berkeley: University of California Press, 1983.

Illouz E. Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism. Berkeley: University of California Press, 1997. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520917996>

Illouz E. Why Love Hurts: A Sociological Explanation. Cambridge: Polity, 2012.

Jackson S. Even Sociologists Fall in Love: An Exploration in the Sociology of Emotions // Sociology. 1993. Vol. 27. № 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0038038593027002002>

Karandashev V. A Cultural Perspective on Romantic Love // Online Readings in Psychology and Culture. 2015. Vol. 5. № 4. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1135>

Karandashev V. Cross-Cultural Perspectives on the Experience and Expression of Love. Cham: Springer, 2019. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15020-4>

Luhmann N. Love as Passion: The Codification of Intimacy. Cambridge: Harvard University Press, 1986.

Parsons T. The Kinship System of the Contemporary United States // American Anthropologist. 1943. Vol. 45. № 1. P. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1943.45.1.02a00030>

Rusu M. S. Theorising Love in Sociological Thought: Classical Contributions to a Sociology of Love // Journal of Classical Sociology. 2018. Vol. 18. № 1. P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468795X17700645>

Sorokin P. A. The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation. Radnor: Templeton Foundation Press, 1954.

Sprecher S., Regan P. Passionate and Companionate Love in Courting and Young Married Couples // Sociological Inquiry. 1998. Vol. 68. № 2. P. 163–185. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-682x.1998.tb00459.x>

Sternberg R. J. A Triangular Theory of Love // Psychological Review. 1986. Vol. 93. № 2. P. 119–135. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.93.2.119>

Thomas W. I., Znaniecki F. The Polish Peasant in Europe and America. Boston: R. G. Badger, 1918.

Walster E., Walster G. W. A New Look at Love. Reading: Addison-Wesley, 1978.

Weber M. Religious Rejection of the World and Their Directions // From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. P. 323–359.

Сведения об авторе:

Сокол Анна Владимировна — руководитель проектов, Online Market Intelligence, Москва, Россия. **E-mail:** sokol1997@inbox.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-4236-6970](https://orcid.org/0000-0002-4236-6970).

Статья поступила в редакцию: 13.09.2021

Принята к публикации: 03.12.2021

The Discourse of the First Romantic Love: Gender Scenarios¹

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.4

Anna V. Sokol

Online Market Intelligence, Moscow, Russia
E-mail: sokol1997@inbox.ru

The sexual, gender and family revolutions of the 20th century led to a massive transformation of the institutions of marriage, family and romantic relationships, and with them to the changes in the concept of romantic love, which continue to this day. In modern society, various and even contradictory cultural models and discourses appear, between which individuals are forced to maneuver, using scenarios that are recommendations, schemes of socially expected actions. An important role in the assimilation, application and further formation of attitudes and practices of romantic love is played by the first encounter with it, which is the starting point in feeling for the boundaries of acceptable behavior and the feelings accompanying it. But what experience do individuals themselves refer to first romantic love, how is it evaluated, and what meaning does it have for them? Does this built experience of first romantic love differ between men and women? This study explores these issues by referring to the informants' discursive experience and reconstructing, based on it, the fulfilled gender scenarios of first romantic love, based on a larger cultural model. Based on 30 narrative interviews, 12 scenarios of first romantic love were found, 7 of which are gender specific. There are no fundamental differences in the understanding of first romantic love between men and women, however, its assessment is more emotionally expressed in women, their scenarios are more positively worked out, while men have more negative and ambivalent experiences in the scenarios. The study also confirms that the cultural pattern of romantic love is indeed blurred and contradictory.

Keywords: first romantic love; discourse; gender scenarios; narrative interview

References

- Alea N., Vick S. C. (2010) The First Sight of Love: Relationship-Defining Memories and Marital Satisfaction across Adulthood. *Memory*. Vol. 18. No. 7. P. 730–742. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2010.506443>
- Andreeva G. M. (2001) *Psihologiya social'nogo pozvaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Aronson P. (2020) *Lyubov': sdelay sam. Kak my stali menezherami svoih chuvstv* [Love: Do It Yourself. How We Became Managers of Our Feelings]. Moscow: Individuum. (In Russ.)
- Bauman Z. (2003) *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge: Polity.
- Bendas T. V. (2006) *Gendernaya psihologiya* [Gender Psychology]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Chodorow N. (1974) Family Structure and Feminine Personality. In: Rosaldo M., Lamphere L. (eds.) *Women, Culture and Society*. Stanford: Stanford University Press. P. 43–66.
- Chodorow N. (1978) *The Reproduction of Mothering: Psychoanalysis and the Sociology of Gender*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520924086>
- Cross S. E., Madson L. (1997) Models of the Self: Self-Construals and Gender. *Psychological Bulletin*. Vol. 122. No. 1. P. 5–37. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.122.1.5>
- Dalessandro C., Wilkins A. C. (2017) Blinded by Love: Women, Men and Gendered Age in Relationship Stories. *Gender and Society*. Vol. 31. No. 1. P. 96–118. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891243216679121>

¹ The research was conducted with the financial support of the "Online Market Intelligence" company.

Dunlop W.L. et al. (2017) Sticking to the (Romantic) Script: An Examination of Love Life Scripts, Stories, and Self-Reports of Normality. *Memory*. Vol. 25. No. 10. P. 1444–1454. DOI: <https://doi.org/10.1080/09658211.2017.1316509>

Durkheim E. (1896–1897) La prohibition de l'inceste et ses origins. *Année sociologique*. Vol. 1. P. 1–70.

Ellis A. (1949) A Study of Human Love Relationships. *The Pedagogical Seminary and Journal of Genetic Psychology*. Vol. 75. No. 1. P. 61–71. DOI: <https://doi.org/10.1080/08856559.1949.10533509>

Fehr B., Broughton R. (2001) Gender and Personality Differences in Conceptions of Love: An Interpersonal Theory Analysis. *Personal Relationships*. Vol. 8. No. 2. P. 115–136. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2001.tb00031.x>

Felmlee D.H., Sprecher S. (2006) Love. In: Stets J.E., Turner J.H. (eds.) *Handbook of the Sociology of Emotions*. New York: Springer. P. 389–409. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-387-30715-2_18

Fromm E. (2018) *Iskusstvo lyubit'* [The Art of Loving] / Transl. from Eng. by A.V. Aleksandrova. Moscow: AST. (In Russ.)

Gagnon J.H., Simon W. (1973) *Sexual Conduct: The Social Sources of Human Sexuality*. Chicago: Aldine.

Giddens A. (2004) *Transformaciya intimnosti: Seksual'nost', lyubov' i erotizm v sovremennyh obshchestvah* [The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Grunebaum H. (1997) Thinking about Romantic/Erotic Love. *Journal of Marital and Family Therapy*. Vol. 23. No. 3. P. 295–307. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1752-0606.1997.tb01037.x>

Hatfield E. (1988) Passionate and Companionate Love. In: Sternberg R.J., Barnes M.L. (eds.) *The Psychology of Love*. New Haven: Yale University Press. P. 191–217.

Hazan C., Shaver P. (1987) Romantic Love Conceptualized as an Attachment Process. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 52. No. 3. P. 511–524. DOI: <https://doi.org/10.1037/0022-3514.52.3.511>

Hendrick C. et al. (1984) Do Men and Women Love Differently? *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 1. No. 2. P. 177–195. DOI: <https://doi.org/10.1177/0265407584012003>

Hendrick S., Hendrick C. (1993) Lovers as Friends. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 10. No. 3. P. 459–466. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0265407593103011>

Hochschild A. (1979) Emotion Work, Feeling Roles, and Social Structure. *American Journal of Sociology*. Vol. 85. No. 3. P. 551–575. DOI: <https://doi.org/10.1086/227049>

Hochschild A. (1983) *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.

Il'in E.P. (2013) *Psihologiya lyubvi* [Psychology of Love]. St. Petersburg: Piter. (In Russ.)

Illouz E. (1997) *Consuming the Romantic Utopia: Love and the Cultural Contradictions of Capitalism*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520917996>

Illouz E. (2012) *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity.

Jackson S. (1993) Even Sociologists Fall in Love: An Exploration in the Sociology of Emotions. *Sociology*. Vol. 27. No. 2. P. 201–220. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F0038038593027002002>

Karandashev V. (2015) A Cultural Perspective on Romantic Love. *Online Readings in Psychology and Culture*. Vol. 5. No. 4. P. 1–21. DOI: <https://doi.org/10.9707/2307-0919.1135>

Karandashev V. (2019) *Cross-Cultural Perspectives on the Experience and Expression of Love*. Cham: Springer. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15020-4>

Luhmann N. (1986) *Love as Passion: The Codification of Intimacy*. Cambridge: Harvard University Press.

Parsons T. (1943) The Kinship System of the Contemporary United States. *American Anthropologist*. Vol. 45. No. 1. P. 22–38. DOI: <https://doi.org/10.1525/aa.1943.45.1.02a00030>

Radaev V.V. (2018) Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz [Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis]. *Sotsiologicheskie*

issledovaniya [Sociological Studies]. No. 3. P. 15–33. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>

Rozhdestvenskaya E. Yu. (2020) INTER-entsiklopediya: narrativnoe interv'yu [INTER-Encyclopedia: Narrative Interview]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 12. No. 4. P. 114–127. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2020.12.4.8>

Rusu M. S. (2018) Theorising Love in Sociological Thought: Classical Contributions to a Sociology of Love. *Journal of Classical Sociology*. Vol. 18. No. 1. P. 3–20. DOI: <https://doi.org/10.1177%2F1468795X17700645>

Simonova O. A. (2015) Gendernye stereotipy i emocional'naya zhizn' [Gender Stereotypes and Emotional Life]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. National and Foreign Literature. Series 11: Sociology]. Vol. 3. No. 3. P. 103–124. (In Russ.)

Sorokin P. A. (1954) *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Radnor: Templeton Foundation Press.

Sprecher S., Regan P. (1998) Passionate and Companionate Love in Courting and Young Married Couples. *Sociological Inquiry*. Vol. 68. No. 2. P. 163–185. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1475-682x.1998.tb00459.x>

Sternberg R. J. (1986) A Triangular Theory of Love. *Psychological Review*. Vol. 93. No. 2. P. 119–135. DOI: <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0033-295X.93.2.119>

Thomas W. I., Znaniecki F. (1918) *The Polish Peasant in Europe and America*. Boston: R. G. Badger.

Walster E., Walster G. W. (1978) *A New Look at Love*. Reading: Addison-Wesley.

Weber M. (1946) Religious Rejection of the World and Their Directions. *From Max Weber: Essays in Sociology*. New York: Oxford University Press. P. 323–359.

Author bio:

Anna V. Sokol — Fieldwork Specialist, Online Market Intelligence, Moscow, Russia.

E-mail: sokol1997@inbox.ru. **ORCID ID:** [0000-0002-4236-6970](https://orcid.org/0000-0002-4236-6970).

Received: 13.09.2021

Accepted: 03.12.2021

«Кристалльная Стена плача» Марины Абрамович: аналитическая дискуссия

DOI: [10.19181/inter.2021.13.4.5](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.5)

Ссылка для цитирования:

Старцев С. В., Пето А., Веселкова Н. В., Абрамов Р. Н., Запорожец О. Н. «Кристалльная Стена плача» Марины Абрамович: аналитическая дискуссия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 92–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.5>

For citation:

Startsev S.V., Peto A., Veselkova N.V., Abramov R.N., Zaporozhets O.N. (2021). Marina Abramovych's Crystal Wailing Wall: A Panel Discussion. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 92–113. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.5>

Старцев Сергей Вячеславович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

E-mail: sstartsev@hse.ru

Пето Андреа

Центрально-Европейский университет, Вена,
Австрия

E-mail: petoa@ceu.edu

Веселкова Наталья Вадимовна

Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

E-mail: n.v.veselkova@urfu.ru

Абрамов Роман Николаевич

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: rabramov@hse.ru

Запорожец Оксана Николаевна

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
E-mail: ozaporozhets@hse.ru

В дискуссии обсуждается недавно открытая в мемориальном комплексе «Бабий Яр» «Кристалльная Стена плача» — арт-объект, автором которого является знаменитая художница и перформансистка Марина Абрамович. Авторы с разных аналитических позиций и из разных предметных полей демонстрируют богатый интерпретативный ресурс этого арт-объекта. Описывая различные аспекты композиции, участники дискуссии обращают внимание на сложности, связанные как с обсуждением Холокоста, так и с формами его коммеморативной презентации.

Ключевые слова: визуальная социология; Холокост; Бабий Яр; «Кристалльная Стена плача» М. Абрамович; аналитическая дискуссия

Введение

В 2021 г. в Киеве на территории мемориального комплекса «Бабий Яр» была открыта уникальная скульптурная композиция — «Кристалльная Стена плача», созданная Мариной Абрамович. Стена уникальна по многим причинам, каждая из которых в той или иной мере освещается в данной дискуссии (Фото 1).

Все авторы настоящей компиляции предлагают собственный взгляд на какой-либо один аспект Стены: медийный, исторический, политический, географический и эмоциональный. Многомерность мемориала стала основой для другой важной особенности, воплощенной в статье: авторы каждой из частей не обсуждали заранее предполагаемые результаты своего дистанционного опыта взаимодействия с «Кристалльной Стеной». Каждая часть текста является самостоятельной попыткой описать и проинтерпретировать множественность арт-объекта, воздвигнутого в Бабьем Яре, которая возникает в силу уникального набора причин — местоположения, провокационности автора,

Фото 1. Художница Марина Абрамович рядом со своей работой «Кристалльная Стена плача» в Бабьем Яру, месте одного из крупнейших массовых убийств во время Второй мировой войны, в Киеве, Украина, 4 октября 2021 года. Снимок сделан 4 октября 2021 года. REUTERS / Глеб Гаранич. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/artist-marina-abramovics-crystal-wall-crying-commemorates-jews-killed-babyn-yar-2021-10-06/>

политической конъюнктуры и явной или латентной борьбы различных групп за символическое доминирование в теме Холокоста и Второй мировой войны.

В первой части предлагается исторический взгляд на проблему этнического и национального дискурса о Холокосте. Исключение из советского дискурса об «общем отечественном горе» различных депривированных групп — национальных, политических, этнических — создает важную среду для реактуализации памятников Холокоста и других преступлений вермахта.

Во второй части обращается внимание на духовное, надрациональное понимание антрацитового камня. Предыдущие мемориалы никогда не давали зрителям и посетителям возможности так тесно контактировать с ними, когда медитация и исцеление составляют важную функцию мемориала, доступную лишь во время телесного прикосновения.

Третья часть дискуссии сосредоточена на противоречивом характере Стены. Ее невозможно не интерпретировать в отрыве от прошлых и текущих событий — самого Холокоста, войны и обстоятельств открытия Стены. Кроме того, даже вне контекста посвящения Стена остается конструкцией из угля, который также порождает важные политические и культурные смыслы.

В четвертой части поднимается важная тема превращения горя и страдания в туристический, медийный и политический интертеймент. Эти процессы неизбежно возникают там, где со столь сенситивной темой начинает работать художница, подобная Марине Абрамович. Ее провокационные методы могут стать драйвером для включения в интерпретативную работу представителей нью-эйджа и других современных синкретических течений, для которых Холокост не историческая трагедия, а модная и претенциозная тема.

Рассуждение, представленное в заключительной части, описывает схожую проблему. Памятники, подобные Стене, часто находятся в центрах крупных городов. Их расположение создает особую инфраструктуру для взаимодействия жителей и объектов. Ключевая деталь в таком взаимодействии состоит в том, что люди могут означивать и переозначивать культурные объекты, далеко выходя за пределы нормативных инструкций и «правильных» способов взаимодействия.

Сергей Старцев. «Над Бабьим Яром памятников нет»: опыт визуального взаимодействия

Стена плача в киевском Бабьем Яре уникальна не просто тем, что наконец легитимизирует дискурс о еврейском геноциде в оккупированной вермахтом Украине. В мемориальном центре Холокоста «Бабий Яр» и до октября 2021 года появлялись памятники, адресованные евреям, оstarбайтерам, советским военнопленным и представителям украинского подполья. Православные кресты и храмы, менора, мемориальные камни и стелы — все это в полной мере материально отражает масштаб трагедии в Бабьем Яре 80 лет назад.

В событии, произошедшем в октябре 2021 года, масштабном с культурной и политической точек зрения, уникально совсем другое. В первую очередь это контраст с прошлыми способами мемориализации.

В память о 80-летию трагедии в Бабьем Яре Мариной Абрамович — одной из самых знаменитых представительниц современного искусства — была открыта «Кристалльная Стена плача». Сорокаметровая в длину и трехметровая в высоту прямая стена из антрацитового угля, с 93 инкрустированными в породу в три ряда кварцевыми кристаллами, располагается на территории мемориального центра Холокоста «Бабий Яр» в Киеве.

В чем же оригинальность этого объекта? Во-первых, арт-объект, исходя из своего маркирования, порывает с прошлой традицией памятования. В чем же состояла особенность всех прошлых актов мемориализации и музеефикации?

Самый первый памятник, который был воздвигнут в 1976 г., посвящен «советским гражданам, военнопленным солдатам и офицерам, расстрелянным немецкими оккупантами в Бабьем Яре». В дальнейших попытках каким-то образом закрепить и объективировать трагедию Бабьего Яра советское правительство очень неохотно поднимало тему этнического и национального геноцида: несколько проектов памятника жертвам так и не были реализованы,

а рецепция поэмы Е. Евтушенко встретила обширные дискуссии в среде советских интеллектуалов и политического руководства. Когда в 1961 г. Евтушенко увидел на месте расстрела почти 150 тысяч человек свалку кирпичного завода, в то время как в Волгограде уже два года строили на тот момент самую высокую статую Европы — Родину-мать¹, он был поражен. Его эмоции выражены в самом начале его поэмы «Бабий Яр»: «Над Бабьим Яром памятников нет...»². Почему советская власть, большая часть интеллектуалов и общества демонстрировали именно такую реакцию? Одно из возможных объяснений состоит в том, что Великая Отечественная война — это трагедия всего Отечества, а не отдельных социальных или этнических групп³. Из этой посылки ветвятся все остальные обвинения. В «Литературной газете», главном печатном органе Союза писателей СССР, вышло несколько рецензий, одна из которых за авторством Дмитрия Старикова — литературного вышибалы хрущевской оттепели. Он обвиняет Е. Евтушенко в отступлении от идеалов коммунизма, акцентируя внимание на «<...> пережитках национализма [которые декларирует Е. Евтушенко] — и нельзя возносить на знамя что бы то ни было, кроме пятиконечной красной звезды, особенно “шестиконечную звезду Давида”»⁴.

Все это в значительной степени осложняло коммеморацию трагедии Бабьего Яра, так как большинство людей там были расстреляны не только и не столько за общую Родину-мать, а за ту самую, вполне конкретную «шестиконечную звезду Давида». Однако с момента распада Советского Союза тема космополитизма перестала стоять так остро, и с 1991 года начали появляться памятники, в значительной степени адресованные еврейскому сообществу, а также конкретным группам, пострадавшим в ходе расстрелов. Эти памятники больше не претендовали на гегемонию репрезентации, а наоборот, консолицировали с постсоветской традицией локального и конкретного [Nadkarni, 2003]. Теперь акты коммеморации были сфокусированы на том, чтобы отойти от памятника как общего места памяти⁵, подчеркивая отличия — этнические, религиозные, национальные и политические — всех пострадавших. Так появились кибитка-вардо ромов, православный крест, менора, стела остарбайтерам и даже мемориал расстрелянным душевнобольным.

Возвращаясь к Стене Марины Абрамович, мы видим на первый взгляд реанимацию старой идеи. Это Стена без каких-либо намеков на этническую, религиозную или национальную составляющую. Кроме названия мы не имеем никаких коннотаций, как это было с прошлыми памятниками, мемориальными табличками и камнями. На Стене нет никаких характерных, маркирующих

¹ Об идее советского памятника как вневременной отсылки и самостоятельном социальном инженерере см. [Grant, 2001; Forest, Johnson, 2002].

² Евтушенко Е. Бабий Яр. 2012. URL: <http://www.evtushenko.net/002.html> (дата обращения: 10.10.2021).

³ См. схожие идеи об исторической рецепции Холокоста у [Александр, 2013].

⁴ Полян П. Шестой этаж: перестрелка с антисемитами // Литературная газета. 29.09.2021. URL: <https://lgz.ru/article/39-6802-29-09-2021/shestoy-etazh-perestrelka-s-antisemitami/> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ Важное различие, которое здесь следует понимать: общее место памяти, но не место общей памяти.

знаков: звезд Давида или менор. Нет также никаких поясняющих надписей и инструкций. Это новая переработка наднациональной трагедии, которая теперь лишена буквализма и грез об общем советском горе, свойственным многим памятникам и мемориалам советской эпохи, и принадлежит иудеям на уровне аналогии со Стеной Плача в Иерусалиме. Однако разница обнаруживается в том, что для проведения этой аналогии требуется определенная когнитивная работа — эта аналогия не декларируется напрямую. Поэтому арт-объект в полной мере лишен трактовок как через призму национализма и присваивания горя, так и через оптику размывания его границ.

«Общесь» Стены достигается также необходимой иммерсивностью, отсутствие которой было значительной преградой для коммунитаризма прошлых объектов коммеморации. Со Стеной можно и нужно взаимодействовать, и только с помощью интерактива становится возможным в полной мере означить Стену. Кристаллы образуют 3 горизонтальных ряда и 30 вертикальных. Каждый посетитель Стены прикасается к кристаллам грудью, животом и головой. Из коротких описаний самой М. Абрамович становится понятно, что прикосновение к кристаллам дает возможность прочувствовать *настоящий смысл*: погрузиться в собственные мысли и ощутить случившуюся здесь трагедию через ретранслирующий эффект кристаллов. Отрицать это, разумеется, невозможно, но характерна здесь другая черта Стены — особенное расположение кристаллов. Если каждый кристалл — жизнь, то рядное расположение отсылает к самым ужасающим и прагматичным действиям айнзацгрупп. Людей расстреливали, и в овраг они падали порционно, каждый раз образуя ряд расстрелянных. После определенного количества таких рядов их присыпали землей и все повторялось заново¹. Ряды кристаллов в угольной породе здесь тождественны рядам людей в украинской земле.

Невозможно, правда, игнорировать тот факт, что антрацитовый уголь хоть и связан с Украиной, однако в данный момент символизирует еще один конфликт, менее масштабный, чем расстрел в Бабьем Яре, но не менее важный для самой Украины. Основным месторождением этого минерала является Донецкий угольный бассейн, и жители этой области обладают несколько иными интерпретациями ряда аспектов как Второй мировой войны, так и того, чей же на самом деле этот антрацит².

Андреа Пето. Могут ли слезы скорби исцелить нас?

Увековечение памяти о массовом убийстве, произошедшем в пригороде Киева в 1941 году, — уникальное событие с точки зрения легитимации дискурса о Бабьем Яре. Это связано в первую очередь с тем, что тема Бабьего

¹ Автор нашумевшего исторического романа «Благовоительницы» Джонатан Литтелл приписывает авторство такого способа захоронения — «укладывание сардин» — Фридриху Августу Еккельну, одному из организаторов расстрелов евреев по всей Восточной Европе.

² На открытии памятника президент Украины Владимир Зеленский назвал антрацитовую породу, из которой изготовлена Стена, украинской.

Яра саботировалась советским властями и до недавнего времени властями уже суверенной Украины. Другой примечательной чертой открывшегося мемориала является то, что существует крайне мало памятников Холокосту авторства женщины-художницы, основной инструмент которой — арт-провокация.

И в этот раз подход М. Абрамович к созданию Стены граничит с провокацией. Мы не видим привычных выбитых имен, менор, сломанных книг, пустых фотографий или умирающих переплетенных тел. Нет на ней и спроецированных или встроженных образов отсутствия, обычно символизирующих разрыв истории, с которым ассоциируется сам Холокост. Стена Абрамович открывает собой новую историю коммеморации Холокоста. Но что же делали предыдущие мемориалы?

Они сразу же активизировали в зрителе знание, которое доступно и очевидно: числа, факты, информацию. Эти факты были призваны своей очевидностью убедить зрителя в антигуманности случившегося, в первую очередь с помощью количественного акцента на огромное число жертв. Удивительно, но, как показывают опросы, эта «классическая» информация о Холокосте, полученная на школьных уроках истории, усваивается все хуже, и с каждым поколением фактические знания все более и более стираются, превращая Холокост в далекое и ординарное событие. Никогда еще столько людей не сомневалось в реальности события, которое, в сущности, является одним из определяющих в современной мировой истории.

Именно в этой сложной ситуации Марина Абрамович создала свою Стену, которая делает воспоминание не универсальным и рациональным, а скорее чувственным и духовным, предлагая зрителю возможность взаимодействовать с событием через эфемерные образы. Не случайно так много споров было вокруг Мемориала убитым евреям в Берлине, который впервые открыл новую мемориальную культуру, поскольку он так же, как и «Кристалльная Стена плача», стремился достичь этой индивидуальной трансформации памяти в сенсорном опыте.

Абрамович уже давно работает с кристаллами, этим мистическим, тысячеклетным материалом. Целебная сила кристалла находится не в научной рациональности, а в сверхъестественном ресурсе, действие которого заключается в заживлении скорее душевных ран, нежели телесных. С помощью целебных кристаллов, выступающих из стены, памятник приглашает посетителя попытаться исцелиться изнутри.

Этот новый мемориал Бабьего Яра — мемориал в первую очередь духовный. Его материал — отсылка к Иерусалимской стене, с той разницей, что здесь, в Украине, эта стена была сожжена в почерневшие камни. Здесь нет ничего от славного прошлого, так как нет места даже для белых камней, которыми раньше поминались погибшие. Стена прочно стоит на земле, она не вкопана в землю, потому что художница не хотела нарушать целостность территории, которая спустя 80 лет после массового убийства все еще не полностью изучена на предмет человеческих останков.

Почерневшая Стена плачет. Вместо нас и для нас. Стена становится действующим свидетелем: реагируя на историю, которую она видела и пережила, она не может делать ничего другого, кроме как плакать.

Существует множество исследований структурных, экономических или институциональных причин, которые делают преступника преступником. Эмоции, такие как внутреннее зло или даже подлый оппортунизм, трудно исследовать, и нам видны только их результаты: десятки тысяч убитых в овраге. Когда три президента¹ стояли перед «Кристалльной Стеной плача», они открыли дверь в новую парадигму памяти, основанную на индивидуальной внутренней силе говорить Злу «нет». И это самая важная задача для всех нас сегодня.

Перевод с англ. С. Старцева

Наталья Веселкова. Политика, искусство, память (Это не «Уголь, железо, живые люди»)

«Там, где вы стоите, ребята, был огромный ров. В нем фашисты зарыли не менее десяти тысяч расстрелянных мирных жителей. В память о них поставлен обелиск» [Кочергина, Новикова, 1971: 84], — читаю я для текущего исследования. На рубеже 1960–1970-х в СССР могли написать «о казнях мирного населения» в годы войны, но без упоминания евреев. Название «Змиевская балка» в цитируемом тексте — книге живо написанных очерков про то, как красные следопыты одной ставропольской школы прошли по боевому пути дивизии, освобождавшей их город, — тоже не фигурирует, но если знать, что дело происходит в Ростове-на-Дону, легко понять, о каком рве и каком населении идет речь. Должно быть, современники считывали такие вещи без лишних слов, а вот нам сегодня трудно представить, каким отчаянным шагом было выступление Евтушенко о Бабьем Яре — и само стихотворение, решимость газеты его опубликовать. К 1970-м ситуация теплее не становилась, потому надо отдать должное и директору детской экскурсионно-туристской станции, который рассказал-таки про огромный ров, и авторам, которые включили этот эпизод в описание путешествий юных следопытов.

Потом был новостной сюжет про открытие «Кристалльной Стены плача» в Киеве, где президент ФРГ Ф.-В. Штайнмайер говорит про «эсэсовцев и коллаборационистов» как акторов злодеяний — сразу представилось, как Алейда Ассман берет его слова на перо (они и правда словно напрашиваются, чтобы их препарировали), но на этом хотелось бы политическую составляющую вынести за скобки. Каким бы нечеловеческим такое усилие ни выглядело, вопрос даже не в том, как это сделать, а в том, что останется за вычетом политики? Память — точно нет, искусство — если только потому, что о нем я меньше знаю...

¹ Президенты Украины Владимир Зеленский, Израиля — Ицхак Герцог, Германии — Франк-Вальтер Штайнмайер.

Я не бывала в Бабьем Яру, не прикасалась к Стене, поэтому могу говорить только про медиаобраз произведения Марины Абрамович, притом погруженный во множество контекстов с их встроенными триггерами и семантическими рамками. Вглядываюсь в картинку с жирно блестящим антрацитом, из которого торчат грязноватые зубцы или когти — именно таким, пугающим было мое первое впечатление. Три шага анализа: что я вижу, что чувствую и что думаю — определенно слипаются, отстраненно рассуждать не получается.

С бразильским кварцем ничего не ассоциируется, а вот указание на украинский антрацит напомнило очерки Ларисы Рейснер, где она пишет про угольные шахты Донбасса и Урала 1920-х. Почему-то думала, что там как раз и должно быть про жирный антрацит, но нет. Рейснер пишет про пропахший острым потом воздух забоя, потоки угля и «черную пену плевков»¹ [Рейснер, 1965: 367]. В шахтерских городах и сегодня участники исследований рассказывают про тяжелую работу и гибель в шахтах. Словом, с энергией как-то не складывается. Впрочем, за энергию у М. Абрамович отвечают кристаллы, а в данном случае, вероятно, и за внушительность всей конструкции.

Не могу сказать, что очень хочется прикоснуться к кварцевым зубьям всем корпусом, как задумано художницей. В мире, где карта давно уж по-бодрийеровски предшествует территории², а виртуальные путешествия уравниены в правах с «реальными», суждение об арт-объекте по изображению вполне приемлемо, но я все же не теряю надежды посетить это место вживую и уже там понять, как близко стоит подойти и как именно взаимодействовать с мемориалом.

Роман Абрамов. Кристаллы памяти Марины Абрамович: тоталитарная рациональность и трагическая иррациональность Холокоста

Обращаясь к теме недавно открытого мемориала «Кристалльная Стена плача» в киевском Бабьем Яре, автором которого стала всемирно известная современная художница Марина Абрамович, я осознал, что такое сопротивление материала при исследовании и почему изучение и письмо о трагических и травматических страницах истории — это трудная эмоциональная работа. До этого я имел дело с социальной памятью о позднесоветском прошлом в ракурсе ностальгических коммеморативных практик, и это была комфортная атмосфера «сервантика застоя» [Ушакин, 2020]. В нем политические преследования диссидентов находились в дальнем темном углу, а товарный дефицит

¹ Напоминанием о Л. Рейснер отчасти обязана интересной работе Юлии Подлубновой, с которой она выступала на недавней конференции: *Подлубнова Ю. Урал заводов и рудников в эго-текстах Ларисы Рейснер // «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте»* на базе Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 15–17 сентября 2021 г.

² Идея не утрачивает остроты, ведь недаром в 2010 году Мишель Уэльбек получил Гонкуровскую премию за «Карту и территорию», на мой взгляд, роман-иллюстрацию к тезису французского философа.

смотрелся из реалий капиталистического изобилия современной России как досадная, но по-своему милая примета того времени, когда блат и связи помогали накапливать финский сервелат, майонез и шпроты «к новому году».

Оказалось, что работа с мемориализацией трагических событий, связанных с массовой гибелью невинных людей, — это совсем иной, жесткий, стылый и колючий, как кристалл, материал, к которому так сложно подобрать слова, а умение говорить о таком материале требует адекватного регистра. К тому же тема Холокоста — это еще более трудная работа для исследователя, поскольку об этой трагедии написано так много и так по-разному, что легко затеряться среди уже накопленного знания, эмоций, воспоминаний, травматичных свидетельств.

Моя часть текста, посвященная мемориалу жертв Холокоста в Бабьем Яру, отражает авторскую неуверенность в интерпретациях, тоне и аналитике. Сначала я рассматриваю семантику стены как важного элемента материализации памяти о трагедиях, затем обращаюсь к метафорике кристаллической памяти как пространства хранения воспоминаний и трагической энергетике, проводя параллели с компьютерной памятью, также имеющей кристаллическую форму. Наконец, я рассуждаю о том, как может быть переозначен смысл этой части мемориала в Бабьем Яру под воздействием арт-объекта, созданного мировой звездой современного искусства.

Стены памяти и стены скорби

Так сложилось, что материальные и нематериальные формы памяти о Холокосте стали примером для многих мемориалов и музеев, посвященных трагическим и ужасным событиям, через которые проходили разные народы и страны в течение XX века. Некоторые исследователи даже используют понятие «индустрия Холокоста», говоря о том, что это понятие стало медиатизированным «идеологическим конструктом», производящим «инструментализацию травматического опыта» [Ассман, 2014: 167–168]. Холокост действительно стал «глобальным символом вины и травмы», а способы его мемориализации превратились в образец для институционализации памяти исторических событий [Хлевнюк, 2019: 110], где массовые смерти или убийства, связанные с пытками и мучениями, плотно вплетаются в национальную идентичность. Голодомор, участие в длительных военных конфликтах с неоднозначными целями и многочисленными жертвами (Алжирская война, Вьетнамская война, Афганская война), геноцид армянского населения в Османской империи — это лишь самые известные из них.

Коммеморация памяти о Великой Отечественной войне в советское время и позже предлагала различные формы материализованной памяти погибших или ставших жертвами войны. При этом стены памяти и скорби нередко становились значимой частью мемориалов, хотя почти всегда сочетались с вертикальной доминантой — фигурой Неизвестного солдата, Скорбящей Матери, матери-Родины и др. Иными словами, семиотически стены скорее обрамляли мемориальные композиции, нежели становились главным означающим. При этом, например, Кремлевскую стену с ее функционалом некрополя — места

захоронений советских политиков, космонавтов и других известных людей — трудно причислить к этому формату коммеморации, а Могила неизвестного солдата, в свою очередь, отсылает к традициям воинских мемориалов, которые стали появляться после Первой мировой войны в Арлингтоне, Париже, Лондоне как несколько иная линия мест увековечивания памяти погибших [Ваньке, Полухина, 2014]. Между тем материальность стен скорби, отсылающая к Стене плача, стала важным означающим в мемориалах, посвященных памяти убитых в ходе политических репрессий в 1930–1950-е годы. Здесь уместно вспомнить о двух мемориалах, открытых относительно недавно в Москве — в Бутово (мемориальный комплекс на Бутовском полигоне, основан в 2002 году, открыт 27 сентября 2017 года) и на проспекте Сахарова (мемориал памяти жертв политических репрессий «Стена скорби», открыт 30 октября 2017 года). Центральными элементами этих мемориалов стали стены: в одном случае это гранитные плиты с выгравированными именами 20 762 погибших, образующие трехсотметровую стену памяти, а в другом — тридцатиметровая бронзовая стена с барельефами безымянных жертв репрессий, ставшая частью места памяти. Стена скорби и стена в Саду памяти невольно отсылают к Стене плача, поскольку они посвящены трагическим событиям, память о которых носит и индивидуальный — для потомков репрессированных, — и социальный характер, значимый для коллективного переживания этих страниц истории.

Итак, стена как место скорби и поминания подобных событий и погибших стала распространенной материализованной формой места памяти. В связи с этим вспоминается несколько примеров, которые, конечно, напрямую не ассоциируются со Стеной плача, но тем не менее являются стенами, которые вмещают память о коллективных трагедиях или геноцидах.

Центральным элементом вашингтонского Мемориала ветеранов войны во Вьетнаме (Vietnam Veterans Memorial) является черная гранитная Стена мемориала (или просто «The Wall») длиной 75 метров, на которой выгравированы имена всех погибших или пропавших без вести в период участия США в военных конфликтах в Юго-Восточной Азии с конца 1950-х годов по середину 1970-х годов. Стена сразу стала местом паломничества американцев и служит напоминанием не о героике войны, а о ее итогах — почти бесконечным мартирологом погибших. При этом вокруг вашингтонской стены до сих пор велись и продолжают вестись дискуссии, касающиеся концепции и архитектурного решения мемориала, которые во время его строительства получили название «битва вокруг мемориала» [Berdahl, 1994]. В период создания стены часть ветеранов вьетнамской войны с подозрением отнеслись к ее авторке — молодой американке китайского происхождения Майи Лин (Maya Lin), которую подозревали в симпатиях к северовьетнамскому режиму Хо Ши Мина. Ветераны также разделяли разнообразные сексистские стереотипы, полагая, что женщина не может быть создателем мемориала на военную тему. По сути, минималистичная, утопленная в ландшафт, нарочито горизонтальная стена мемориала говорила антивоенным языком, а поэтому не могла удовлетворить значительную часть американского общества, разделенного в мнениях о недавней войне. Антитезой Стены стала статуя Трех солдат, или Трех служивых,

(The Three Soldiers), установленная напротив стены в 1984 году и состоящая из трех сверхреалистичных фигур солдат вьетнамской войны — белого, афроамериканца и латиноамериканца. Эти фигуры похожи на увеличенные копии пластиковых солдатиков, где крайне важны достоверность и детализация оружия и обмундирования. Еще спустя десять лет неподалеку появился мемориал женщинам — участницам вьетнамской войны (Vietnam Women's Memorial), в котором женщинам отдается традиционная функция заботы — женщины, представляющие расовое разнообразие, являются медсестрами, спасающими раненых солдат [Therault, 2005]. Таким образом, исходная идея вьетнамского мемориала в Вашингтоне — минималистичной стены памяти погибшим в идеологически спорных войнах в Юго-Восточной Азии — начала размываться по мере появления новых элементов комплекса, которые стали компромиссами с разными сообществами памяти: от травматически антивоенных до патриотически консервативных. Сегодня концепция мемориала хотя и подстроена под разные аудитории, но все же теряет свой антивоенный пафос, являясь символом противоречий публичной памяти [Hass, 1998].

Кристаллы памяти: функция хранения и перформативность арт-объекта

Человеческая память избирательна, неполна, способна к искажениям и утратам, замещениям фактов мифами и идеологемами. К тому же память, как коллективная, так и индивидуальная, устроена таким образом, что ей требуется периодическое забывание, стирание, вытеснение травматичных воспоминаний и создание ностальгических образов прошлого. Поэтому человечество искало пути сохранения памяти в «объективированном» виде, в различных формах материальности: от шумерской клинописи на глиняных табличках, пергаментных свитков и книг до современных компьютеризированных систем, которые на поверку оказываются тоже далеко не так надежны. Компьютерные чипы и компьютерная память — это полупроводники, в основе которых кристаллические структуры, обеспечивающие переработку и хранение данных. По разным оценкам срок хранения данных на твердотельных носителях — всем знакомых флешках и SSD (solid-state disk), не превышает 20–25 лет. И только не так давно стали разрабатываться сложноорганизованные кристаллические структуры емкой компьютерной памяти, способные не только накапливать огромные массивы знаний, но и хранить данные в своей памяти без искажений на протяжении столетий. Таким образом, кристаллы работают надежными, хотя и герметичными, вместителями памяти.

Конечно, в проекте Марины Абрамович «Кристалльная Стена плача» кристаллы антрацита и бразильского кварца хотя и воплощают собой емкости травматичной памяти об убийстве более семидесяти тысяч евреев¹ во время немецкой оккупации Киева, но предназначение Стены заключается не в производстве и хранении знания, а в ощущении сопричастности к «темной

¹ Всего в районе Бабьего Яра за годы войны было убито более 200 тыс. человек, включая советских военнопленных, цыган и представителей других групп населения.

энергетике» места страданий, боли и смерти. По сути Абрамович предложила собственную версию активизации культурной памяти, которая не является «пассивной накопительной памятью», но создает «идентификационные и партиципативные структуры, позволяющие осуществлять индивидуальное и коллективное освоение истории» [Ассман, 2017: 236].

Геометрически совершенная форма кристаллов восхищает и завораживает своей рациональностью, заставляя предполагать, что эта рациональность кристаллической структуры является не результатом работы физических законов, но имеет скрытый смысл. Отсюда антропологически объяснимая эмоциональная притягательность кристаллов, о которой говорит и Марина Абрамович, обозначая ее «энергетической памятью земли», встреча с которой позволит памяти «отмотать себя обратно». Композиция «Кристалльной Стены плача» выстроена на иммерсивном погружении в темное прошлое земли, на которой произошла ужасная трагедия, и острые наконечники полупрозрачного кварца становятся портами в печальную черноту антрацита. При этом Бабий Яр — это рыхлая глинистая почва оврага, размываемая дождями и паводками, готовая к превращению в не-место, к растворению, если бы не человеческая память и те, кто помог вернуть из частного контекста в общественный.

В целом с момента, когда известный режиссер, автор провокативного кинопроекта «Дау» Илья Хржановский стал художественным руководителем мемориального центра Холокоста «Бабий Яр», не утихают споры относительно того, каким образом должна быть развернута память об ужасающих событиях на этом месте в виде музейной экспозиции и соответствующего ей арт-сопровождения. Существуют опасения, что излишняя «креативность» в организации мемориала неуместна и может привести к появлению «мрачного аттракциона» в месте печальных событий, а само пространство превратится в объект «темного туризма» (“dark tourism”) [Reynolds, 2018], когда целью визита является не эмоциональное приобщение к памяти о трагедии и не получение нового исторического знания, но своего рода включение в арт-эксперимент, где художественная концепция затмевает историю и память о печальном и травматическом прошлом. Кажется, история с «Кристалльной Стеной плача» Марины Абрамович ставит новые вопросы к концепции развития мемориала.

Во-первых, никто не сомневается, что Марина Абрамович — мировая звезда современного искусства и любое ее участие в том или ином событии (выставке, биеннале или фестивале) сразу делает его привлекательным для экспертов, медиа и аудитории, вовлеченной в актуальный художественный контекст. Однако не затмевает ли звездный статус глобальной арт-селебрити понимание и смысл того, вокруг чего разворачивается активность художника? Это вопрос, касающийся роли мест памяти о трагедиях и местах массовых убийств в коллективной памяти, а также того, каким образом происходит их медиатизация и коммеморативное позиционирование.

Во-вторых, кристаллическое воплощение памяти в этой части мемориала, безусловно, притягательно для визитеров само по себе. Эзотерические и нью-эйджевые интерпретации кристаллов как энергетических накопителей может и вовсе привести к переозначиванию этой части мемориала, который

имеет риск обрести странную популярность среди тех, кто увидит в нем прежде всего оригинальный арт-объект модной художницы или даже источник «магической энергии», подобно тому, как съезжаются в «аномальные зоны» любители паранормальных явлений. К тому же, согласно концепции мемориала, предполагается телесный контакт с кристаллической структурой стены, что усиливает «нацеленность на чувственную работу с прошлым, призыв к обмену опытом и эмоциями в дополнение к рациональному познанию» [Рождественская, 2017]. Однако есть вероятность того, что такая вещно-телесная перформативность уведет «народную» интерпретацию смысла объекта совсем в иную сторону, а сам мемориал станет «коммерциализироваться и эксплуатироваться в туристических целях» [Schaller, 2007], производя логику «геноцид-туризма».

Конечно, «Кристалльная Стена плача» — это только часть большого музейного и информационного комплекса, посвященного трагедии Бабьего Яра и, естественно, она будет концептуально встроена в его структуру как часть большой экспозиции, что снизит вероятность альтернативных прочтений символики объекта. В этом отношении работа Марины Абрамович направлена на то, чтобы избежать «тривиализации» памяти [Ассман, 2014: 270], когда она становится клише, не вызывающим споров, но и не вызывающим эмоций, а также на то, чтобы память не становилась на «холостой ход», при котором медийная эксплуатация тех или иных тем ведет к их рутинизации и даже выхолащиванию [Ассман, 2014: 269]. Неожиданность, эстетическая неоднозначность и особая форма материальности произведения Абрамович дает шанс на то, что память о Бабьем Яре избежит этих тенденций рассеивания эмоционально насыщенного знания о трагедии и будет выполнять «задачу эмоциональной идентификации — с погибшим, с его родственниками, со свидетелями — реальными или потенциальными» [Ушакин, 2009: 7].

Оксана Запорожец. Стена в городе? Пространственные и символические координаты «Кристалльной Стены плача» Марины Абрамович

Пандемия, в очередной раз закрывшая множество границ и отменившая поездки, делает оправданным разговор о новой работе Марины Абрамович издалека. Разглядывая виртуальную карту Киева и вспоминая свои немногочисленные поездки в этот город, я попыталась понять, как созданная художницей «Кристалльная Стена плача» — 40-метровый мемориальный арт-объект из черного антрацита и светлых кристаллов, — воздвигнутая в Бабьем Яре на месте массовых расстрелов евреев в 1941 году, встроилась в городские и иные пространственные координаты.

Пространства памяти современного Киева многочисленны и многообразны, как множественны сами нарративы памяти и стоящие за ними институты и сообщества, чьи отношения не всегда бесконфликтны. Державный монумент Родины-матери, окруженный подчеркивающим его

значимость пространством, сочетается с гораздо более соразмерными человеку знаками памяти, такими как небольшие написанные от руки воззвания защитников Майдана, или надгробные плиты героев Небесной сотни¹, которые кажутся перенесенными с обычных кладбищ в центр города, впечатляя своей пронзительной приватностью в публичном пространстве мегаполиса. Человекосоразмерность памятных знаков, их включенность в городскую ткань и городские маршруты составляет для меня особенность Киева — города, в котором сильна вернакулярная память [Запорожец, Колесник, 2019], где люди помнят о людях и событиях, а память тесно вплетена в пространство.

Благодаря современной геолокации мы можем с точностью определить положение «Кристалльной Стены» в пространстве Киева. Однако открытая 6 октября 2021 года (менее месяца к моменту написания статьи) Стена гораздо плотнее включена в символические координаты местных и международных медиа, чем в пространственные координаты города. Стена сегодня — это скорее медиасобытие, чем городской объект. Фотографии и описания Стены, размещенные онлайн, деконтекстуализируют ее, вырывая из городского окружения. В медийных сообщениях она гораздо чаще соотносится с творчеством или жизнью своей создательницы, Марины Абрамович, чем с пространством Киева, конкретным местом или горожанами². Онлайн-поиск позволяет реконтекстуализировать Стену и обнаружить, что она находится в парке на периферии Киева, по соседству с телевизионным центром³, больницами и жилым районом, а также является частью постепенно формирующегося комплекса мемориальных объектов⁴, в который, помимо Стены, входят менее медийно представленные, но не менее впечатляющие инсталляции «Зеркальное поле»⁵ и монокуляр «Взгляд в прошлое»⁶, открывшиеся годом ранее. Сфокусированность местных и международных медиа на Стене повышает ее ценность и одновременно обесценивает, оставляя без внимания мемориальные объекты, которые находятся рядом со Стеной, но не связаны с именем звездного автора, а также прилегающим городским районом и городом в целом.

¹ Небесная сотня — люди, погибшие во время акций протеста в декабре 2013 — феврале 2014 года в Украине.

² См., например: В Бабыем Яру открыли арт-объект Марины Абрамович «Кристалльная Стена плача» // Strelka Mag. 08.10.2021. URL: <https://strelkamag.com/ru/news/v-babem-yaru-poyavilas-kristalnaya-stena-placha-mariny-abramovich> (дата обращения: 09.10.2021).

³ Взгляд в прошлое. Мемориальный центр «Бабий Яр» откроет в Киеве новую инсталляцию // Интерфакс-Украина. 18.12.2020. URL: <https://interfax.com.ua/news/press-release/710964.html> (дата обращения: 09.10.2021).

⁴ Сайт Фонда и Мемориального центра Холокоста «Бабий Яр». URL: <https://babynyar.org/ru/> (дата обращения: 07.10.2021).

⁵ Сотников И. Поминальные песни, деревья жизни и следы от пуль: чем впечатляет и пугает «Зеркальное поле» в Бабыем Яру // VGorode. 20.09.2020. URL: https://kiev.vgorode.ua/news/dosuh_y_eda/a1133924-samyj-neobychnyj-pamjatnik-kieva-chem-vpechatljaet-i-puhaet-zerkalnoe-pole-v-babem-jaru (дата обращения: 09.10.2021).

⁶ Взгляд в прошлое. Мемориальный центр «Бабий Яр» откроет в Киеве новую инсталляцию // Интерфакс-Украина. 18.12.2020. URL: <https://interfax.com.ua/news/press-release/710964.html> (дата обращения: 09.10.2021).

«Кристалльная Стена плача» может быть помещена во множество пространственных координат. Марина Абрамович и медиа тщательно конструируют масштабную географию Стены и ее роль как глобального символа. Художница подчеркивает, что «Кристалльная Стена» задумывалась ею как символическое продолжение иерусалимской Стены плача¹ — иудаистской святыни и места паломничества евреев со всего мира. Такая аналогия автоматически помещает киевскую Стену в ряд культовых международных объектов и дает ей возможность состояться как место паломничества в постпандемийном мире. Медиа включают «Кристалльную Стену» в глобальные потоки движения людей, материалов, идей и символов. Упоминается, что она создавалась с участием международного капитала. Неоднократно повторяется информация, что в ее строительстве использовались иностранные материалы, включая кристаллы, добытые в Бразилии. Отмечается, что Абрамович приехала из Нью-Йорка, чтобы лично курировать ее возведение. Таким образом, Стена становится знаком включенности в процессы за пределами Украины и Киева, расширяется «география причастности».

Включение «Кристалльной Стены» в масштабные системы координат вызывает как одобрение, так и критику. Критика связана с самой Стеной и мемориальным комплексом, частью которого она является, включая привлечение для его строительства капитала российского предпринимателя². Еще одним объектом критики становится поиск командой, ответственной за развитие мемориального комплекса Бабий Яр, нового языка, который позволил бы привлечь внимание новых аудиторий. Команда упрекается в создании этически неприемлемого способа репрезентации событий — «Диснейленда на костях»³.

«Кристалльная Стена плача» не только включена в широкую систему координат и избирательные международные связи (с Бразилией и Иерусалимом, но не с Россией), но и предельно локальна, существуя в конкретном городском пространстве. Открывшаяся несколько недель назад, она еще не успела обрасти собственными ритуалами. Сегодня ее посетители пытаются следовать размещенным рядом со Стеной авторским инструкциям, которые отчасти имитируют правила поведения у Стены плача в Иерусалиме, предписывая «прислониться головой, сердцем и животом к кристаллам, сформулировать вопрос и поразмышлять над ним»⁴. Однако опыта обращения с арт-объектом,

¹ Chornokondratenko M. Artist Marina Abramovic's 'Crystal Wall of Crying' Commemorates Jews killed in Babyn Yar Massacre // Reuters. 07.10.2021. URL: <https://www.reuters.com/world/europe/artist-marina-abramovics-crystal-wall-crying-commemorates-jews-killed-babyn-yar-2021-10-06/> (дата обращения: 03.10.2021).

² Там же.

³ Rozovsky L. Marina Abramovic Has Healed From Her Own Art, Now She's Healing Visitors to Babi Yar // Haaretz. 21.10.2021. URL: <https://www.haaretz.com/life/premium.MAGAZINE-marina-abramovic-has-healed-from-her-own-art-now-she-s-healing-visitors-to-babi-yar-1.10311958> (дата обращения: 15.08.2021); См. также: Барановская М., Власенко В. Мемориал «Бабий Яр»: за что историк критикует проект Хржановского // Deutsche Welle. 04.06.2020. URL: <https://www.dw.com/ru/мемориал-бабий-яр-за-что-историк-критикует-проект-хржановского/a-53650552> (дата обращения: 03.10.2021).

⁴ Черничко А. В Бабьем Яру открыли «Кристалльную Стену плача» Марины Абрамович // Bird in Flight. 06.10.2021. URL: <https://birdinflight.com/ru/novosti/20211006-babyn-yar-abramovich-installation.html> (дата обращения: 09.10.2021).

предусмотренного Мариной Абрамович, уже недостаточно. Описывая свое взаимодействие со Стеной, одна из посетительниц отмечает: «[Стоя возле нее] я пыталась сконцентрироваться, но все, что я чувствовала — это упирающийся мне в лоб кристалл и падающие на меня капли воды»¹. Подобные отзывы делают актуальным вопрос: создадут ли посетители собственные способы взаимодействия со Стеной, которые породят ее не только с иерусалимским сакральным пространством, но и с множеством других, гораздо менее известных городских стен, ставших стихийными «народными мемориалами» [Doss, 2008] в Киеве и по всему миру? Народные мемориалы создаются самими горожанами и представляют спонтанную реакцию на трагические события и утраты, это пространства городской вернакулярной памяти. К ним несут цветы и другие доказательства любви и памяти, у них оставляют записки и рисуют граффити. Подобные стены и прилегающие к ним пространства становятся местами производства городских солидарностей и действующими территориями городской коммеморации. Именно традиции создания и поддержания народных мемориалов, на мой взгляд, сильны в сегодняшнем Киеве. Насколько имеющийся у горожан опыт окажется совместимым с глобальной эстетикой и мягкой директивностью Стены, превратится ли она из арт-объекта в место памяти — остается непонятным. Также непонятно и то, какое место Стена займет в эклектичном мемориальном ландшафте города и более масштабных координатах памяти.

Находясь за сотни километров от Киева и «Кристалльной Стены плача», реконструируя ситуацию с помощью местных и международных медиа, осторожно предположу, что сейчас Стена гораздо сильнее дискурсивно встраивается в масштабные географические и смысловые координаты, выходящие за пределы города и конкретного места. Конечно, ей всего несколько недель, и она только осваивается горожанами. И все же Стена ауратична [Беньямин, 2000] — ее смысл во многом определяется и усиливается трагедией места, в котором она находится.

Репрезентация ее настораживает — Стена сильнее связана с внешними процессами, чем с внутренними, и фактически находится в городе, но символически располагается вне его. Радикальной версией развития ситуации может стать «эффект Бильбао» — отчуждение международными культурными институциями, звездными архитекторами, художниками и другими проводниками глобальной эстетики части городского пространства [Колхас, 2015; Ghertner, 2015; Оже, 2017], приводящее к утрате интереса горожан и избеганию ими определенных городских пространств. Не менее действенным может оказаться и другой сценарий, основанный на всепобеждающей силе городской повседневности, на способности горожан осваивать, использовать и менять места, давая им новые имена, придумывая собственные ритуалы или оставляя в них знаки признания и памяти, и тем

¹ Rozovsky L. Marina Abramovic Has Healed From Her Own Art, Now She's Healing Visitors to Babi Yar // Haaretz. 21.10.2021. URL: <https://www.haaretz.com/life/.premium.MAGAZINE-marina-abramovic-has-healed-from-her-own-art-now-she-s-healing-visitors-to-babi-yar-1.10311958> (дата обращения: 17.08.2021);

самым соединять их с другими городскими пространствами памяти, вписывать их в свою жизнь и жизнь города. На интерес посетителей включение Стены в городские маршруты надеется и Марина Абрамович, отмечая, что «“Кристалльная Стена плача” <...> может жить только тогда, когда к ней обращаются ежедневно»¹.

Литература

- Александр Дж. Смыслы социальной жизни. Культурсоциология. М.: Праксис, 2013.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 122–152.
- Ваньке А. В., Полухина Е. В. Вечный огонь в Александровском саду как публичное место памяти // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2014. Т. 6. № 8. С. 36–51.
- Запорожец О. Н., Колесник А. С. Долгая жизнь мест Цоя: география памяти // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2019. Т. 11. № 2. С. 70–102. DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-70-102>
- Колхас Р. Мусорное пространство. М.: Арт Гид, 2015.
- Кочергина Л. Д., Новикова И. Боевыми дорогами отцов [Опыт работы 5-й сред. школы г. Ставрополя]. Ставрополь: Кн. изд-во, 1971.
- Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипер-модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Рейснер Л. Уголь, железо и живые люди. М.: Художественная литература, 1965.
- Рожественская Е. Репрезентация культурной травмы: музеефикация холокоста // *Логос*. 2017. Т. 120. № 5. С. 87–114. DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-5-87-111>
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать»? О травме, памяти и сообществах // *Травма: пункты / Под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной*. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5–45.
- Ушакин С. Сервантики застоя: о красоте и пользе советского вещизма // *Это было навсегда*. М.: Государственная Третьяковская галерея, 2020. С. 75–89.
- Хлевнюк Д. О. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // *Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / Под ред. А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 106–122.
- Berdahl D. Voices at the Wall: Discourses of Self, History and National Identity at the Vietnam Veterans Memorial // *History and Memory*. 1994. Vol. 2. № 6. P. 88–124.
- Doss E. The Emotional Life of Contemporary Public Memorials: Towards a Theory of Temporary Memorials. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2008. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789089640185>
- Forest B., Johnson J. Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow // *Annals of the Association of American Geographers*. 2002. Vol. 92. № 3. P. 524–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00303>
- Ghertner D. A. Rule by Aesthetics. World-Class City Making in Delhi. New York: Oxford University Press, 2015. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199385560.001.0001>

¹ Черничко А. В Бабьем Яру открыли «Кристалльную Стену плача» Марины Абрамович // *Bird in Glight*. 06.10.2021. URL: <https://birdinflight.com/ru/novosti/20211006-babyn-yar-abramovych-installation.html> (дата обращения: 09.10.2021).

Grant B. New Moscow Monuments, or States of Innocence // *American Ethnologist*. 2001. Vol. 28. № 2. P. 332–362. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.2.332>

Hass K. A. Carried to the Wall: American Memory and the Vietnam Veterans Memorial. Berkeley: University of California Press, 1998. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520920705>

Nadkarni M. The Death of Socialism and the Afterlife of Its Monuments: Making and Marketing the Past in Budapest's Statue Park Museum // *Contested Pasts: The Politics of Memory* / Ed. by K. Hodgkin, S. Radstone. London: Routledge, 2003. P. 195–210. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203391471>

Reynolds D. P. Postcards from Auschwitz Holocaust Tourism and the Meaning of Remembrance. New York: New York University Press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvfb6z8d>

Schaller D. J. From the Editors: Genocide Tourism — Educational Value or Voyeurism? // *Journal of Genocide Research*. 2007. Vol. 9. № 4. P. 513–515. DOI: <https://doi.org/10.1080/14623520701643210>

Therault K. Go Away Little Girl: Gender, Race, and Controversy in the Vietnam Veterans Memorial // *Prospects*. 2005. Vol. 29. P. 595–617. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0361233300001873>

Сведения об авторах:

Старцев Сергей Вячеславович — стажер-исследователь Международной лаборатории исследований социальной интеграции, аналитик Центра внутреннего мониторинга, приглашенный преподаватель кафедры экономической социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** sstartsev@hse.ru. **ORCID ID:** [0000-0001-8152-1817](https://orcid.org/0000-0001-8152-1817).

Пето Андреа — доктор наук, профессор кафедры гендерных исследований, Центрально-Европейский университет, Вена, Австрия. **E-mail:** petoa@ceu.edu. **ORCID ID:** [0000-0002-7525-2582](https://orcid.org/0000-0002-7525-2582); **ResearcherID:** [AAE-9297-2021](https://orcid.org/AAE-9297-2021).

Веселкова Наталья Вадимовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. **E-mail:** n.v.veselkova@urfu.ru. **РИНЦ Author ID:** [287754](https://elibrary.ru/287754); **ORCID ID:** [0000-0002-0855-8901](https://orcid.org/0000-0002-0855-8901); **ResearcherID:** [T-3009-2017](https://orcid.org/T-3009-2017).

Абрамов Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор кафедры анализа социальных институтов, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** rabramov@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [127074](https://elibrary.ru/127074); **ORCID ID:** [0000-0002-4967-1169](https://orcid.org/0000-0002-4967-1169); **ResearcherID:** [H-4728-2015](https://orcid.org/H-4728-2015).

Запорожец Оксана Николаевна — кандидат социологических наук, доцент факультета городского и регионального развития, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. **E-mail:** ozaporozhets@hse.ru. **РИНЦ Author ID:** [818006](https://elibrary.ru/818006); **ORCID ID:** [0000-0001-7301-0128](https://orcid.org/0000-0001-7301-0128); **ResearcherID:** [I-2701-2015](https://orcid.org/I-2701-2015).

Статья поступила в редакцию: 17.09.2021
Принята к публикации: 03.12.2021

Marina Abramovich's Crystal Wailing Wall: A Panel Discussion

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.5

Sergey V. Startsev

HSE University, Moscow, Russia
E-mail: sstartsev@hse.ru

Andrea Peto

Central European University, Vienna, Austria
E-mail: petoa@ceu.edu

Natalia V. Veselkova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
E-mail: n.v.veselkova@urfu.ru

Roman N. Abramov

HSE University, Moscow, Russia
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: rabramov@hse.ru

Oksana N. Zaporozhets

HSE University, Moscow, Russia
E-mail: ozaporozhets@hse.ru

The discussion focuses on the recently opened “Crystal Wailing Wall” at the Babi Yar memorial complex, an art object created by the famous artist Marina Abramovich. The authors from different analytical positions and from different fields demonstrate the rich interpretative resource of the Wall. Describing various aspects of the composition, the participants of the discussion draw attention to the difficulties associated with both the discussion of the Holocaust and forms of its commemorative representation.

Keywords: visual sociology; Babi Yar; analytical discussion

References

- Alexander J. (2013) *Smysly social'noy jizhny: kultursociologia* [The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology]. Moscow: Praxis. (In Russ.)
- Assman A. (2014) *Dlinnay ten' proshlogo: memorialnaya cultura i istoricheskaya polotika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Assman A. (2017) *Rasspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the Connection of Time Broken Down? The Rise and Fall of the Modern Temporal Regime]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Auge M. (2017) *Ne-mesta. Vvedenie v antropologiu giper-moderna* [Non-Places: An Introduction to Supermodernity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
- Benjamin V. (2000) *Proizvedenie iskusstva v epohu ego technicheskoyi vosproizvodimosti* [The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility]. *Ozarenie* [Insights]. Moscow: Martys. P. 122–152. (In Russ.)
- Berdahl D. (1994) *Voices at the Wall: Discourses of Self, History and National Identity at the Vietnam Veterans Memorial*. *History and Memory*. Vol. 2. No. 6. P. 88–124.
- Doss E. (2008) *The Emotional Life of Contemporary Public Memorials: Towards a Theory of Temporary Memorials*. Amsterdam: Amsterdam University Press. DOI: <https://doi.org/10.5117/9789089640185>

Forest B., Johnson J. (2002) Unraveling the Threads of History: Soviet-Era Monuments and Post-Soviet National Identity in Moscow. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 92. No. 3. P. 524–547. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8306.00303>

Ghertner D. A. (2015) *Rule by Aesthetics. World-Class City Making in Delhi*. New York: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199385560.001.0001>

Grant B. (2001) New Moscow Monuments, or States of Innocence. *American Ethnologist*. Vol. 28. No. 2. P. 332–362. DOI: <https://doi.org/10.1525/ae.2001.28.2.332>

Hass K. A. (1998) *Carried to the Wall: American Memory and the Vietnam Veterans Memorial*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520920705>

Khlevnyk D. (2019) Pochyvstvovat' prava cheloveka: affect v muzeyzh pamyati [Feeling Human Rights: Affect in Museums of Memory]. In: Zavadski A., Sklez V., Suverina K. (eds.) *Politika affekta: muzey kak prostranstvo publichnoy istorii* [The Politics of Affect: The Museum as a Space for Public History]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 106–122. (In Russ.)

Kochergina L., Novikova I. (1971) *Boevimi dorogami otctov: opyt raboty 5-i srednit skoly g. Stavropoliya* [The Roads of Fathers in Battle: Experience of Stavropol Secondary School No. 5]. Stavropol: Kn. izd-vo. (In Russ.)

Kolhas R. (2015) *Musornoe prostranstvo* [Junk Space]. Moscow: Art Gid. (In Russ.)

Nadkarni M. (2003) The Death of Socialism and the Afterlife of its Monuments: Making and Marketing the Past in Budapest's Statue Park Museum. In: Hodgkin K., Radstone S. (eds.) *Contested Pasts: The Politics of Memory*. London: Routledge. P. 195–210. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203391471>

Reisner L. (1965) *Ugol', zhelezo i zhivie ludi* [Coal, Iron and Living People]. Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russ.)

Reynolds D. P. (2018) *Postcards from Auschwitz Holocaust Tourism and the Meaning of Remembrance*. New York: New York University Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctvfb6z8d>

Rozhdestvenskaya E. (2017) Rezentatsia kul'turnoy travmi: muzeeficatsia Holokosta [The Representation of Cultural Trauma: The Museification of the Holocaust]. *Logos*. Vol. 120. No. 5. P. 87–114. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2017-5-87-111>

Schaller D. J. (2007) From the Editors: Genocide Tourism — Educational Value or Voyeurism? *Journal of Genocide Research*. Vol. 9. No. 4. P. 513–515. DOI: <https://doi.org/10.1080/14623520701643210>

Therault K. (2005) Go Away Little Girl: Gender, Race, and Controversy in the Vietnam Veterans Memorial. *Prospects*. Vol. 29. P. 595–617. DOI: <https://doi.org/10.1017/s0361233300001873>

Ushakin S. (2009) «Nam etoi bol'u dyshat'»? O travme, pamiati i soobshestvah [Do We Breathe This Pain? About Trauma, Memory and Communities]. In: Ushakin S., Trubina E. (eds.) *Travma: punkty* [Trauma: Points]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. P. 5–45. (In Russ.)

Ushakin S. (2020) Servantiki zastoya: o krasote i polize sovetского veshizma [Servant of the Stagnation: About the Beauty and Usefulness of Soviet Stuff]. *Eto bylo navsegda* [It Was Forever]. Moscow: Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. P. 75–89. (In Russ.)

Vanke A. V., Polukhina E. V. (2014) Vechniy ogon' v Alexandrovskom sadu kak publichnoe mesto pamyati [The Eternal Flame in the Alexander Garden as a Public Place of Memory]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 6. No. 8. P. 36–51. (In Russ.)

Zaporozhets O. N., Kolesniy A. S. (2019) Dolgaya zhizn' mest Tsoya: geografia pamyati [A Long Life of Tsoi Places: Geography of Memory]. *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovaniy* [Laboratorium: Russian Review of Social Research]. Vol. 11. No. 2. P. 70–102. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25285/2078-1938-2019-11-2-70-102>

Author bio:

Sergey V. Startsev — Trainee Researcher, International Laboratory for Social Integration Research; Analyst, Centre for Institutional Research; Visiting Lecturer, Department of Economic Sociology, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** sstartsev@hse.ru. **ORCID ID:** 0000-0001-8152-1817.

Andrea Peto — Doctor of Science, Professor, Department of Gender Studies, Central European University, Vienna, Austria. **E-mail:** petoa@ceu.edu. **ORCID ID:** 0000-0002-7525-2582; **ResearcherID:** AAE-9297-2021.

Natalia V. Veselkova — Candidate of Sociology, Associate Professor, Department of Applied Sociology, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia. **E-mail:** n.v.veselkova@urfu.ru. **RSCI Author ID:** 287754; **ORCID ID:** 0000-0002-0855-8901; **ResearcherID:** T-3009-2017.

Roman N. Abramov — Doctor of Sociology, Professor, Department for Social Institutions Analysis; Leading Researcher, International Laboratory for Social Integration Research, HSE University, Moscow, Russia; Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** rabramov@hse.ru. **RSCI Author ID:** 127074; **ORCID ID:** 0000-0002-4967-1169; **ResearcherID:** H-4728-2015.

Oksana N. Zaporozhets — Candidate of Sociology, Associate Professor, Faculty of Urban and Regional Development, HSE University, Moscow, Russia. **E-mail:** ozaporozhets@hse.ru. **RSCI Author ID:** 818006; **ORCID ID:** 0000-0001-7301-0128; **ResearcherID:** I-2701-2015.

Received: 17.09.2021
Accepted: 03.12.2021

ИНТЕР-энциклопедия качественных методов

ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью

DOI: [10.19181/inter.2021.13.4.6](https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.6)

Ссылка для цитирования:

Климов И. А. ИНТЕР-энциклопедия: когнитивное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2021. Т. 13. № 4. С. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.6>

For citation:

Klimov I. A. (2021) INTER-Encyclopedia: Cognitive Interview. *Interaction. Interview. Interpretation*. Vol. 13. No. 4. P. 114–127. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2021.13.4.6>

Климов Иван Александрович

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: iklimov@hse.ru

Когнитивное интервью помогает вернуть исходный смысл пилотажу в социологическом исследовании. Когнитивные процессы в интервью стартуют с интерпретации вопроса и составляющих его терминов, включают этап формирования мнения и выработки суждения о нем и завершается редактированием ответа. Задачи когнитивного интервью — исследовать понятия, слова и концепты обыденного языка; вытаскивать смыслы, ассоциации и эмоции, связанные с предметом исследования; обнаруживать барьеры, блокирующие изложение респондентом своей позиции; оценивать уверенность в своем мнении, а также готовность корректировать свою точку зрения; формировать свое понимание «обыденной теории» изучаемого феномена и т.д. Под каждую задачу можно выстраивать оригинальную стратегию когнитивного интервью, но важно понимать, что изучаем, каким должен быть результат и что с ним команда исследователей будет делать.

Ключевые слова: когнитивное интервью; коммуникация с респондентом

Заданный вопрос всегда живет своей жизнью. Полицейский и врач, психотерапевт и адвокат, пикапер и телефонный мошенник опытным путем постигают эту практику. Они немедленно видят эффект от своих вопросов, и это позволяет им собирать и пересобирать успешные паттерны общения в наиболее распространенных ситуациях. Социологу есть чему у них

поучиться. Исследователь очень редко получает быструю и непосредственную реакцию от своих собеседников. Все это «богатство» остается у анкетеров и интервьюеров.

Однако у социолога есть и принципиальное преимущество. В любом первом попавшемся учебнике по методологии исследований содержится требование провести пилотаж анкеты. Но часто ли мы сами запускаем исследования, отработав этот этап? Как правило, нет, мы «проскакиваем» его. Причина кроется не столько в том, что у нас нет времени или бюджетов на эту процедуру, сколько в сомнениях о ее практической полезности. Вернуть исходный смысл пилотажу помогает социологическое любопытство и... правильно сформулированный вопрос: а какой результат от этого действия мы хотим получить?

От вопроса до ответа путь не близкий

— Закончите, пожалуйста, предложение: «Я думаю, что типичный британец — это прежде всего...»

— Завидный жених¹.

К кому россияне относятся лучше: к «главе римско-католической церкви» или же к «папе римскому»? Как отвечает на вопрос «Есть ли в вашей семье дети?» Восемнадцатилетняя девушка? От чего зависит размер дохода, который указывают респонденты в анкете исследования?

Большинство социологических данных имеют коммуникативную природу. Любой вопрос — это как файл *exe*, который запускает определенные когнитивные процессы. В них стоит немного разобраться, когда мы садимся формулировать вопросы анкеты или анализировать уже собранные данные². Первым делом собеседник *интерпретирует вопрос*. Человек реагирует на смысловые доминанты, расшифровывает понятия и термины, у него вспыхивают ассоциации, которые заполняют семиотический вакуум малознакомых слов. Классический пример, когда на просьбу объяснить смысл слова «суверенитет» отвечают: «вера в бога».

Затем начинается этап *формирования мнения*. И здесь возникает важная развилка — если мнение уже готово, оно было когда-то сформировано, тогда запускается процесс «вспоминания» (тоже не всегда проходящий гладко и по одной уже апробированной схеме и очень сильно зависит, о чем этот вопрос — о фактах, о поведении, об установках и проч.). Или же мнение появляется ровно в тот момент, когда от человека ждут ответа. В этом случае набор когнитивных операций сложнее. Сперва открывается доступ к «релевантной информации» (причем основания и мера релевантности будут соответствовать собственным критериям и правилам оценки). Далее возникает решение, как и какую часть этой информации использовать (не все релевантные темы

¹ [Так говорил респондент, 2006а: 54].

² См. подробнее [Садмен и др., 2003]. Глава 3.

оказываются «достойными» быть отобранными). После этого наступает момент выработки суждения, когда человек сам себе отвечает на проинтерпретированный ранее вопрос.

Но это лишь *суждение*, а не ответ. Оно должно быть *отформатировано*, то есть переведено в такой вид, чтобы а) отвечало вопросному заданию, б) укладывалось в варианты ответа или соответствовало шкале и в) сохраняло связь с суждением. Однако и это еще не все. Дальше происходит *редактирование ответа*. И вот здесь уже появляются широко известные факторы: эффект интервьюера (не хочу обидеть / он мне нравится / раздражает / сейчас я позабавлюсь), эффект контекста («Путин интересуется, слежу ли я за новостями в стране»), сензитивность темы («Давайте я о сексе вам расскажу, а не о том, сколько и как зарабатываю»), самопрезентация и желание одобрения, представления о цели исследования — и многие другие.

Описанная логика когнитивных задач, которые решает собеседник-респондент, более-менее универсальна. Однако последовательность решения задач может меняться, предшествующие ответы начинают влиять на подготовку последующих (например, увеличивая когнитивную доступность информации), или по мере разговора у респондента «вдруг» меняется (или «проясняется») представление о целях исследования, что может привести как к большему усердию, так и к испугу, раздражению и даже к обмороку.

Такой вульгарно короткий рассказ о когнитивных задачах респондента нужен, в общем-то, только для постановки задачи. Пилотаж анкеты — это не проверка качества вопроса или исполнения анкеты целиком. Это способ понять, как будут проходить тысячи диалогов по вашей анкете, как ваши интервьюеры и респонденты будут решать те коммуникативные задачи, которые вы спроектировали в тишине кабинета или в шуме бурсы.

Есть подход, позволяющий достаточно быстро и экономно решить значительную часть задач этапа «пилотирования» опросного инструмента. Это когнитивное интервью (КИ).

Когнитивное интервью: это что и зачем?

— Как Вы понимаете слово «консерватизм»? Что, по Вашему мнению, оно означает?

— Мне кажется, что это нехорошее слово. Душегубы они¹.

В литературе можно встретить похожие объяснения того, что такое КИ. Однако в них подчеркиваются разные задачи, для решения которых используется этот метод. П. Битти и Г. Уиллис говорят о соответствии ответа заданному вопросу [Beatty, Willis, 2007]. С. Садмен и Н. Брэдберн видят его роль в выявлении мыслительных процессов, которые активизируются при восприятии вопроса и ответе на него [Садмен и др., 2003]. Д. Рогозин рассматривает его не только как способ понимать процессы, управляющие ответами

¹ [Так говорил респондент, 2006b: 72].

респондентов, но и как инструмент анализа семантического соответствия вопросов изучаемому предмету [Рогозин, 2002].

Все это — функциональные определения, фиксирующие ту или иную базовую полезность метода. Вместе с тем когнитивное интервью можно рассматривать как способ развивать свое исследование содержательно (не навязывать собственное представление о предмете исследования, а вытаскивать личный опыт респондента), методически (изучать когнитивные процессы для разных типов вопросов, категорий участников и ситуаций), а также работать с профессионализмом команды. Например, развивать навыки рефлексивности или же помогать адаптироваться интервьюерам к теме исследования и к ситуациям интервью¹.

Получается, что КИ — не столько методика и техника, сколько подход, позволяющий исследователю гибко подходить к решению разнообразных задач. В частности:

- исследовать понятия, слова и концепты обыденного языка или популярные идеологемы;
- вытаскивать смыслы, ассоциации и эмоции, связанные с предметом исследования;
- обнаруживать барьеры, стопперы, зоны умолчания, негативные триггеры, блокирующие изложение своей позиции;
- оценивать уверенность и убежденность в своем мнении, а также готовность корректировать свою точку зрения;
- формировать свое понимание «обыденной теории» изучаемого феномена, выяснять его «бытование» в характерных для него жизненных ситуациях;
- изучать связь представлений и «контекста»;
- разбираться, как человек работает с заданиями того или иного типа («открытые вопросы», работа с цифровыми шкалами, работа с ответом «другое» и пр.);
- увидеть свою анкету «глазами клиента», оценить корректность вопросного задания и исполнения анкеты в целом;
- понять, насколько успешной оказывается апроприация вопросов анкеты, переведенной с иностранного языка;
- спрогнозировать коммуникативные барьеры, которые будут возникать в ситуации взаимодействия интервьюера (или его аналога) и респондента.

Под каждую задачу можно выстраивать оригинальную стратегию когнитивного интервью. Главное — четко формулировать задачу: что изучаем, каким должен быть результат и что с ним команда исследователей будет делать. В исследовании Г. Юдина и Д. Хлевнюк, посвященном изучению способов работы наших соотечественников с «трудным прошлым» страны, в качестве

¹ Накануне исследования, целевой группой которого были выпускники детских домов, довольно опытные интервьюеры и анкетеры сами попросили дать им возможность «отпилотировать анкету» — не столько для ее улучшения, сколько для собственного спокойствия и обретения уверенности в своих силах.

основного методического приема использовались «виньетки» [Юдин, Хлевнюк, 2019]. Это особый тип вопросов, сформулированных как описание ситуации. Само описание конструируется с помощью сразу нескольких переменных, характеристик, само появление которых в формулировке не случайно. Оно предопределено выбранными концептами, которые рассматриваются в качестве факторов, предопределяющих тот или иной выбор ответа. Виньетки дают хороший аналитический материал, но в массовых обследованиях практически не используются из-за своей сложности. Чтобы доработать формулировки и убедиться в адекватности их восприятия, команда Д. Рогозина и А. Ипатовой использовала методику когнитивного интервью¹.

Другой пример. В исследовании WTC Сколково (2015 год), где целевой группой были крупные российские предприниматели и «олигархи», ставилась сложная задача — поговорить об их готовности передать бизнес и благосостояние наследникам [Исследование владельцев капиталов, 2015]. Инструментарий (гайд интервью и анкета) прошел четыре этапа пилотирования, каждый из которых сопровождался когнитивным интервьюированием с четко поставленными и принципиально отличающимися друг от друга задачами: оценить сензитивность затрагиваемых тем и допустимую глубину погружения в них, оценить корректность формулировок и вариантов ответов, оценить логику гайда и анкеты и понять, в какой момент наступает когнитивная и/или эмоциональная усталость, оценить грамотность и компетентность в этих темах самих интервьюеров и их умение «держат удар» в непредвиденных ситуациях.

Функции когнитивного интервью оказываются шире, чем только апробация и пилотаж вопросника. Но даже использование его «по основному назначению» может принести ощутимую пользу разрабатываемому инструментарию и поддержать эффективность команды.

Как провести когнитивное интервью?

— Вот тут есть слово «экстремизм». Что, по вашему мнению, оно означает?

— Вот возьму я вас за шиворот!.. — вот это².

В литературе чаще всего упоминаются два подхода к проведению когнитивного интервью [Holstein, Gubrium, 1997; Beatty, Willis, 2007]. Первый — это «мышление вслух» (think-aloud method). Собеседника просят проговаривать вслух и то, как он знакомится с анкетой, и как размышляет над ответом и вспоминает подходящую информацию, и как в итоге выбирает ответ в анкете.

Второй подход — это «расспрашивание» (intensive interviewing) и «использование зондов». Зонды — это наборы дополнительных вопросов, которые

¹ Методический отчет доступен по запросу. Журнальной публикации этой части исследования пока нет.

² [Так говорил респондент, 2006b: 72].

задаются либо во время формирования ответа (concurrent probes), либо после того, как информант озвучил ответ (retrospective probes).

Кроме этих вполне социологических подходов можно обратить внимание на публикации юристов об использовании когнитивного интервью для задач следствия¹. Тактика его применения имеет принципиальное отличие от допроса: отсутствие обвинительной стилистики и цели получить признание. Когнитивное интервью в следственном деле должно помогать собеседнику оставаться в «зоне комфорта», ему не навязывается лексика дознавателя, а наоборот, активно используется лексика «подозреваемого» или «свидетеля», в том числе уточняются значения слов. Также важно находить темы, в которых человеку легко формулировать ответы (следовать за «когнитивной легкостью», с которой формируются суждения), побуждать рассказывать больше, а также смотреть за реакциями — эмоциями, речью, жестами, мимикой. Отдельная задача — помогать проявиться воспоминаниям о людях или событиях, которые были скоротечны или произошли давно.

Четвертый подход не столь радикально отличается от классических социологических методик. Это конверсационный анализ. Строго говоря, это не техника интервьюирования, а методика анализа разговора, направленная на «обнаружение порядка», на выявление конструкторов социального действия не только в речи и через речь, но и на всех уровнях взаимодействия, сопровождающего разговор [Sacks, 1984]². Конверсанализ не предполагает какой-то специально устроенной стратегии расспрашивания. Напротив, он «охотится» за модальной стилистикой и формами разговоров (поскольку в них отражаются конструирующие взаимодействие структуры). Для нашей темы важна аналитическая оптика, лежащая в основе подхода. Исследователь, проводя интервью, может отмечать как речевые маркеры (смех в голосе, паузы, наложение речи собеседников), так и поведенческие (закусывание ручки или дужки очков, увод глаз, порывистость/тщательность заполнения анкеты и т.д.), которые могут свидетельствовать о затруднении, задумчивости, раздражении или других реакциях и переживаниях.

За примером далеко ходить не надо

— *Что приходит вам в голову при упоминании королевы Великобритании Елизаветы II? Что самое важное Вы могли бы о ней сказать?*

— *Старая больная женщина, ей бы на лавочке сидеть, а ее по балам таскают*³.

Каждый из подходов имеет свои лайфхаки для организации и проведения, свои достоинства и ограничения. Наиболее практичной, наглядной и доступной для освоения методики оказывается подход с использованием

¹ См., например: [Еникеев и др., 2007; Халилев, Легеза, 2018].

² См. также: [Schaeffer, 1991; Goodwin, Heritage, 1990; Турчик, 2010; Rogozin, Яшина, 2007].

³ [Так говорил респондент, 2006b: 72].

вопросов-зондов. Битти и Уиллис выделяют четыре типа вопросов для расспрашивания [Beatty, Willis, 2007]:

- запланированные (когда исследователь догадывается о проблемном вопросе и запланировал разговор по нему);
- ситуативные, спонтанные (когда исследователь решает задавать незапланированные заранее вопросы, чтобы углубиться в тему или проблематизировать ответ собеседника);
- эмерджентные (когда речевые и поведенческие маркеры указывают на проблемы уже в процессе интервью);
- условные, if-зонды (которые задаются при выполнении определенного сценария во время пилотажа или обнаружении определенных маркеров — затянувшееся молчание, усмешка, видимая усталость).

Можно сформулировать наиболее распространенные типы вопросов для расспрашивания¹:

- парафраз (*Перескажите своими словами, о чем этот вопрос*);
- прояснение смысла (*Как вы понимаете это слово? Когда вы говорите ***, что вы имеете в виду?*);
- процесс поиска ответа (*Расскажите, почему вы выбрали именно этот вариант ответа? А как вы пришли к такому ответу, о чем думали / как вспоминали?*);
- расспрашивание о трудностях (*Я вижу, что вы задумались... Что-то вызвало затруднения? А в целом — трудно было работать с анкетой? В какой момент вы почувствовали усталость / раздражение / потеряли интерес?*);
- объяснить реакцию (*Вы засмеялись / улыбнулись / покачали головой — почему?*);
- оценка уверенности в ответе (*Часто бывает, что респонденты выбирают один ответ, а потом зачеркивают и меняют его на другой. Встретились ли в анкете вопросы, в которых вы могли бы выбрать какой-то другой ответ? Или зафиксированный ответ те точно отражает ваше мнение?*);
- общая оценка вопроса, анкеты (*Как вам анкета — ваши впечатления? Трудно или легко было с ней работать?*);
- просьба уточнить (*Вы сказали, что испытываете боль в области живота — покажите, где именно? А как именно вы считали свой ежемесячный доход?*);
- гипостазирование (*А как бы на этот вопрос могла ответить ваша жена?*);
- чувствительность (*Есть ли в анкете вопросы, на которые вам было неловко, неудобно отвечать? Вы выбрали «затрудняюсь ответить» — расскажите, почему?*);
- побуждение к воспоминанию (*Припомните, а что было два года назад, чем вы занимались? Чем запомнился этот год?*);

¹ См., в частности: [Willis, 2015; DeMaio, Rothgeb, 1996; Погозин, 2002].

- ретроспективное уточнение (*Давайте возьмем последнюю неделю. Будем отматывать назад по одному дню и вспоминать, может быть, приходилось выпить хотя бы один-два глотка алкоголя. Что это был за напиток?*);
- ассоциации (*Когда вы слышите слово «доброволец» — что приходит в голову, какие образы возникают?*);
- примеры из жизни (*Вы отметили, что вам доводилось «выступить публично». Расскажите пару-тройку примеров, как это было? Есть вопрос «об участии в вечеринках» — как они проходят?*);
- языковая атрибуция, приписывание (*Оцените язык этого вопроса, насколько он складный, разговорный? Кто, какой человек может говорить таким языком?*);
- оценка привычности действия (*А что для вас значит «смотреть телевизор» — как вы это обычно делаете? Занимаетесь ли при этом какими-то делами? Какими?*).

Число примеров можно множить: под каждую из задач, поставленных перед пилотажем, можно придумать свою уникальную стратегию расспрашивания. Важен принцип — расспрашивание. И важна исследовательская проблема: фокус на когнитивных процессах, типах смещений в ответах разного рода, изучается ли структура взаимодействия, проясняется «обыденная теория» какого-то явления или просто дорабатывается инструментарий. Вместе с тем важно подумать еще о нескольких моментах.

1. Когнитивная усталость. Не стоит взваливать на респондента работу со всеми проблемными вопросами, которые вы запланировали провести через когнитивное интервью. Разговор о трех или четырех вопросах оказывается достаточно информативным.
2. Объяснить задачу. Делать это лучше после того, как респондент ответит на вопросы анкеты. Люди охотно откликаются на просьбу найти неудачно сформулированные вопросы и помочь доработать анкету.
3. Кого опрашивать? Безусловно — свою целевую группу. Однако даже внутри достаточно целостного сообщества стоит постараться найти «типичных» и «нетипичных» респондентов, «сильно вовлеченных» в изучаемую практику и «мало вовлеченных»¹.
4. Интервьюеры. Наиболее разумный вариант, когда сами исследователи и становятся интервьюерами. Но главный вопрос — поведение интервьюеров во время когнитивного интервью. Есть две стратегии: полностью стандартизированное интервью и «поисковая» стратегия, допускающая свободу принятия решений и вариации при проведении разговора с респондентами. Какой принцип выбрать — вопрос договоренности. Но меры свободы/дисциплины должны оговариваться и реализовываться на практике.
5. Сколько брать интервью? Это зависит от задачи, которая ставится перед когнитивным интервью. Если важно доработать анкету, то каждый

¹ См., например, текст о «восьмиоконной выборке» [Штейнберг, 2014].

«проблемный» вопрос стоит показать не менее чем пяти-семи респондентам. Если задача — анализ смещений, анализ разнообразия интерпретаций, тогда стоит ориентироваться на частоту появления новых смыслов или типов смещений. Если нужно проанализировать смысловую структуру какого-то понятия («доход» или «волонтер»), тогда критерием станут статистические требования к значимости различий.

6. Как анализировать? Стратегию анализа предопределяет поставленная задача. Наиболее распространенной формой анализа результатов когнитивных интервью является когнитивное кодирование. Д. Рогозин пишет о кодировании поведения, семантическом кодировании вербальных протоколов, экспертном кодировании вербального протокола и об измерении временных характеристик речевого взаимодействия [Рогозин, 2002]. Это в значительной степени совпадает с техникой анализа, принятой в разговорном анализе (например: [Турчик, 2010]). Конрад и Блэр предлагают выделять лексические проблемы, проблемы включения/исключения, временные проблемы, логические проблемы и вычислительные проблемы. Затем для каждой из них собирать статистику — на каком этапе (интерпретация вопроса, выполнение задания, форматирование ответа) возникают те или иные проблемы. Можно найти и другие примеры разнообразных стратегий анализа [Рогозин, 2007; Рогозин и др., 2006].

Когнитивное интервью — ЗОЖ социолога

— Вы ответили, что предпочитаете отечественные кинофильмы, почему?

— Я же не изменник Родине, я — русский¹.

Когнитивное интервью помогает поддерживать собственное «исследовательское чутье» в тонусе. С одной стороны, можно регулярно возвращаться к классическим «Как правильно задавать вопросы» [Садмен, Брэдберн, 2002] и «Как люди отвечают на вопросы» [Садмен и др., 2003; Шварц, Ойзерман, 2004] и использовать их как навигатор по особенностям мыслительных процессов и по специфике вопросов разных типов, тем более что копилка активно пополняется работами коллег.

С другой стороны, в исследовательскую практику проникают все новые и новые способы и техники сбора первичных данных. Это не только телефонные или онлайн-опросы², но и иные техники, в большей степени изучающие пользовательский опыт: опросы на смартфонах, UX, CJM. В этих подходах используются элементы когнитивного интервью. Однако исследований, экспериментов и аналитики, сфокусированной именно на методических вопросах, пока еще очень мало.

¹ [Так говорил респондент, 2006а: 54].

² Об особенностях поведения респондентов и стратегиях интервьюеров уже много публикаций, например:

[Звоновский и др., 2019; Онлайн исследования в России, 2006; 2010; 2012; 2016].

Есть и третий момент, где когнитивное интервью оказывается незаменимым инструментом. Языковые нормы, коммуникативные регистры речи, стилистика и этика устной и письменной речи стремительно меняются. И дело не только в том, что «семиотика эмодзи» уже сформировалась как направление исследования [Danesi, 2016], а в различных профессиональных сообществах и социальных группах развивается своя специфическая культура коммуникации и общения. Стилистический контраст между разными социальными сегментами оказывается очень сильным и зачастую создает реальные барьеры для взаимодействия исследователя и респондентов-участников. Например, если анкета выполнена в стилистике чиновничьего языка, а респондентами должны стать родители школьников или IT-специалисты и программисты. Языковая идентичность исследователя, доступная респонденту через анкету или гайд, всегда была важным фактором. Однако сейчас языковая и стилистическая компетентность исследователя принципиально оказывается недостаточной и требует специальной проработки на этапе предполя и пилотажа.

Литература

- Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология. М.: Проспект, 2007.
- Звоновский В. Б., Григорьева М. В., Соловьева Ю. В. Современные практики проведения телефонных опросов в странах мира // Социологические исследования. 2019. № 1. С. 127–138. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250003754-2>
- Исследование владельцев капиталов в России 2015 / Под ред. В. Мисютиной, И. Климова. М.: Сколково, 2015.
- Онлайн исследования в России 2.0 / Под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: РИЦ «Северо-Восток», 2010.
- Онлайн исследования в России 3.0 / Под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: Изд. комплекс «Кодекс», 2012.
- Онлайн исследования в России: тенденции и перспективы / Под ред. А. В. Шашкина, М. Е. Поздняковой. М.: Институт социологии РАН, 2006.
- Онлайн-исследования в России 4.0: тенденции и перспективы / Под ред. А. В. Шашкина, И. Ф. Девятко, С. Г. Давыдова. М.: МИК, 2016.
- Рогозин Д. М. Когнитивный анализ опросного инструмента. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
- Рогозин Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. 2007. № 2. С. 97–113.
- Рогозин Д., Климов И., Мануильская К. Тестирование вопросов о доходе // Социальная реальность. 2006. № 11. С. 103–115.
- Рогозин Д., Яшина А. Анализ коммуникативных сбоях в экспертном интервью // Социальная реальность. 2007. № 5. С. 86–101.
- Садмен С., Брэдберн Н. Как правильно задавать вопросы: введение в проектирование массовых обследований / Пер. с англ. А. А. Виницкой; под науч. ред. Д. М. Рогозина. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002.
- Садмен С., Брэдберн Н., Шварц Н. Как люди отвечают на вопросы. Применение когнитивного анализа в массовых обследованиях / Пер. с англ. Д. М. Рогозина, М. В. Рассохиной. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003.

- Так говорил респондент // Социальная реальность. 2006а. № 7–8. С. 54.
- Так говорил респондент // Социальная реальность. 2006б. № 9. С. 72.
- Турчик А. В. Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 21–36.
- Халилев Р. А., Лебеза Л. А. К вопросу об использовании когнитивного интервьюирования в уголовном процессе РФ // Научный вестник Крыма. 2018. № 6. URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/353/pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
- Шварц Н., Ойзерман Д. Как задавать вопросы о поведении в оценочных исследованиях // Социологический журнал. 2004. № 1–2. С. 34–74.
- Штейнберг И. Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконая» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 38–71.
- Юдин Г., Хлевнюк Д. Моральные дилеммы XX века. 2019. URL: <http://trudnaya-pamyat.ru/#rec131952096> (дата обращения: 20.08.2021).
- Beatty P., Willis G. The Practice of Cognitive Interviewing // The Public Opinion Quarterly. 2007. Vol. 71. № 2. P. 287–311. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfm006>
- Danesi M. The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet. London: Bloomsbury Publishing, 2016. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781474282024>
- DeMaio T. J., Rothgeb J. M. Cognitive Interviewing Techniques: In the Lab and in the Field // Answering Questions: Methodology for Determining Cognitive and Communicative Processes in Survey Research / Ed. by N. Schwarz, S. Sudman. San Francisco: Jossey-Bass Publisher, 1996. P. 177–195.
- Goodwin C., Heritage J. Conversation Analysis // Annual Review of Anthropology. 1990. Vol. 19. P. 283–307. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.19.100190.001435>
- Holstein J. A., Gubrium J. F. The Active Interviewing // Qualitative Research: Theory, Method and Practice / Ed. by D. Silverman. London: Sage Publications, 1997. P. 113–129.
- Sacks H. Notes on Methodology // Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis / Ed. by M. Atkinson, J. Heritage. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 21–27. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511665868.005>
- Schaeffer N. C. Conversation with a Purpose — or Conversation? Interaction in the Standardized Survey // Measurement Errors in Surveys / Ed. by P. P. Biemer et al. New York: John Wiley & Sons, 1991. P. 367–391. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118150382.ch19>
- Willis G. B. The Practice of Cross-Cultural Cognitive Interviewing // Public Opinion Quarterly. 2015. Vol. 79. № 51. P. 359–395. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfu092>

Сведения об авторе:

Климов Иван Александрович — кандидат социологических наук, доцент факультета социальных наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории прикладного сетевого анализа, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** iklimov@hse.ru. **ПИНЦ Author ID:** 343961; **ORCID ID:** 0000-0002-3958-538X; **ResearcherID:** K-7561-2015.

Статья поступила в редакцию: 28.09.2021
Принята к публикации: 03.12.2021

INTER-Encyclopedia: Cognitive Interview

DOI: 10.19181/inter.2021.13.4.6

Ivan A. Klimov

*HSE University, Moscow, Russia
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: iklimov@hse.ru*

Cognitive interviewing helps to bring back the original meaning of pilotage in a case study. Cognitive processes in an interview start with the interpretation of the question and its constituent terms, include the stage of forming an opinion and developing a judgment about it, and ends with editing the answer. The objectives of the cognitive interview are to explore the concepts, words and concepts of everyday language; pull out meanings, associations and emotions associated with the subject of research; detect barriers blocking the respondent's presentation of his position; assess confidence in your opinion, as well as the willingness to correct your point of view; to form their understanding of the "ordinary theory" of the studied phenomenon, etc. For each task, you can build an original strategy for a cognitive interview, but it is important to understand what we are studying, what the result should be and what the research team will do with it.

Keywords: cognitive interview; communication with the respondent

References

- Beatty P., Willis G. (2007) The Practice of Cognitive Interviewing. *The Public Opinion Quarterly*. Vol. 71. No. 2. P. 287–311. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfm006>
- Danesi M. (2016) *The Semiotics of Emoji: The Rise of Visual Language in the Age of the Internet*. London: Bloomsbury Publishing. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781474282024>
- DeMaio T.J., Rothgeb J.M. (1996) Cognitive Interviewing Techniques: In the Lab and in the Field. In: Schwarz N., Sudman S. (eds.) *Answering Questions: Methodology for Determining Cognitive and Communicative Processes in Survey Research*. San Francisco: Jossey-Bass Publisher. P. 177–195.
- Enikeev M. I., Obratsov V. A., Eminov V. E. (2007) *Sledstvennye dejstviya: psihologiya, taktika, tekhnologiya* [Investigative Actions: Psychology, Tactics, Technology]. Moscow: Prospekt. (In Russ.)
- Goodwin C., Heritage J. (1990) Conversation Analysis. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 19. P. 283–307. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.an.19.100190.001435>
- Holstein J.A., Gubrium J.F. (1997) The Active Interviewing. In: Silverman D. (ed.) *Qualitative Research: Theory, Method and Practice*. London: Sage Publications. P. 113–129.
- Khalilev R. A., Legeza L. A. (2018) K voprosu ob ispol'zovanii kognitivnogo interv'yuirovaniya v ugovnom processe RF [On the Use of Cognitive Interviewing in the Criminal Process of the Russian Federation]. *Nauchnyj vestnik Kryma* [Scientific Bulletin of the Crimea]. No. 6. URL: <https://nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/353/pdf> (accessed 15.08.2021). (In Russ.)
- Misyutina V., Klimov I. (eds.) (2015) *Issledovanie vladel'cev kapitalov v Rossii 2015* [A Study of Capital Owners in Russia 2015]. Moscow: Skolkovo. (In Russ.)
- Rogozin D. (2007) Testirovanie voprosov o social'nom samochuvstvii [Testing Questions about Social Well-Being]. *Social'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 2. P. 97–113. (In Russ.)
- Rogozin D., Klimov I., Manuil'skaya K. (2006) Testirovanie voprosov o dohode [Testing Questions about Income]. *Social'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 11. P. 103–115. (In Russ.)

Rogozin D., Yashina A. (2007) Analiz kommunikativnykh sboev v ekspertnom interv'yuu [Analysis of Communicative Failures in an Expert Interview]. *Social'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 5. P. 86–101. (In Russ.)

Rogozin D.M. (2002) *Kognitivnyj analiz oprosnogo instrumenta* [Cognitive Analysis of the Survey Tool]. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russ.)

Sacks H. (1984) Notes on Methodology. In: Atkinson M., Heritage J. (eds.) *Structures of Social Action: Studies in Conversation Analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 21–27. DOI: <https://doi.org/10.1017/cbo9780511665868.005>

Schaeffer N.C. (1991) Conversation with a Purpose — or Conversation? Interaction in the Standardized Survey. In: Biemer P.P. et al. (eds.) *Measurement Errors in Surveys*. New York: John Wiley & Sons. P. 367–391. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118150382.ch19>

Schwarz N., Oyserman D. (2001) Kak zadavat' voprosy o povedenii v ochenochnykh issledovaniyakh [Asking Questions About Behavior: Cognition, Communication, and Questionnaire Construction]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. 2004. No. 1–2. P. 34–74. (In Russ.)

Shashkin A.V., Devyatko I.F., Davydova S.G. (eds.) (2010) *Onlajn issledovaniya v Rossii 2.0* [Online Research in Russia 2.0]. Moscow: RIC "Severo-Vostok". (In Russ.)

Shashkin A.V., Devyatko I.F., Davydova S.G. (eds.) (2012) *Onlajn issledovaniya v Rossii 3.0* [Online Research in Russia 3.0]. Moscow: Izd. kompleks "Kodeks". (In Russ.)

Shashkin A.V., Devyatko I.F., Davydova S.G. (eds.) (2016) *Onlajn-issledovaniya v Rossii 4.0: tendentsii i perspektivy* [Online Research in Russia 4.0: Trends and Prospects]. Moscow: MIK. (In Russ.)

Shashkin A.V., Pozdnyakova M. E. (eds.) (2006) *Onlajn issledovaniya v Rossii: tendentsii i perspektivy* [Online Research in Russia: Trends and Prospects]. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.)

Steinberg I. (2014) Logicheskie skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: "vos'miokonnaya" model' [A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An "8-Window Sample Model"]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling]. No. 38. P. 38–71. (In Russ.)

Sudman S., Bradburn N. (2002) *Kak pravil'no zadavat' voprosy: vvedenie v proektirovanie massovykh obsledovaniij* [Asking Questions: A Practical Guide to Questionnaire Design] / Transl. from Eng. by D.M. Rogozin, M.V. Rassohina. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russ.)

Sudman S., Bradburn N., Schwarz N. (2003) *Kak lyudi otvechayut na voprosy. Primenenie kognitivnogo analiza v massovykh obsledovaniyakh* [Thinking about Answers: The Application of Cognitive Processes to Survey Methodology] / Transl. from Eng. by D.M. Rogozin, M.V. Rassohina. Moscow: Institut Fonda "Obshchestvennoe mnenie". (In Russ.)

Tak govoril respondent [So the Respondent Said] (2006a) *Social'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 7–8. P. 54. (In Russ.)

Tak govoril respondent [So the Respondent Said] (2006b) *Social'naya real'nost'* [Social Reality]. No. 9. P. 72. (In Russ.)

Turchik A.W. (2010) Konversatsionnyj analiz smekha v rechevom vzaimodejstvii: sluchaj konstruirovaniya otsenok vlasti [Laughter in Interaction: Analysis of Conversations about Authorities Estimation]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal]. No. 1. P. 21–36. (In Russ.)

Willis G.B. (2015) The Practice of Cross-Cultural Cognitive Interviewing. *Public Opinion Quarterly*. Vol. 79. No. S1. P. 359–395. DOI: <https://doi.org/10.1093/poq/nfu092>

Yudin G., Khlevnyuk D. (2019) *Moral'nye dilemmy XX veka* [Moral Dilemmas of the Twentieth Century]. URL: <http://trudnaya-pamyat.ru/#rec131952096> (accessed 20.08.2021). (In Russ.)

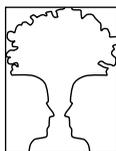

Zvonovsky V.B., Grigorieva M.V., Solovieva J.V. (2019) Sovremennye praktiki provedeniya telefonnykh oprosov v stranah mira [Contemporary Practices of Telephone Surveys in the World]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 1. P. 127–138. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250003754-2>

Author bio:

Ivan A. Klimov — Candidate of Sociology, Associate Professor, Faculty of Social Sciences; Senior Researcher, International laboratory for Applied Network Research, HSE University, Moscow, Russia; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** iklimov@hse.ru. **RSCI Author ID:** 343961; **ORCID ID:** 0000-0002-3958-538X; **ResearcherID:** K-7561-2015.

Received: 28.09.2021
Accepted: 03.12.2021

Интеракция. Интервью. Интерпретация.

2021. Том 13. № 4

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Рецензируемый научный журнал
«Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

Главный редактор:

Виктория Владимировна Семенова

Редакция:

Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Ответственный секретарь:

Павел Евгеньевич Сушко

Технический редактор:

Анастасия Дмитриевна Говорова

Компьютерная верстка:

Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:

Анна Николаевна Кокарева

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
E-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, corp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 (499) 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com